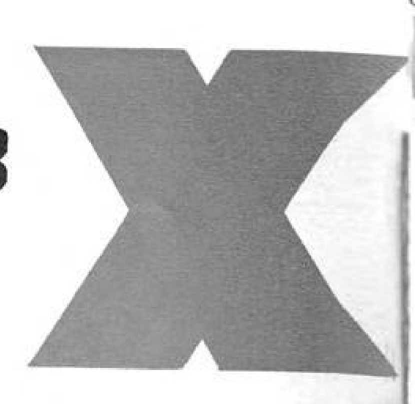

ОГОНЁК
№ 34 АВГУСТ 1968
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

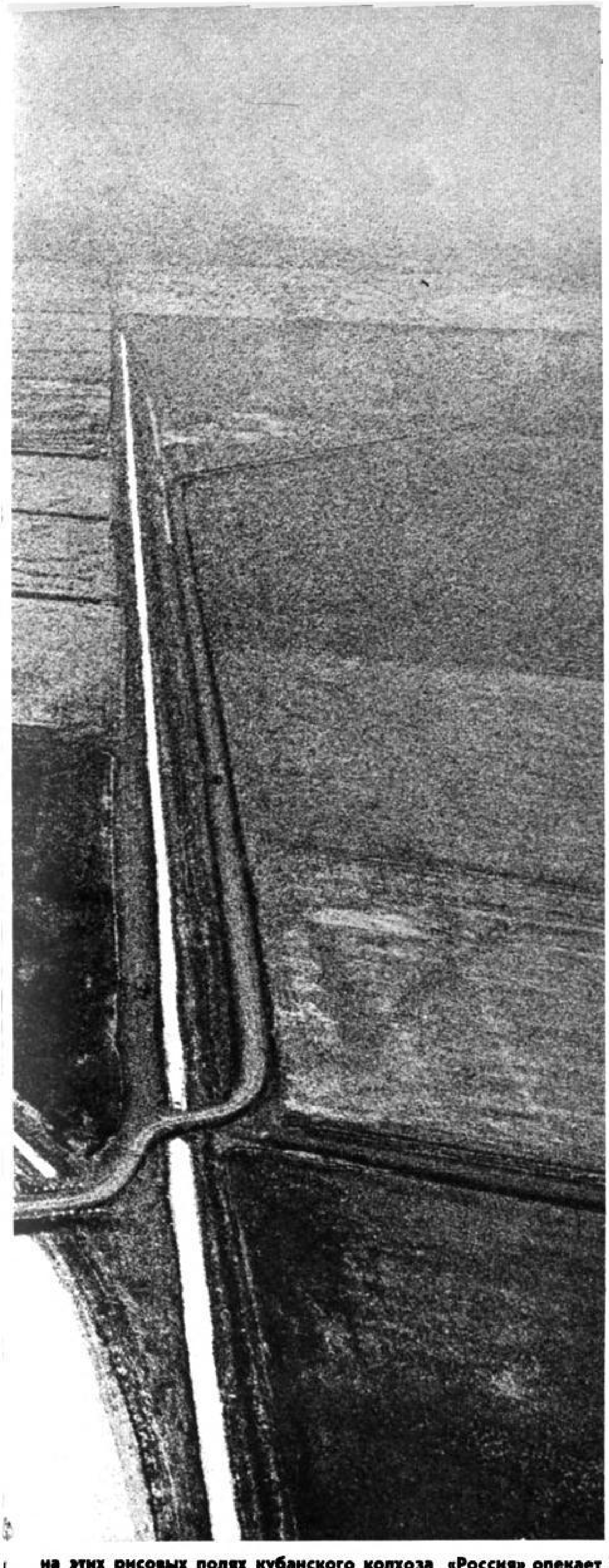
Тридцать шесть гектаров

В. И. ЛЕНИН:

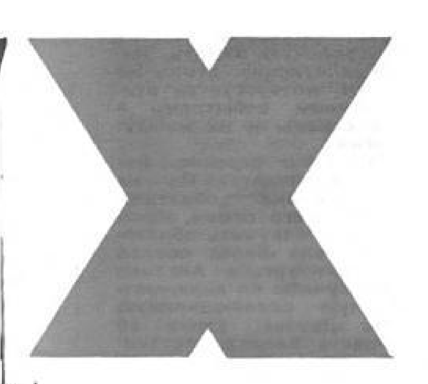
«Орошение особенно важно, чтобы поднять земледелие и скотоводство во что бы то ни стало».

РЕЗЕРВ

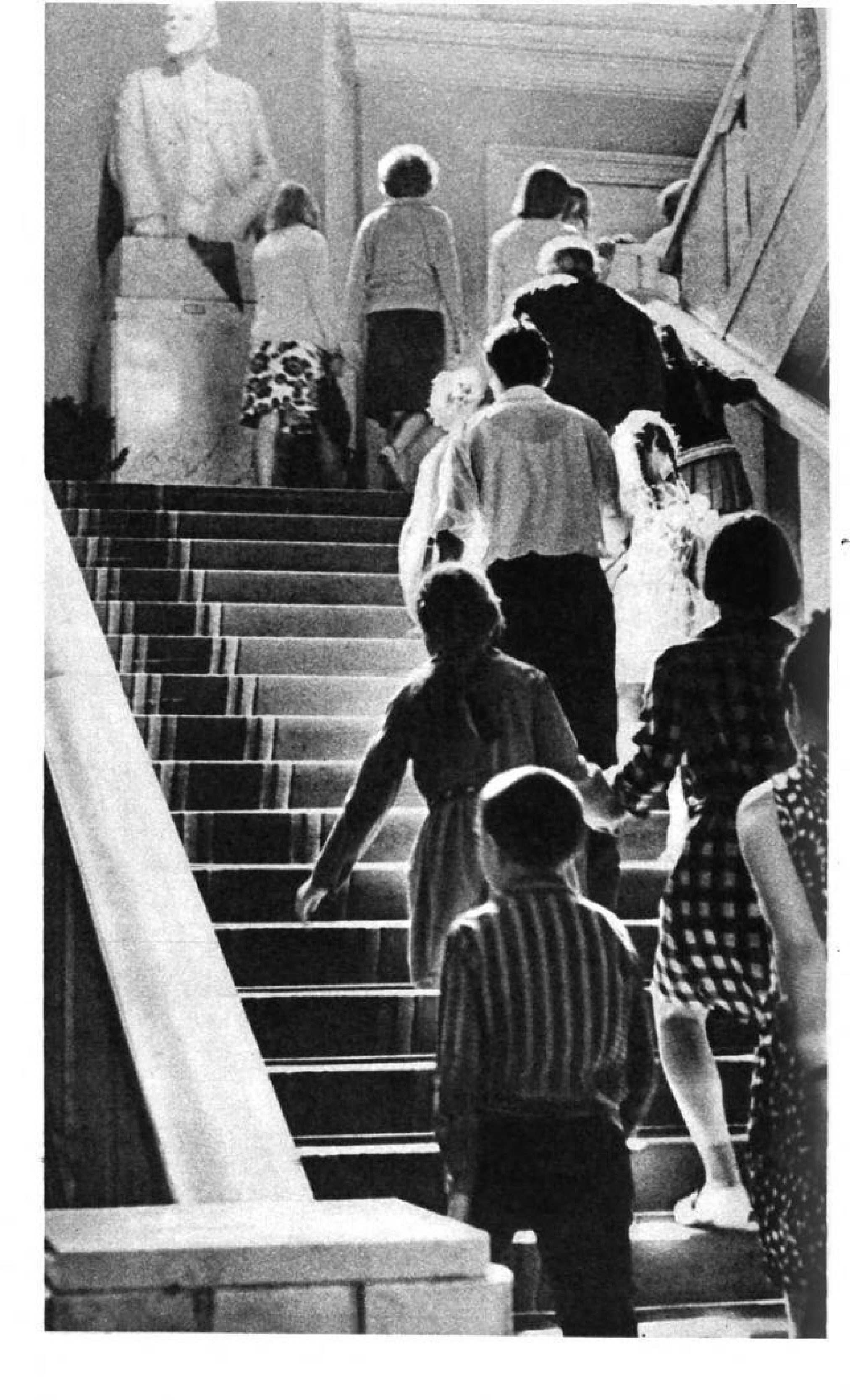
на этих рисовых полях кубанского колхоза «Россия» опекает комсомолка Люба Кучер. Фото Ю. Кривоносова.

ТАК ВИДНЫЕ УЧЕНЫЕ МИРА НАЗЫВАЮТ МЕЛИОРАЦИЮ. В ЭТОМ НОМЕРЕ «ОГОНЬКА», НА СТРАНИЦАХ 12–17, МЫ РАССКАЗЫВАЕМ О ТОМ, КАК В НАШЕЙ СТРАНЕ ЭТОТ МОГУЧИЙ РЕЗЕРВ СТАВИТСЯ НА СЛУЖБУ ЧЕЛОВЕКУ, КАК ВОПЛОЩАЕТСЯ В ЖИЗНЬ НАМЕЧЕННАЯ ПАРТИЕЙ ПРОГРАММА ШИРОКОЙ МЕЛИОРАЦИИ ЗЕМЕЛЬ.

СТОЛЕТИЯ

РАБОТАТЬ И ЖИТЬ ПО-ЛЕНИНСКИ!

«Наша партия, наш народ, закаленные в революционных битвах, в борьбе за построение нового общества, преисполнены непоколебимой решимости неуклонно выполнять великие заветы своего вождя и учителя Владимира Ильича Ленина.

Будем и дальше работать и жить по-ленински, созидая прекрасный памятник Владимиру Ильичу—здание коммунизма, великое и достойное воплощение его бессмертных идей. Еще теснее сплотим наши ряды! Больше упорства и самоотверженности, дисциплины и организованности! Больше творческой инициативы на всех участках коммунистического строительства! Выше революционное марксистско-ленинское знамя борьбы за коммунизм!»

Это заключительные строки опубликованного в печати постановления Центрального Комитета КПСС «О подготовке к 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина». Живой отклик, высокие чувства и устремления, волну политического и трудового подъема вызвал у советских людей этот огромного исторического значения документ. В нем ярко раскрывается величие Ленина, неиссякаемая жизненная сила ленинского учения, в нем определяется широкая программа идеологической и организационной работы в связи с предстоящим юбилеем.

Обращая свои мысли, думы, чаяния к великому Ленину, советские люди говорят сегодня словами поэта:

Вашим,
товарищ,
сердцем
и именем
думаем
дышим,
боремся,
и живем.

Основан 1 апреля 1923 года

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

№ 34 (2147)

17 АВГУСТА 1968

Он встречался с Ильичем

К 21-й годовщине независимости Индии

С поэтом П. М. Бапатом я познакомился во время недавней поездки в Индию. Поэтом он, правда, стал только на склоне лет, а всю свою сознательную жизнь посвятил борьбе за свободу Индии. Огромное влияние на Бапата оказала встреча с В. И. Лениным. После этой встречи индийский революционер возглавил массовую борьбу крестьян.

...Автомобиль с трудом пробирается по узким улочкам окраин Бомбея. С трудом нахожу дом Бапата. Несмотря на свои 88 лет, он сохранил прекрасную память, пишет яркие, волнующие стихи на языке маратхи, интересуется всеми политическими событиями в жизни своей страны и на международной арене.

Родился Бапат в деревне. Родители жили в нищете. Но на дарование мальчика обратили внимание друзья его семьи, которые помогли ему получить образование. В 1905 году Бапат поехал учиться в Эдинбург, в Англию. С первых дней учебы он включается в активную революционную деятельность. Друзья, узнав об опасности ареста Бапата, заставили его покинуть Англию. В июле

Голос сердца

В этом доме все о Ленине. О его бессмертном учении, о его жизни. Центральный музей В. И. Ленина. Он еще не открылся, а автобус из Ярославля уже привез экскурсантов. Терпеливо ждут, когда распахнутся двери музея, двое пожилых канадцев: «Мы должны побывать у Ленина, завтра улетаем домой». Тут же ребятишки, отдыхавшие в Артеке, их сверстники из ГДР, молодые финны...

Мы входим в музей вместе с первыми его посетителями. Они направляются в разные залы, чтобы через полтора-два часа снова собраться тут, в вестибюле, обменяться впечатлениями, сделать свои записи — в них голос сердца.

Вот некоторые из этих записей, оставленных тут на минувшей неделе.

«Когда я уезжала в Москву, мои ученики говорили: вы счастливая, побываете у Ильича. Да, это большое счастье. Большое волнение испытываешь, проходя по залам музея». В. Неежко, Сахалинская область.

«Здесь мы с новой силой пережили, передумали то, что давно живет в сердцах людей». Комсомольско-молодежная бригада из Киева.

«В дни приближающейся знаменательной даты, столетия со дня рождения В. И. Ленина, мы побывали в музее, побывали у Ленина...» Учителя из Вологодской области.

«Великому вождю, любимому Ильичу от пионеров школы № 84 станции Красный Камень, Западно-Сибирской железной дороги» (запись, сделанная по шелку пионерского галстука).

«Благодарим безмерно! Принесли свою любовь Ленину и делу Ильича». В. Капустин. Волгоградская область.

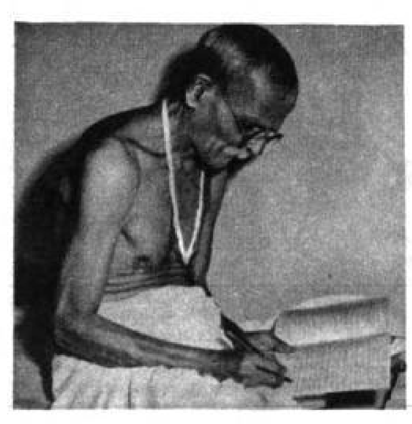
«Счастливы, что побывали у Ленина». Семья Горячевых, город Рудный.

«Крепко будем держать знамя Ленина!» И. Белкин, Новосибирская область.

«Велика любовь к Ленину, безгранична вера в его учение, проверенное и обогащенное нашим пятидесятилетием. В эти дни мы говорим, что всегда будем идти путем, который прокладывает наша ленинская КПСС». В. Иванов, Москва.

Тысячи людей ежедневно приходят в музей. Идут и идут люди в большой красный дом, что стоит в центре Москвы. И всегда будут идти... Бесконечной чередой. Нести любовь миллионов Ленину.

К. КОСТИН
Фото Л. Шерстенникова.

1907 года он перебирается в Париж. Здесь его увлекли методы террористической борьбы. Но одна волнующая встреча, которая произошла у Бапата в Швейцарии, резко изменила его планы. Беседа с Лениным открыла Бапату глаза на многое. По возвращении в Индию он понял суть подлинной революционной борьбы во имя освобождения своей родины.

Попав в тюрьму в 1937 году, Бапат начал писать стихи в форме поэтических писем сыну. Когда Бапату сообщили, что его сын вступил в коммунистическую партию, он сказал: «Лучшей новости вы не могли мне сообщить».

В дни установления независимости Индии Бапат уже, естественно, не мог принимать активного участия в политической жизни страны. Но все же в 1955 году, когда ему было уже 75 лет, он принял участие в «мирном наступлении» на Гоа с тем, чтобы добиться освобождения от португальцев этой последней к тому времени колонии на территории Индии. Как известно, португальские войска обстреляли колонну мирных демонстрантов, были убитые и раненые. Бапат тогда был избит палками. «Когда в декабре 1961 года индийские войска освободили народ Гоа, я был этому особенно рад,— сказал Бапат,— потому что это еще раз подтвердило справедливость того, что я узнал от В. И. Ленина,— о многообразии форм борьбы с империалистами и необходимости вести ее до победного конца».

Ю. НАСЕНКО,
старший научный сотрудник Института народов Азии АН СССР

Перед нами две фотографии города Харькова. Одна была сделана фотокорреспондентом А. Егоровым 23 августа 1943 года, когда город, весь в дымящихся развалинах и пожарищах, был очищен от немецко-фашистских захватчиков. В центре группы саперов подразделения лейтенанта И. В. Кирюченко — отличный минер сержант М. И. Запорожцев.

Врагу ничто тогда не помогло — даже отборные танковые дивизии СС «Райх», «Мертвая голова» и «Викинг», которые он стянул к Харькову. Войска Воронежского, Степного и Юго-Западного фронтов, завершая мощное контрнаступление на Белгородско-Харьковском направлении, все сильнее сжимали стальные тиски вокруг Харькова, прорвали оборонительное обводное кольцо неприятеля и, наконец, штурмом овладели «восточными воротами Украины», как писали об этом сами немцы. В тот же день автотранспорт доставил из Купянска к городу, которому грозил голод, продовольствие. Москва послала харьковчанам 150 вагонов промышленных товаров.

Через несколько дней здесь уже не было слышно канонады, врага отбросили за Мерефу.

На второй фотографии, сделанной четверть века спустя корреспондентом ТАСС А. Татаренко,— Харьков сегодня. Всей стране известны его турбины и тепловозы, тракторы и станки, научные институты и вузы...

● Четверть века спустя.

СЖИМАЛИСЬ СТАЛЬНЫЕ ТИСКИ...

К нашим читателям

В нынешнем году исполняется двадцать пять лет с тех пор, когда Советская Армия после завершения Курской битвы перешла в решительное наступление по всему фронту и погнала гитлеровские войска на Запад, прочь с советской земли. Начиная с лета 1943 года в Москве один за другим гремели артиллерийские салюты, возвещая о том, что советские воины освободили от врага еще один город.

В сентябре враг бежал из Новороссийска и Брянска. 25-го числа этого же месяца был освобожден древний Смоленск. 8 октября советские части выбили гитлеровцев из Донбасса. В канун Великого октябрьского праздника — 6 ноября 1943 года красное знамя взвилось над столицей Украины — Киевом.

Об этих славных победах Советских Вооруженных Сил и всего советского народа, о героических подвигах, свершенных двадцать пять лет назад, «Огонек» расскажет на своих страницах.

Мы надеемся, что наши читатели помогут нам в этом: пришлют свои воспоминания о боях и о боевых товарищах, старые фронтовые фотографии, документы и т. д.

Ждем ваших писем, дорогие читатели! Письма шлите с пометкой: «Подвигу — 25 лет».

МУЖЕСТВО ВЬЕТНАМА

Юсеф эс-СИБАИ

Юсеф эс-Сибаи — видный арабский писатель и общественный деятель, генеральный секретарь Организации солидарности народов Азии и Африки, председатель Высшего совета по делам культуры и литературы ОАР. Недавно он посетил Вьетнам.

Сегодняшний Вьетнам — это какое-то удивительное переплетение жестокостей смерти и массового разрушения, постоянной опасности и живого оптимизма, спокойной уверенности, острой любви к жизни, к музыке, ко всему молодому и зеленому. Поэмы войны и любви пишутся здесь кровью, но поют их на прекрасные, нежные мелодии мужественные и великодушные люди.

Когда зеленый холмистый пейзаж Вьетнама появился под крылом самолета, еще сильнее стало желание самому познать и понять то, что я уже знал по документам, по встречам, по книгам: как живет и сражается этот народ под постоянными налетами, в условиях суровой борьбы.

Вьетнам встретил нас на аэродроме букетами гладиолусов. Едва отъехав от аэропорта, наша машина погрузилась в глубокую темноту (на дорогах страны строжайше соблюдается светомаскировка), прорезаемую лишь на самое короткое расстояние прыгающим светом фар, упирающихся в густые джунгли. В безветренной ночи стеной стояла влажность. Мы проехали недолго — и остановились примерно на час. Надо было пересечь понтонный мост, наведенный через бурлящую Красную реку. Перед нами медленно двигалась длинная вереница автомобилей и велосипедов. В машинах не было пассажиров: чтобы не перегружать мост, они пересекали его первыми, пешком.

— Американцы разрушили наши главные мосты,— сказал, словно извиняясь, сопровождающий нас вьетнамец-переводчик,— поэтому мы вынуждены были построить на скорую руку такие плавучие мосты.

Жара душила нас и даже сумела победить время. Казалось, оно остановилось.

Пройти по мосту в этой чернильной темноте было нелегким делом. Помогали едва различимые силуэты часовых. Один из них — грациозная молодая девушка, сидевшая на корточках со своим автоматом на спине, улыбнулась, увидев нас, и помахала нам рукой. Над плеском широкой Красной реки в непроглядной темноте неслась мелодичная музыка.

Когда после переправы, которая, казалось, никогда не кончится, мы очутились на другом берегу, Ханой встретил нас своими мерцающими огнями и той же мягкой, таинственной мелодией, сопровождавшей нас до самой гостиницы.

Первая встреча с вьетнамскими друзьями на следующий день была назначена в шесть утра. Я подумал, что мы поедем куда-либо за город. Но нет. Позже я узнал, что жизнь в городах начинается в шесть утра и кончается с наступлением сумерек — в 5 часов вечера, с перерывом в дневные часы. Из моей комнаты в гостинице, расположенной как раз напротив министерства внутренних дел, я мог видеть, как в восемь часов служащие вышли из-за столов на 15-минутную зарядку.

Поездки и встречи во Вьетнаме позволили мне увидеть и услышать гораздо больше того, что я ожидал. Я увидел народ, полный решимости защищать свои права от покушающегося на них могущественного и богатого захватчика, которому он наносит поражения.

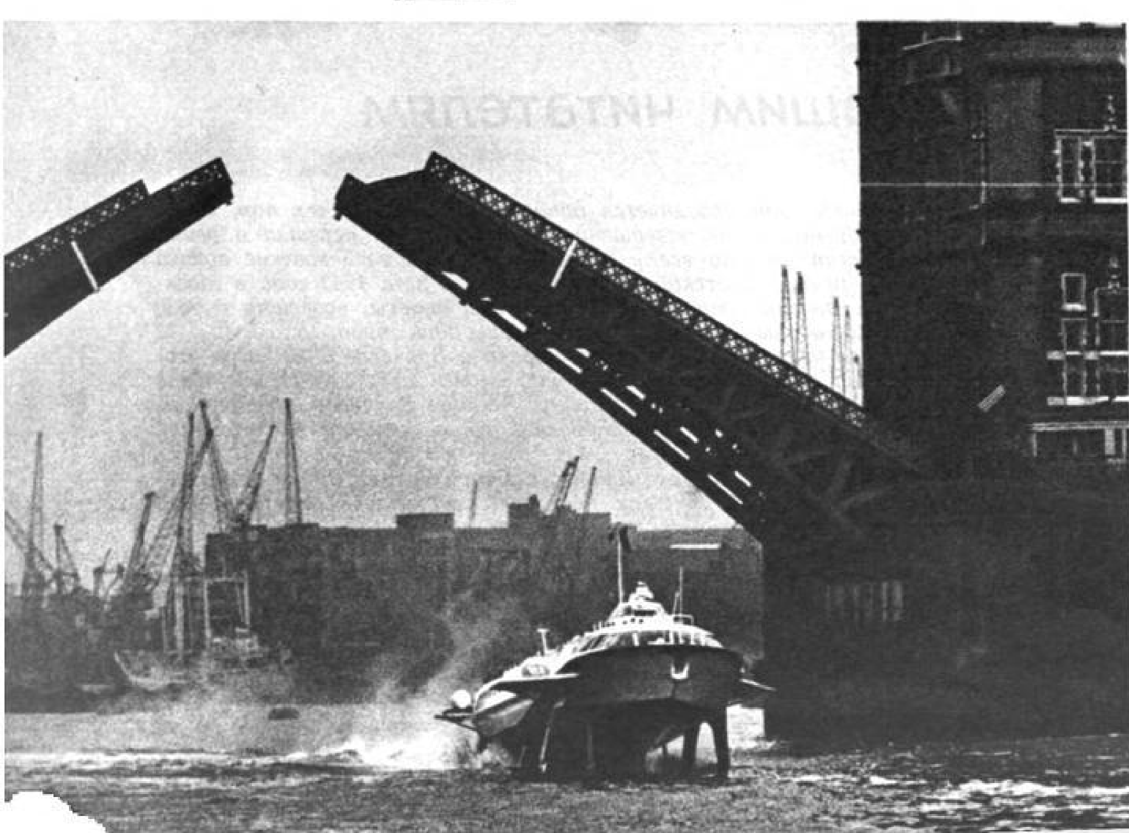
После посещения зенитной артиллерийской установки я не мог не сравнить то, что происходит во Вьетнаме, с положением на Ближнем Востоке. Несмотря на расстояние, разделяющее эти два района, я нашел между ними много общего. И тут и там была совершена скрытая или явная агрессия против народа, борющегося за лучшую жизнь, мир и свободу. Я вспомнил о том, что наемные летчики, использованные на Ближнем Востоке, были отобраны во Вьетнаме израильским министром Моше Даяном во время его шестимесячной миссии при американской морской пехоте. Здесь, во Вьетнаме, он встречался с американскими генералами и обсуждал с ними с военной точки зрения взрывчатую ситуацию, сложившуюся на Ближнем Востоке. Именно здесь, во Вьетнаме, американские стратеги испытывали свое разрушительное оружие, прежде чем передать его израильтянам для использования против арабов.

Во Вьетнаме Моше Даян заключил сделку с 1 240 офицерами. Среди них было 600 военных летчиков, а остальные — пилоты вертолетов и технические специалисты. После того, как они прошли тренировки и обучение языку в лагерях Бир Шеба и Юр Шеба, Израиль бросил их 5 июня прошлого года в подлую атаку.

С самого начала борьбы вьетнамского народа против неспровоцированной агрессии арабский народ в идущем от сердца порыве встал рядом с вьетнамцами. С расширением войны в Юго-Восточной Азии арабы, полностью сознавая общность своей борьбы и борьбы вьетнамского народа, решительно поддержали

Такой корабль на берегах Темзы увидели впервые. «Комета» — судно на подводных крыльях, сделанное в СССР,— один из экспонатов советской торгово-промышленной выставки, открывшейся в Лондоне. С одинаковым интересом к выставке отнеслись простые англичане и представители деловых кругов Великобритании.

Закончился съезд республиканской партии США. Съезд проходил в курортном городе Майами, куда съехались представители республиканцев из всех пятидесяти штатов Америки. Но самым громким голосом в Майами был голос «51-го штата» — голодного и бесправного люда Соединенных Штатов. В негритянских кварталах города прокатилась волна демонстраций за права негров, жестоко подавленная полицией.

вьетнамцев. События на Ближнем Востоке и в Юго-Восточной Азии — звенья одной и той же империалистической политики угнетения, преступной агрессии и высокомерия, основанных на мощном техническом арсенале. Но оба народа успешно сопротивляются агрессии, защищают свои законные права, полны решимости проложить себе путь к полной независимости, подлинной свободе и социальному прогрессу.

Оба народа не отказываются в конечном счете от возможностей мирного урегулирования на базе международных соглашений и общепризнанных правовых норм. В то же время оба народа полны желания и готовы, несмотря на неравенство в силах, взять в руки оружие, если у них не будет другого пути защитить себя. Мир — это основная и заветная цель людей, но не может быть и речи о любом мире; наши народы не уступят агрессору. Вьетнамцы и арабы живут всегда готовые к сражениям, но они всеми своими силами стремятся к миру, основанному на справедливости и уважении своих прав.

Я знал это по моей стране. Я почувствовал тот же дух во Вьетнаме. Мне представился случай увидеть настоящее лицо Вьетнама, его открытое, улыбающееся лицо, услышать его песни, звучащие громче разрывов снарядов. По утрам тысячи людей едут на велосипедах на работу вдоль тротуаров, на которых стоят корзины фруктов и овощей рядом с бомбоубежищами. У кинотеатров — улыбчивая толпа, приветствующая иностранцев без малейшего намека на подозрение, без следа осторожной враждебности, как будто у этого народа в мире нет вообще ни одного врага. В сельскохозяйственном кооперативе, недалеко от столицы, тоже кипела жизнь; люди трудятся, и в этом труде есть место и личной инициативе и коллективным усилиям. В кооперативах существует разумная система сочетания труда, учебы и поощрений.

Девушка с фермы угостила меня душистым чаем без сахара и просто закармливала бананами, дети с любопытством разглядывали нас из окон, бежали за нами со смехом и криками, как и в любой деревне мира. Можно было забыть, что эту страну разрывала война.

Мой спутник сказал:

— За годы войны наша продукция выросла. Это необходимо для того, чтобы успешно сражаться.

Я вспомнил мою страну. Мы действуем так же перед лицом израильских империалистов, окопавшихся на наших землях.

Здесь, как и на моей родине, жизнь идет своим обычным путем. Но когда начинается бой, каждый знает свой пост.

Вьетнамцы уверенно стоят у орудий, ведут бой мужественно. Когда налет кончается, они снова берутся за свою обычную работу, с песнями, улыбаясь.

Поразительно, как этот народ любит музыку. Рабочие, разбирающие развалины, девушки на велосипедах, зенитчики у своих орудий — все они что-то напевают.

Я спросил, не военные ли это песни.

Мой переводчик ответил:

— Во всяком случае, не все. Это песни о войне и о любви.

Но даже в песне о войне вы почувствуете нежную и романтическую мелодию, столь характерную для этого жизнелюбивого, гостеприимного народа.

На зенитной батарее, в укрытии, я услышал целый оркестр, состоявший из флейты, ударных, деревянных цимбал и аккордеона. На этих инструментах играли те самые люди, что недавно сбили «юбилейный» трехтысячный американский самолет. Здесь меня угощали великолепным блюдом из бананов, посаженных зенитчиками. Еще они выращивают цветы и разводят домашних животных.

— Мы ненавидим войну,— сказал командир батареи.— Но мы должны сражаться — у нас нет другого пути защиты.

Я услышал здесь рассказы о том, как спасавшимся на парашюте американским летчикам давали пить и перевязывали раны вьетнамцы, у которых в результате налетов погибли дети и чьи деревни были разрушены.

Война здесь вошла в быт. Улыбки, песни, цветы, любовь, производственная гимнастика занимают свое место рядом с пулеметами, укрытиями, восстановительными работами, подземными убежищами.

Война не ожесточила сердца людей. Напротив, я почувствовал, что здесь есть место любви и уверенности.

В этой стране идет битва между человеком и самолетом. Бандитские самолеты могут снести с лица земли целые деревни, сеять смерть и разруху. Но жизнь продолжается. В этой долгой и нелегкой битве человек явно выигрывает. Мужество и терпение ведут человека все ближе и ближе к победе над бомбами, агрессией и бессмысленной жестокостью.

На передовых позициях времени

Советскому философу академику Петру Николаевичу Федосееву исполняется 60 лет.

Глубокие марксистские исследования П. Н. Федосеева внесли существенный вклад в развитие советской философской науки. Его перу принадлежит более двухсот научных работ, посвященных самым разнообразным вопросам философского знания и теории научного коммунизма. Помимо собственных исследований, он принимал участие в написании и редактировании многих книг и учебных пособий по марксистско-ленинской философии, научному коммунизму и атеизму.

Академик П. Н. Федосеев известен не только как ученый, но и как умелый организатор науки. Долгое время он возглавлял Институт философии АН СССР, был академиком-секретарем Отделения экономики, философии и права, вице-президентом Академии наук. Сейчас академик П. Н. Федосеев руководит Институтом марксизма-ленинизма при ЦК КПСС, является членом президиума Академии наук СССР.

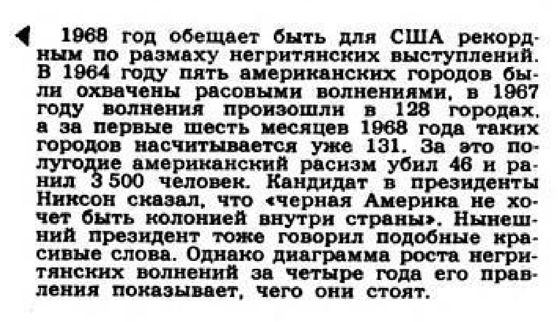
Ученый-коммунист принимает активное участие в общественно-политической жизни страны. Он член ЦК КПСС, депутат Верховного Совета СССР. С 1958 года возглавляет Общество советско-венгерской дружбы, которое проводит большую работу по укреплению интернациональных связей между народами обеих стран.

П. Н. Федосееву присуща высокая партийная непримиримость и страстность в борьбе со всеми видами враждебной буржуазной идеологии, ревизионизма и догматизма. Он многократно и с честью представлял советскую философскую науку на различных международных конгрессах, успешно выступал в полемике с идеологическими противниками. «Наша идеологическая работа,— говорил он в одном из выступлений,— призвана не только парализовать влияние буржуазной идеологии на советских людей, на людей социалистических стран, но и теснить, разить буржуазную идеологию на ее собственной территории».

В работах ученого-философа уделено большое внимание вопросам развития литературы и искусства, обоснованию социалистического реализма как целостной эстетической концепции. В острой борьбе вокруг проблем социалистического реализма П. Н. Федосеев находится на передовых рубежах, выступая против попыток врагов трактовать этот метод как некую «доктрину», навязанную художникам извне, разоблачая стремления противопоставить партийность свободе творчества. «Для деятелей социалистической культуры,— говорит ученый,— не существует конфликта между партийностью и свободой творчества, ибо свободный выбор темы и формы произведения, направления работы у пролетарского художника совпадает с его идейной убежденностью, с его мировоззрением, с его ненавистью к классовым врагам и любовью к людям труда, с его желанием оказывать посильную помощь партии и народу». Марксистско-ленинские идеи в отношении искусства и литературы, развиваемые в книгах и статьях П. Н. Федосеева, служат незыблемой теоретической основой деятельности советской творческой интеллигенции.

Всю свою кипучую энергию и свойственную ему огромную работоспособность П. Н. Федосеев отдает служению марксизму-ленинизму — науке, открывающей всему человечеству путь в светлое будущее — коммунизм.

Кандидат философских наук
А. КРУХМАЛЕВ

◀ 1968 год обещает быть для США рекордным по размаху негритянских выступлений. В 1964 году пять американских городов были охвачены расовыми волнениями, в 1967 году волнения произошли в 128 городах, а за первые шесть месяцев 1968 года таких городов насчитывается уже 131. За это полугодие американский расизм убил 46 и ранил 3 500 человек. Кандидат в президенты Никсон сказал, что «черная Америка не хочет быть колонией внутри страны». Нынешний президент тоже говорил подобные красивые слова. Однако диаграмма роста негритянских волнений за четыре года его правления показывает, чего они стоят.

Недавно в Италии тысячи центнеров апельсинов были свезены на берег реки Петраче. Здесь в бой с фруктами вступили гусеничные тракторы. Они давили апельсины, сбрасывали их в воду. Местные крестьяне, бросившиеся подбирать нераздавленные фрукты, говорили, что давно не ели апельсинов. Конечно, излишки можно было бы раздать или продать по низким ценам. Но это означало бы, что коммерсантам и экспортерам не удалось бы получить крупные прибыли. И «апельсиновая битва» закончилась их победой.
▼

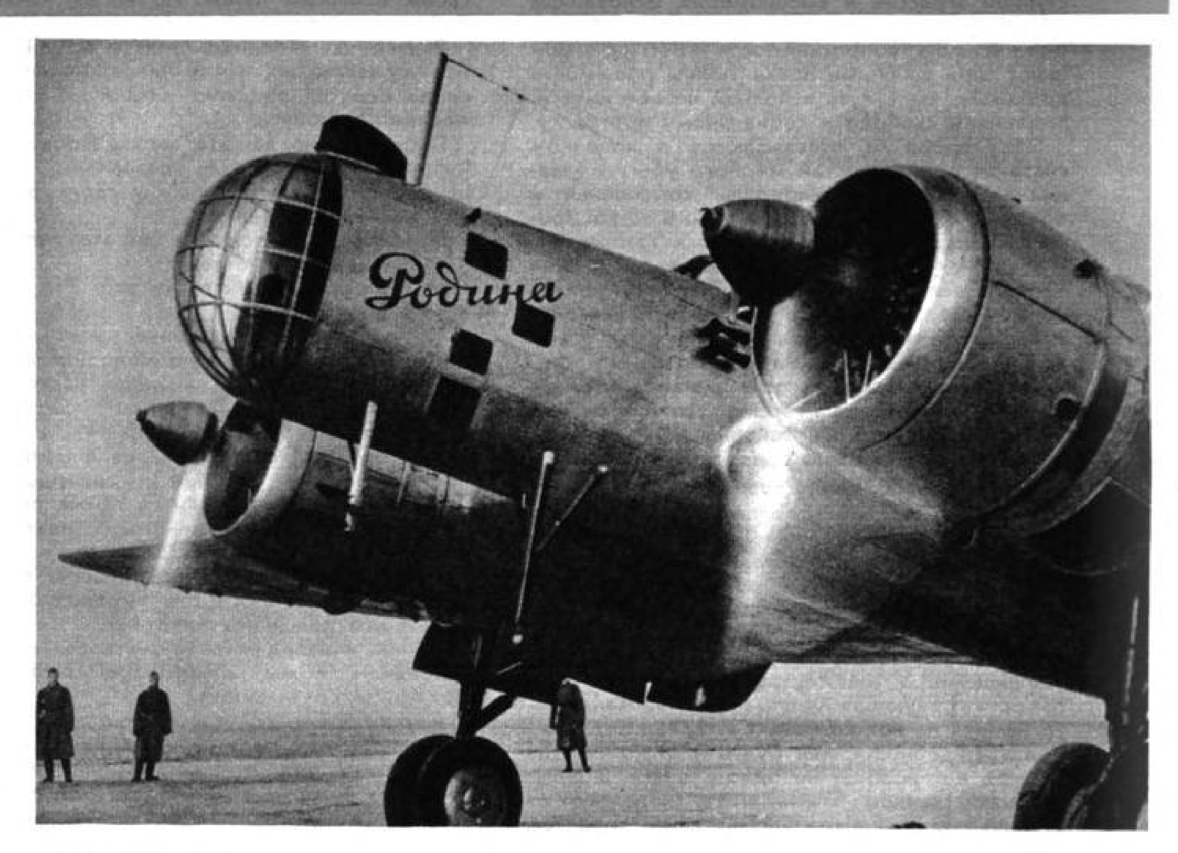
Фото ЮПИ, журналов «Вие Нуове», «Ньюсуик», «Ю. С. ньюс энд Уорлд рипорт».

На Ближнем Востоке израильские агрессоры продолжают нагнетать напряженность. Провокации против ОАР и Иордании не прекращаются. На снимке — поврежденная артиллерийским обстрелом с израильской стороны церковь в городе Суэце.

Майор М. Раскова.

Самолет «Родина».

Марина ЧЕЧНЕВА,
Герой Советского Союза

В ыс

Из документальной повес

Мы сделали все, что смогли... Наша жизнь принадлежала и принадлежит ленинской партии, и мы готовы — я говорю это от имени экипажа...— пожертвовать всем для защиты ее идей.

Валерий Чкалов.

Марина Раскова с дочерью Таней.

В. Гризодубова, П. Осипенко, М. Раскова у самолета «Родина» перед стартом.

М. Раскова, П. Осипенко.

Фото Б. Вдовенко и А. Устинова.

Мы сидели с подругой на подоконнике.

— Вот я и окончила пилотское отделение, а что толку? На Хасан не попала. К Халхин-Голу не успела...

— Ты что же думаешь, что в тридцать девятом все боевые дела закончились?..

— Не думаю, но обидно... Другие воюют, совершают перелеты... А ты учись, учись и учись... И нет этому конца.

— Конец будет.

— Знаешь, когда я в 1938-м поступила в аэроклуб, я обратила внимание — сколько заявлений от девчат!

— Чего ж удивительного? После полетов Гризодубовой и Расковой всякая мечтает о небе!

— Интересно, что сейчас Раскова делает.

— Готовится к новым полетам.

— Знаешь, что я тебе расскажу?.. Это очень серьезно. Хочу стать летчиком-истребителем! И буду просить помочь мне Марину Михайловну.

— Ты с ума сошла! Во-первых, она занята — готовится к полету. Во-вторых, женщин в военные школы все равно не принимают!

— Раньше не принимали. А в жизни все меняется. Раньше женщины и героических перелетов не совершали, как, скажем, та же Раскова.

— Ну, Раскова — это особое дело. Она необыкновенная женщина.

— И все же я рискну...

«Нужно только решиться,—говорила я себе несколько дней кряду, поглядывая на телефонный аппарат.— А, была не была!..»

ти о Марине Расковой

Я набрала номер.

— Марина Михайловна! Вас беспокоит Марина Чечнева, ученица аэроклуба... Я бы хотела... вас видеть...

— Пожалуйста, заходите,— ответила телефонная трубка.

— Ой, большое вам спасибо!— Я, наверное, почти закричала, потому что в трубке послышался смех.

Голос Расковой вдруг сделался мягче, стал менее официальным. Она дала свой адрес и объяснила, как быстрее и лучше к ней проехать.

Марина Михайловна жила на улице Горького, недалеко от Кремля, там, где и сейчас живет ее дочь Татьяна, в доме, где ныне находится магазин подарков. Тогда за углом улицы Горького по Охотному ряду ходили трамваи.

На улице был декабрь, стоял сильный мороз, но я не чувствовала ничего. Да и вообще я мало что тогда замечала. Мелькали в радужном сиянии огней улицы, слышался перезвон трамваев, гудки автомашин, скрипел под ногами снег, и не спеша шли по тротуарам прохожие. А у меня в ушах все еще слышался голос Расковой и перед глазами стояло знакомое по портретам и кино обаятельное, улыбающееся лицо Марины Михайловны.

Не дождавшись остановки, я спрыгнула с трамвая. Раздался свисток милиционера. Ни слова не говоря, я вручила ему штраф и опрометью помчалась к заветному дому. Милиционер только руками развел, но задерживать меня не стал, хотя я вновь нарушила правило — перебежала мостовую в неположенном месте.

Раскова встретила просто, радушно. Выслушала мою путаную, торопливую, не очень-то складную речь. И только иногда ее губы чуть-чуть дрожали в улыбке. Конечно, никаких серьезных доводов в пользу своего решения я не привела, но, должно быть, Расковой все же показался искренним мой рассказ.

— Марина Михайловна!— горячо закончила я свою исповедь.— Ну помогите мне стать истребителем! Клянусь, я не подведу вас!..

Она помолчала немного.

— Выслушайте меня и не огорчайтесь. Чувство скорости знакомо каждому летчику, и перед ним трудно устоять. Человек всегда стремится к большему. И это хорошо. Кто ничего не хочет, остановился, тот рано или поздно становится балластом... Но, к сожалению, помочь я вам ничем не могу. Правила приема в военные школы никто изменить не может. К тому же вы глубоко заблуждаетесь, считая, что добиться больших успехов сможете только в военной авиации. Ведь вы хотите летать не только быстро, но и хорошо?

— Конечно!

— А научиться хорошо летать можно и в аэроклубе. Да и вообще я думаю, что сейчас ваше место в Осоавиахиме.

Марина Михайловна опять помолчала и добавила:

— Сейчас очень напряженная обстановка. Фашисты наглеют с каждым днем, и нам нужно укреплять оборону. Авиации требуется много летных кадров. Вот вы учитесь на летчика-инструктора. Старайтесь как можно лучше готовить курсантов для военных училищ. Пока вы Осоавиахиму нужнее, чем армии.

Что я могла возразить? Конечно, Раскова была права. Но мне от этого не было легче.

— Ну-ну, выше голову, истребитель! На прощание скажу вам: кто очень хочет чего-нибудь, тот обязательно этого добьется!— Раскова ласково посмотрела мне в глаза:— Желаю вам успеха, Марина!..

Она крепко пожала мою руку, проводила до прихожей. Я ушла. Но на всю жизнь осталась память от этой встречи, осталась любовь к этой необыкновенной, обаятельной женщине с немножко грустными и задумчивыми, но проницательными, умными глазами. Шел 1939 год...

Это был счастливый год, потому что я была молода, потому что уже познала небо, потому что рядом со мной на свете жил такой человек — Марина Раскова. Потому что она не из легенды, не из сказки, что ее вот так просто можно встретить на улице Москвы или даже зайти в гости... И через год я вновь встретила Марину Михайловну.

Я шла по улице Горького. Вдруг люди зашумели, подались на мостовую. Обернулась. В толпе — машина, а в ней — Раскова. На ней светлый костюм и, как всегда, темно-синий берет. Шофер сердито сигналит — никто не обращает внимания. Марина Михайловна растерянно оглядывалась по сторонам, смущенно улыбалась, пожимая десятки протянутых рук...

На месте происшествия появился милиционер. По его решительному виду я сразу догадалась, что сейчас с уст сорвутся традиционные слова: «Пройдемте, граждане!»

Но, узнав героиню, и милиционер улыбнулся и молча откозырял...

А я смотрела во все глаза на Марину Михайловну и думала: «Она ж героиня! Почему ей неловко, когда люди приветствуют ее?..» А на сердце стало теплей. Не потому, что Марина Михайловна и на этот раз оказалась такой простой, доступной, близкой. Просто это действительно здорово, когда знаменитый человек, увенчанный славой, остается самим собой... Потому-то для всех нас — молодых летчиков и учлетов, особенно для девчат — она была живым примером. Я назубок знала ее биографию. Знала, что она москвичка, что отец ее музыкант, что и сама Марина с ранних лет проявляла способность к музыке... Знала, что еще в детстве Марина пережила трагедию: погиб отец, был сбит на улице мотоциклистом. Она поступила в консерваторию. Позже я прочла в ее дневнике:

«Профессор Страхов — добрейший человек. Музыка стала моим любимым занятием. Я уже хорошо пишу музыкальный диктант, пою сольфеджио, изучаю гармонию, занимаюсь ритмикой. Нужно сказать, что музыка есть неизбежная принадлежность моего сердца. Когда мое сердце сжато неприветливым и официальным отношением ко мне, то и музыка была сведена до минимума... Но когда мое сердце пригрето лаской, то и музыка в нем появлялась все больше и больше и, наконец, заняла одно из первых мест. Петр Николаевич со мной ласков, ободряет меня, всегда сочувствует мне, часто ласково гладит меня по голове или треплет по плечу, и я ожила».

Все окружающие и близкие предсказывали ей быть певицей, а если не певицей, то пианисткой. Но она могла стать и биологом, и химиком, и педагогом... И эти области знаний увлекали ее, и в них проявила она недюжинные способности.

А стала Марина Михайловна Раскова летчицей.

Да, судьба наша не всегда складывается так, как в детстве ее рисуют себе наши родители...

— Значит, была у Расковой?— забросали меня вопросами подруги, после того как я с гордостью объявила, что была у Марины Михайловны.

— Была.

— Ну и как? Долго с ней говорили? Какая она?

— Очень простая. И говорили долго.

— О чем же это вы долго говорили?

— О жизни, о том, что я мечтаю стать военным летчиком...

— Ну, а она?

— Советует совершенствоваться в Осоавиахиме.

— Легко ей говорить! Известная летчица!

— Не сразу и она стала известной!— запальчиво крикнула я.— Знаешь, какая у нее жизнь? Училась в консерватории, все ее прочили в музыканты. А она стала химиком. Работала на заводе. Участвовала в самодеятельности... Вышла замуж, родилась дочь Танюшка... Пришлось бросить работу. А потом поступила чертежницей в аэронавигационную лабораторию...— Все это я выпалила единым духом.— А слышали, у кого она работала? У Белякова! У того самого, что с Чкаловым!..

И вдруг запнулась: не дай бог подумают, что я зазналась от такого знакомства!

Но молчать мне не дали.

— Рассказывай дальше, раз уж начала!— потребовали подруги, рассаживаясь вокруг меня на зеленой травке аэродрома.

И я продолжала...

Марину Раскову заинтересовали штурманские расчеты. Вскоре она стала делать их удивительно быстро и точно. Начальник лаборатории Александр Васильевич Беляков увидел, что из Марины получится прекрасный штурман, и стал помогать ей изучать новую профессию.

Вскоре Марина поступила на заочное отделение Ленинградского авиационного института.

И наконец настал день, когда Беляков взял ее с собой в первый полет...

Говорят, что страсть к небу самая захватывающая. По себе знаю: человек, однажды испытавший счастье самостоятельного полета, уже никогда не изменит своей мечте. Разумеется, если у него душа настоящего летчика.

Будто ничего не изменилось в жизни Марины после того самого первого полета. Все так же мало бывала она дома, тосковала по дочурке, все так же чертила и помогала Белякову на лекциях.

И в то же время изменилось, стало другим: Марина заболела небом.

По вечерам, чтобы никто не видел, она тихонько открывала учебник самолетовождения и в сотый раз перечитывала строки, которые уже знала наизусть: «Вырулив на линию старта, летчик должен уменьшить обороты до минимальных, остановить самолет и запросить разрешение на взлет...»

Неужели и она запросит разрешение на взлет? Неужели и ей дадут это разрешение?!

Раскову командировали в научно-исследовательский институт Гражданского воздушного флота. Здесь она встретилась с известным штурманом, участником экспедиции на Северный полюс Иваном Тимофеевичем Спириным. И от него, как и от А. В. Белякова, она узнала много тонкостей сложной профессии самолетовождения. Сдав экстерном экзамен, Марина Михайловна одной из первых советских женщин получила звание штурмана авиации. В двадцать три года она стала не только штурманом, но и преподавателем академии: когда Беляков готовился к перелету Москва — Варшава — Париж, он поручил Расковой читать за него лекции.

И вот наконец ей самой дали первое ответственное задание: прокладывалась новая воздушная трасса Одесса — Батуми. Расковой оказали большое доверие: назначили штурманом

черноморской экспедиции. Более двух месяцев продолжались полеты. Прокладывая курс над морем в осенние дни, в сложных метеорологических условиях, накопила она опыт, который потом не раз сослужил ей хорошую службу.

А после возвращения из экспедиции в Москву ей предложили сделать доклад на штурманской кафедре военно-воздушной академии. На докладе присутствовали воздушные зубры — все лучшие штурманы-авиаторы. Слушали Раскову и ее учителя — А. В. Беляков, И. Т. Спирин, Н. К. Кривоносов.

После этих полетов никому из слушателей академии и в голову не приходило удивляться, что новый преподаватель штурманского дела — женщина.

А когда слушатели впервые прочли в расписании занятия: «Штурманское дело — преподаватель Раскова»,— решили, что это описка.

«Не Раскова», наверное, а «Расков»,— думали они,— рассказывала Марина Михайловна.— Посмеивались: вот, мол, напишут же такое! Но вот наступил первый день занятий... Я вошла в класс. А слушатели... продолжали сидеть на своих местах как ни в чем не бывало. Никто не рапортовал. Я спросила: «Кто у вас командир отделения?» Командир встал, неохотно подал команду. Остальные так же нехотя повиновались. Слушатели приглядывались ко мне. Иной раз пытались подловить на каверзном вопросе... А перед выпуском группы командир отделения подошел ко мне с громадным букетом цветов и произнес целую речь: «Мы бы хотели, чтобы все летчики убедились: женщины в нашей стране могут летать не хуже мужчин...»

Профессия летчика немыслима без риска.

Антуан де Сент-Экзюпери писал: «...Ни о чем не жалею. Я играл — и проиграл. Такое у меня ремесло. А все же я дышал вольным ветром, ветром безбрежных просторов».

Пилот и писатель Сент-Экзюпери называл нашу воздушную профессию будничным, приземленным словом «ремесло». Любое самое творческое дело можно назвать ремеслом. Но все дело в том, в чьих устах прозвучит это слово.

Марина Раскова сказала как-то: «Наше ремесло не хуже и не лучше любого другого. Сталевара, каменщика, сеятеля. Только мы не можем жить без неба, и в этом, наверное, мы неизлечимо больны».

Марину невозможно представить вне неба, вне поющего на высоте ветра, вне стремительно летящих облаков...

С 1934 года она участник многих воздушных парадов над Красной площадью. А это уже говорит о многом: неопытному пилоту не доверят такого задания. А неопытному штурману тем более...

«Кто не знает воздушных парадов в Москве! — писала Марина Раскова в своем дневнике.— Если вам не довелось их видеть, то уж, наверное, вы слышали или читали о них. Сердце советского патриота переполняется гордостью и радостью при виде множества крылатых машин, когда они стройно, в строгом, военном порядке пролетают над городом в великий день международного пролетарского праздника. Их вид являет грозную военную силу. На улицах столицы миллионы ликующих людей. Они с восторгом смотрят вверх. Город наполнен гулом моторов. Ровно в двенадцать часов самолеты пролетают над Красной площадью.

...Чтобы продемонстрировать трудящимся мощь нашей авиации, задолго до парада в военных авиационных частях идет упорная и тщательная подготовка. Какова радость молодого летчика, которому впервые объявляют, что он будет участвовать в первомайском воздушном параде!

В 1934 году подготовка, как всегда, началась задолго до праздника. Штурманам предстояла трудная задача. Несколько сот самолетов с разных аэродромов нужно было собрать в воздухе и в боевом строю ровно в двенадцать часов провести над Красной площадью. Это красивое зрелище, которое видит вся Москва, для штурманов парада означает точный математический расчет. В течение нескольких минут самолеты летят над Мавзолеем В. И. Ленина, с трибун которого на них смотрят лучшие люди страны, руководители партии и правительства. Чтобы каждый из самолетов летел точно в том самом месте, где ему положено, заранее точно рассчитывается время вылета каждого самолета. Затем рассчитывается время возвращения каждого самолета на свой аэродром. Все эти расчеты делает штурман. Мне посчастливилось не раз работать в эти дни вместе с лучшими штурманами Советского Союза.

В небольшой комнате на Центральном аэродроме, нагнувшись над картами и таблицами, мы делали множество расчетов, чертежей, выкладок, таблиц. Я делала свое дело спокойно и уверенно, внимательно приглядываясь к работе старших товарищей, у которых привыкла учиться. Составлялся список участников парада на флагманских кораблях. В 1934 году я летела на втором корабле помощником штурмана, а в следующем году — на первом, головном корабле и как штурман помещалась в передней кабине.

Парад окончен. Эскадрильи расходятся по аэродромам. В нашем самолете наступает веселье: все резвятся, как дети, хохочут, весело шумят. Мы возвращаемся на аэродром, а по улицам еще движутся колонны демонстрантов.

Долго не хотелось уходить с аэродрома. Взобравшись на вышку командного домика, мы следим, как садятся одна за другой точно на отведенные места машины, участвовавшие в параде. Спирин рассказывает о восточных странах: женщины не имеют там права подходить к столу, где сидят мужчины. «А вот вы, товарищ Раскова, открывали сегодня воздушный парад в нашей столице — Москве...»

Но все это: лекции в академии, воздушные парады, перелеты, в которых довелось участвовать Марине Расковой,— были хоть и большие и уверенные, но все-таки первые шаги в воздухе. Настоящее, самое главное и сложное задание, которым Марина Раскова вместе со своими двумя подругами, Полиной Осипенко и Валентиной Гризодубовой, прославила Родину и стала сама известной во всем мире, было еще впереди...

Можно сказать, что мечта об этом главном деле жизни Марины Михайловны зародилась после того, как она познакомилась с Валентиной Гризодубовой.

Именно она — летчица Валентина Гризодубова — открыла Марине еще не изведанные маршруты и радость настоящих, трудных побед. С первой же встречи они очень подружились и берегли дружбу, свято пронесли ее через всю жизнь до самых последних дней жизни Марины Михайловны. Раскова прислушивалась к каждому слову подруги. Вскоре они вместе совершили беспосадочный рекордный перелет — 1 444 километра по прямой от Москвы до Актюбинска. Напомним: рекорд дальности, установленный до этого американскими летчицами, равнялся восьмистам километрам...

Тридцать восьмой принес новый рекорд. Марина Раскова, Полина Осипенко и Вера Ломако 2 июля стартовали на гидросамолете из Севастополя в Архангельск. Перелет прошел блестяще. До этого времени ни один гидросамолет не проходил над сушей такого расстояния.

А 8 августа 1938 года Михаил Иванович Калинин за блестящее выполнение перелета вручил отважным летчицам ордена Ленина.

Время стирает грани лет, и сейчас трудно отделить услышанное от Марины Михайловны Расковой при наших встречах от того, что я знала о ней до первого знакомства.

Впрочем, наверное, не было тогда ни одной девушки в нашей стране, которая не читала с волнением ее записок, не следила за ее крылатыми путями. Но и эти перелеты не были главными. Главный перелет ее жизни был всетаки еще впереди.

...Уже глубокий вечер. Я возвращаюсь с полетов усталая и голодная—за день не выдалось ни одной свободной секунды. Но все отступает, исчезает куда-то, становится неважным и второстепенным, как только я раскрываю эту уже потрепанную, успевшую побывать во многих руках книжку «Записки штурмана».

«3 октября. Проснувшись утром, обдумываю: стоит ли ждать помощи с самолета на этой мари или продолжать двигаться вперед? Шоколада осталось мало, на болоте запаса пищи не пополнишь, а ведь вчерашний самолет ничем не показал, что он меня заметил. Может быть, летчик видел только дым, а меня ему не удалось различить. Нет, правильнее будет двигаться к снежной горе. Время осеннее, погода вот-вот начнет портиться, пойдут ливни. Что я тогда стану делать одна на болоте?

Выхожу к знакомой гряде сопок: вблизи нее я приземлилась с парашютом. Вдруг вижу в воздухе два самолета. Они летают в разных направлениях, явно разыскивая что-то внизу...»

«Из мари я вышла западнее бурелома, по которому путешествовала уже однажды. Попала как раз на то место, откуда несколько дней назад до меня доносился рев медведей. В том, что именно здесь водятся медведи, я не сомневаюсь: все стволы деревьев в этом месте свежеоглоданы. Вскоре довольно отчетливо, хотя и далеко, послышался рев. Прошла немного по лесу, рев стал слышнее. К реву прибавился треск разламываемых ветвей.

Устала. Неожиданно попадается целый куст рябины. Набираю рябины, сколько могу: в платок, в карманы. Наедаюсь вдосталь. Рябина замечательно освежает. Хорошее место. Решаю здесь же заночевать. Но надо хоть что-нибудь предпринять против мишек. Заснешь, а он, огромный и черный, подойдет и полюбопытствует, что за личность забралась в его владения...»

...По газетам мы все следили за полетом Осипенко, Гризодубовой и Расковой. Но одно дело — сухие, сжатые газетные сообщения, другое — рассказ ее самой.

Я помню то утро. До сегодняшнего дня помню так, будто утро это было вчера. 24 сентября. 8 часов. Торжественный голос диктора: «Сегодня экипаж в составе трех летчиц В. С. Гризодубовой, П. Д. Осипенко и М. М. Расковой на самолете «Родина» начал беспосадочный перелет «Москва — Дальний Восток».

Вот он, главный перелет, на весь мир прославивший Марину Раскову и ее подруг!

Они должны были побить международный женский рекорд дальности беспосадочного полета по прямой, показать всему миру, что советская авиация обладает не одним типом самолетов, позволяющим совершать беспосадочные перелеты, доказать на деле, что не только летчики, но и летчицы нашей Родины способны осваивать рекордные трассы. И они побили этот рекорд.

Весь полет проходил в трудных метеорологических условиях, уже через 50 километров от Москвы облака закрыли землю, и Марине Расковой пришлось ориентироваться только по приборам, лететь вслепую, за облаками. В то время приборы были не столь совершенны, как нынешние. И такая задача по плечу не всякому штурману.

Когда прошли Иртыш, была уже ночь. Марина ориентировалась по звездам. Из-за плохой погоды лететь пришлось за облаками на большой высоте. Семь тысяч пятьсот метров! Дышать трудно: недостает кислорода. Марина надела кислородную маску. Температура — минус 34. Самолет покрывается пленкой льда. Сквозь заиндевевшие стекла штурманской кабины ничего не видно. И тут вдруг наступает тишина в эфире. Вышла из строя радиостанция! Связь с Москвой прерывается. Теперь вся надежда штурмана только на приборы и точный расчет времени! К счастью, облака поредели, и Раскова определила, что внизу Охотское море... Потом показался Амур. Недалеко конечный путь маршрута... Но радоваться рано: на приборной доске загорелась красная лампочка — горючего осталось всего на несколько минут полета. А подходящей площадки, гарантирующей безопасную посадку, нет. Кругом тайга и болота. Марина впереди, в штурманской кабине. В случае неудачной посадки ей грозила верная гибель. Командир корабля Валентина Гризодубова отдала приказ: Марине прыгать! Раздумывать некогда. Марина схватила нож, ощупала пистолет на боку, сунула в карман комбинезона компас, две плитки шоколада, прыгнула, привычно дернула кольцо парашюта. Сильный рывок. Парашют раскрылся, и сильный ветер стал сносить Марину в сторону от намеченной посадки для приземления.

В. Гризодубова и П. Осипенко благополучно совершили посадку на болотистую площадку вблизи поселка Керби.

Девять дней находились в тайге три советские отважные летчицы. Гризодубова и Осипенко, уверенные в том, что их не оставят в беде, что скоро придут на помощь, решили не отходить от самолета. Марина оказалась в безлюдной тайге одна, без всяких запасов продовольствия. Но она не теряла мужества, веры в близкую помощь.

С 25 сентября по 5 октября без дорог и троп и почти без пищи (аварийный запас остался на борту самолета) шла Марина Раскова безлюдной тайгой. Ее мужество и штурманское мастерство вывели ее точно к месту приземления «Родины».

Летчицы выполнили задание партии и правительства. Выполнили, несмотря на тяжелейшие метеорологические условия, которые сопровождали «Родину» на протяжении всего полета. Прекрасные качества самолета, и умение, и опыт экипажа позволили Гризодубовой, Осипенко и Расковой установить международный рекорд дальности полета, пролетев расстояние по маршруту 6 450 километров, а по прямой около 6 тысяч километров за 26 часов 29 минут.

Вся наша страна восхищалась отвагой, хладнокровием и высоким летным мастерством, которые проявили верные дочери нашей Родины в труднейших условиях. Славные героини всему миру доказали, на какие подвиги способны женщины страны социализма. Забегая вперед, надо сказать, что их рекорд более 28 лет значился в таблице международных авиационных рекордов.

За этот перелет Валентине Гризодубовой, Полине Осипенко, Марине Расковой, первым женщинам в нашей стране, было присвоено звание Героя Советского Союза.

«Способна ли я хоть на что-нибудь подобное?» — размышляла я.

Сердце сжимается в неясной тоске и тревоге: какой еще путь впереди, и как мало еще, собственно, я знаю...

Марина Раскова не искала славы в этих перелетах. И ее и подруг вело одно стремление: подготовиться к будущим испытаниям, помочь укрепить оборону Страны Советов.

В своих записках Раскова писала: «Советская авиация создана и существует для охраны мира. Народ нашей великой Родины прекрасно понимает, что каждая победа советской авиации является лишним звеном в цепи, укрепляющей мощь и обороноспособность нашего социалистического отечества».

Окончание следует.

Александр Николаевич ШЕЛЕПИН.

К 50-летию со дня рождения.

В. Ветров. ЛЕНИНСКИЕ ГОРЫ.

Валентина СААКОВА

ТВОЕ НЕБО

Из книги стихов

ЦЕНА НЕБА

Памяти Юрия Гагарина

Небо, небо,
Какими жертвами
Окупается крыльев взмах!..
Говорят,
Что орлы, даже мертвые,
Синеву сохраняют в глазах.
Наше небо
Живым завещано,
Высота
Молодых зовет.
И опять мы, земные женщины,
Сыновей провожаем в полет.
Сделай, небо, их мудрыми, сильными,
Всех секретов своих не тая.
Отдаю тебе, небо,
Сына,
Это больше, чем жизнь моя!

ГОЛУБИЗНА

Изменчивы
Небесные цвета:
Тревожный цвет,
Цвет взлета — в зорьке ранней,
Полдневной мирной сини густота,
Закатный цвет —
Как свет воспоминаний.
Но главный цвет небес —
Голубизна,
Подернутая дымкой серебристой,
Мерцающая медленно и чисто,
Как матери
Святая седина.

СТАРОМУ ДРУГУ

Генеральские звезды
Сверкают, как вспышки,
Словно в них отразились зарницы войны,
А для старых друзей ты
Веселый мальчишка
Из далекой-далекой военной весны.
Мы с тобою чинами считаться не будем:
Я ведь тоже в семействе своем командир.
Милый друг,
Помоги мне расставить посуду,
На минуточку сняв генеральский мундир.
Ничего не случилось:
Обычная встреча,
Мы за годы привыкли встречаться с тобой,
Но за этими встречами —
Память
И вечность,
Первый взлет
И последний решительный бой...
До рассвета беседа пойдет неторопко,
Ты о дружбе хорошее слово скажи,
На столе остается нетронутой стопка
В память тех, кто до радостных встреч
не дожил.
Но в минуту молчанья мы сердцем услышим:
Сын мой пробует небо крылом молодым,—
Генералы
С душою отважных мальчишек
Пусть командуют в небе
Орленком моим!

Я — ЗЕМЛЯ!

Выпускала соколá
Из правого рукава...
Старинная русская песня.

Я земля!
Слышишь, мой позывной
Над рассветною взмыл тишиной!
Это голос полей и садов,
Это голос твоих городов,
Это, путь твой с тобою деля,
Окликаю тебя я, земля.
Ты взлетаешь с ладоней моих
В неизведанность синих высот,
И с тобой в облаках заревых
Мое сердце уходит в полет.
Сквозь ветрóв пересвист
И сквозь высь
Отзовись,
Отзовись,
Отзовись!..
Добрым голосом всех матерей
Я зову:
Возвращайся скорей,
Я земля!

Сочи.

Назир ХУБИЕВ

ОЗЕРО ВОЗВРАЩЕННОГО МЕЧА

Баллада

Лежит большое озеро в Ханое
И нежно плещет теплыми волнами,
Глубокое, как небо голубое,
Как солнечное зеркало Вьетнама.

В нем черепаху, говорят, видали,
Что, как заря, сверкала под водою.
Как иноземцы на страну напали,
Вручила меч побед она герою.

Когда страна была уже свободна
И солнце лик свой к миру обратило,
Меч закаленный воин благородный,
Меч мужества обратно возвратил он.

И Возвращенного меча зовется
То озеро с тех пор у нас в Ханое.
И вновь Вьетнам в бою с врагами бьется,
Огонь войны над озера волною.

Меч, закаленный и в огне и в горе,
Вьетнам вручил народу в час тревожный...
Пока народ врагов не сбросит в море,
Не будет вложен меч народный в ножны!

Перевел с карачаевского
Николай ТИХОНОВ.

ЛАВИНА

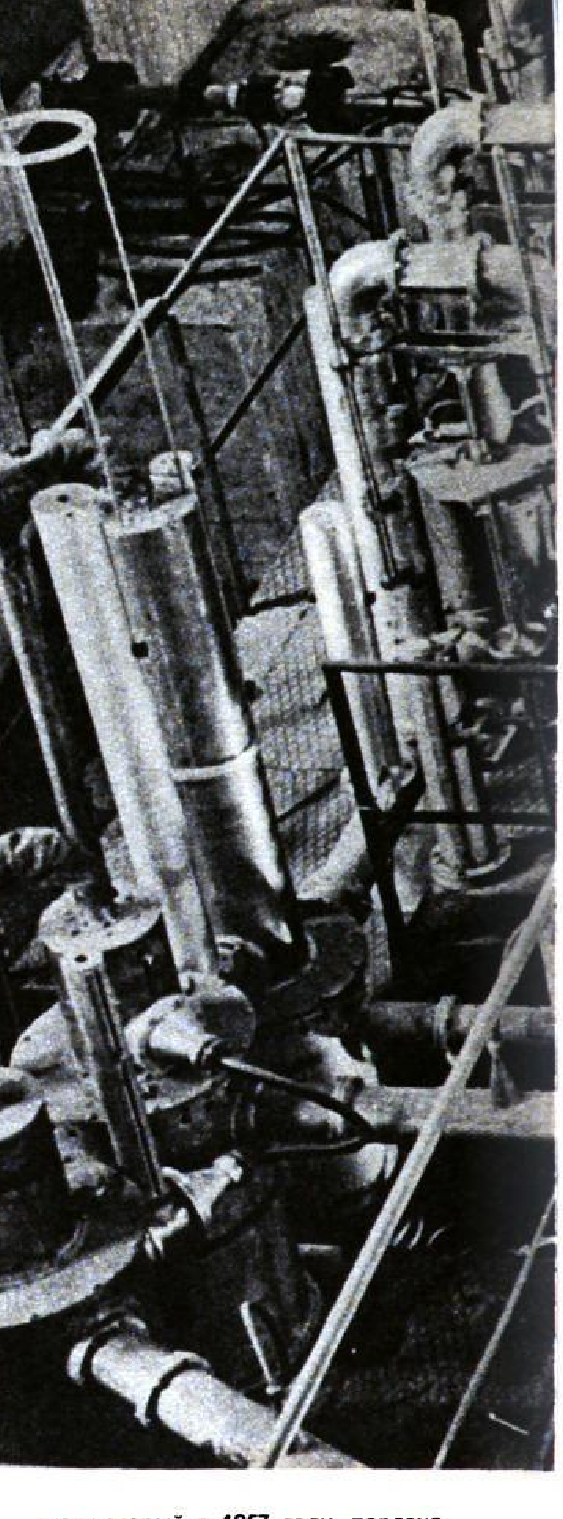
Как лавиною, все мое детство
С головой завалило войной.
Помню: бьет пулемет по соседству,
Всадник падает рядом со мной...

До сих пор, когда скрежет лавины
Среди ночи поднимет меня,
Мне все кажется: руки раскинув,
Там, в горах, кто-то рухнул с коня.

Перевел Константин СИМОНОВ.

УЧЕНЫМ И ИНЖЕНЕРАМ В ДУБНЕ ЕЩЕ РАЗ УДАЛОСЬ ПРОРВАТЬСЯ В НЕИЗВЕДАННОЕ.— ОТКРЫТ НОВЫЙ ПРИНЦИП УСКОРЕНИЯ ЧАСТИЦ.— ТО, ЧТО КАЗАЛОСЬ ФАНТАСТИКОЙ, СЕГОДНЯ СТАНОВИТСЯ РЕАЛЬНОЙ ПЕРСПЕКТИВОЙ.

ПУТЬ К НЕИЗВЕДАННОМУ

Вот она, модель нового ускорителя. →
Фото Ю. Туманова

М. ЛЕБЕДЕНКО

То, о чем мы сейчас расскажем, будет понятно всем читателям, даже совсем не связанным с физикой.

Сотни институтов всех континентов, десятки тысяч ученых, говорящих на десятках языков, шаг за шагом приближают людей к наиболее полному познанию, а следовательно, использованию неисчерпаемых сил, заключенных внутри вещества. Это действительно работа для процветания человечества будущего! Но ее история изобилует огромными трудностями.

Все дело в инструменте для познания мира бесконечно малых, элементарных частиц, из которых состоит все сущее во Вселенной. Главный инструмент — ускоритель. Ускорители строятся во всем мире, они становятся все более громоздкими. Растет энергия разгоняемых частиц. В Дубне частицы ускоряют до 10 миллиардов электрон-вольт, в Женеве и в США — до величин порядка 30 миллиардов, ускоритель близ Серпухова — 76 миллиардов.

Сооружение ускорителей на сотни миллиардов электрон-вольт, основанное на уже известных в науке принципах, требует больших затрат. Бюджеты даже самых богатых государств не выдерживают возрастающих расходов. А в техническом отношении? Проектируемые ускорители на 200—300 миллиардов — это чудовища с километровыми размахами вакуумных камер, с магнитами общим весом в десятки тысяч тонн (при соблюдении чуть ли не микронной точности), это небывалые электротехнические устройства питания, особые требования к грунту той местности, где они разместятся, и многое другое.

Теоретики выдвигают интереснейшие предположения, могущие произвести революцию в представлениях о строении материи, о пространстве, времени, причинности, природе сил всемирного тяготения...

Для продвижения к пониманию новых областей нужны еще большие ускорители — на тысячи миллиардов электрон-вольт. Нужны совершенно новые идеи, новые принципы. О ниспослании таких новых идей мечтают все ученые, думающие о дальнейшем развитии науки будущего — физики высоких энергий.

Тем, кто связал свою судьбу с молодым городом науки Дубной, особенно приятно, что надежда блеснула именно здесь.

Один из крупнейших мировых научно-исследовательских центров. Среди стройных сосен на разных расстояниях друг от друга — десятки лабораторных зданий. Некоторые из них, хотят ли этого архитекторы или нет, имеют необычную форму. Циркообразное здание синхрофазотрона с примыкающими веероподобными пристройками экспериментальных залов. Многоэтажный брус башни, скрывающей в себе блестящую колонну электростатического генератора. Неприступная скала бетонного здания синхроциклотрона, выдвигающаяся из изумрудной громады земляного защитного вала. Длинные галереи нейтроноводов, сбегающихся к центральному зданию импульсного атомного реактора. Стеклянные стены большого вычислительного центра...

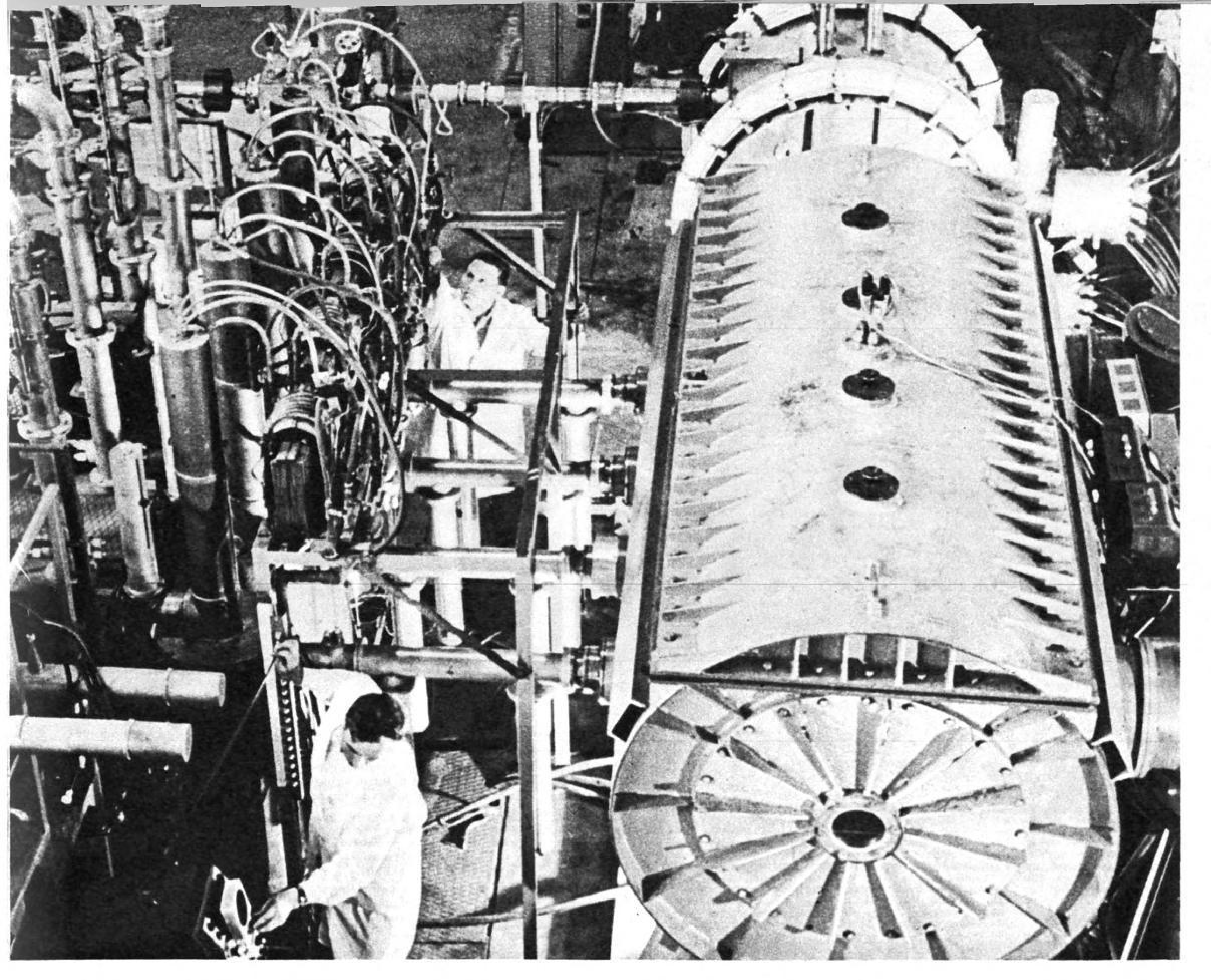
Есть здесь, конечно, и здания, обычные по внешнему виду. В одном из них разместилась модель ускорителя нового типа, осуществляющая в себе ту самую новую идею, о ниспослании которой...

Академик Владимир Иосифович Векслер был человеком, мысли которого обгоняли время. Еще только начиналась закладка огромного магнита синхрофазотрона, который в 1957 году поразил мир как великое достижение науки и техники, а Векслер уже думал о будущем. Еще в 1956 году он высказал идею нового принципа ускорения заряженных частиц.

Небольшая группа молодых людей под руководством В. И. Векслера начала работу над осуществлением его идеи. И нужно сказать, что за эти годы им пришлось хватить много лиха, хотя, конечно, были и счастливые моменты подъема, когда казалось, что ключ найден.

Почти сразу после окончания университета молодой физик Владислав Саранцев был направлен на работу в Дубну. Здесь он участвовал в создании синхрофазотрона, затем руководил одной из научных групп, осуществивших его реконструкцию. Ему-то и предложил академик Векслер руководство научным отделом, который он создал в Дубне для осуществления своих новых идей.

Сейчас работа ученых вступила в такую фазу, когда **ее успешное завершение стало совершенно очевидным.** Это с изумлением обнаружили и единодушно подтвердили видные специалисты, собравшиеся на очередную Международную конференцию по ус-

корителям в Кембридже (США) осенью 1967 года.

Мы попросили кандидата физико-математических наук Владислава Павловича Саранцева показать модель ускорителя и рассказать о самом принципе.

Модель — далеко не настольная игрушка. Она заполняет целый корпус. Помещение напоминает зал радиостанции. Здесь мощные электронные установки, многочисленные стойки, пульты управления с фейерверками разноцветных сигнальных лампочек.

Следующий зал высотою в два этажа. Здесь установлен крупный ускоритель электронов индукционного типа.

Теперь — о самом интересном: о новом принципе, которому, вероятно, суждено прорвать барьер высоких энергий.

Идея когерентного ускорения, предложенная В. И. Векслером, заключалась в том, чтобы ускоряющие силы возникали внутри самого сгустка ускоряемых частиц, а не действовали на него извне, как во всех остальных ускорителях. Прирост скорости сгустка при когерентном ускорении зависит от числа частиц в этом сгустке. Так, если число частиц увеличилось в 2 раза, их скорость возрастет в 4 раза, если число частиц будет в 4 раза больше, скорость их увеличится в 16 раз и так далее.

Представим себе бурный поток, скажем, быструю горную реку. Если бросить в воду бревно, вода увлечет его с собой. Примерно то же в мире бесконечно малых частиц.

Электроны сравнительно легко разогнать почти до скорости 300 тысяч километров в секунду (скорость света). Если в сгусток ускоряемых электронов попадут тяжелые частицы (протоны), то электроны захватят их, удержат, увлекут вместе с собой, сообщат им такую же скорость. Какова же будет при этом энергия протонов? Она будет во столько же раз больше энергии электронов, во сколько сами протоны тяжелее электронов. А тяжелее они в 1 840 раз!

Иными словами, если мы доведем электроны, скажем, до энергии миллиард электрон-вольт (а это сделать сравнительно нетрудно), протоны, захваченные этими электронами, приобретут фантастическую энергию: почти 1 840 миллиардов электрон-вольт. Если представить себе такой ускоритель, построенный «традиционными» методами, это было бы поистине циклопическое сооружение: десятки километров. О стоимости его нечего и говорить!

...Трудности возникли сразу же, как только ученые приступили к практической разработке идеи.

Сгусток электронов заряжен. В нем действуют так называемые кулоновские силы расталкивания. Они рассеивают во все стороны электронный сгусток. Как его сжать? С помощью огромных магнитов? Но это же знакомые нам тысячетонные ускорители...

Казалось, идея гибла. Кулоновские силы торжествовали. Однако мелькнула спасительная мысль: использовать эффект взаимного притяжения двух параллельных проводников с током, текущим в одном направлении. Если заставить электроны двигаться по замкнутым траекториям со скоростями, близкими к световой, то в образовавшемся электронном кольцевом сгустке силы расталкивания оказываются усмиренными.

Теперь в сгусток добавляются протоны. Небольшая примесь их не мешает ускорению электронов, подобно тому, как брошенное в реку бревно не останавливает стремительный бег воды.

Сгусток достаточно стабилен. Теперь его можно сжать с помощью нарастающего магнитного поля. Сжать, чтобы ускорить как единое целое до необходимых энергий.

Тут, пожалуй, можно сказать: вот и все. Правда, на разработку последнего варианта ускорителя ушло 4 года теоретических поисков и экспериментальных проб, потрачен огромный труд большой группы ученых, инженеров, техников, рабочих.

Создание всех узлов модели ускорителя в Дубне завершено. Они опробованы. Идет комплексная сборка и наладка. Ученые надеются, что скоро модель начнет работать.

Придется еще решить много практических вопросов. В этом поможет модель, которую строят в Дубне. А пока физики ждут с нетерпением проектов новых, сверхмощных ускорителей. Опыты дадут ответы на многие важнейшие вопросы, поставленные быстро развивающейся наукой. И количество таких вопросов все растет.

Советские ученые имеют все основания гордиться новым крупным достижением нашей науки, открывающей путь в неизведанное.

Дубна.

РЕЗЕРВ XX СТОЛЕТИЯ

ЗАГЛЯНЕМ В ГОД 2000-Й

Е. Е. АЛЕКСЕЕВСКИЙ,
министр мелиорации и водного хозяйства СССР

Каждый век ставит перед человечеством свои проблемы. Наши деды и прадеды были уверены, что земля велика и может накормить всех. Возможности земли казались неограниченными. Русский крестьянин XIX века знал, что где-то за Уралом лежат огромные нетронутые массивы. Он ехал туда, поднимал целину, а дома считали, что за Уралом и дальше, в Сибири, земли непочатый край.

Сегодня мы не имеем права быть такими благодушными, как наши предки. Сейчас уже нет двух мнений о том, что проблема «продовольствие — население» становится самой актуальной проблемой современности. Забили тревогу ученые, кое-кто из них рисует мрачную картину недалекого будущего. Американский биолог, профессор Пауль Эрлих прямо пишет: «В период 1970—1985 годов в мире возникнут обширнейшие очаги голода и сотни миллионов людей умрут голодной смертью, если только мучительные условия существования, термоядерные бомбы или какие-либо иные средства истребления не погубят их раньше. Такова жестокая действительность, которой мы сейчас вынуждены смотреть в глаза».

По мнению буржуазных идеологов, недостаток продовольственных ресурсов на земном шаре не может быть преодолен, и они ищут пути сокращения численности населения, в том числе и за счет ограничения рождаемости. В этом направлении в ряде стран осуществляются и организационные и экономические меры. Все это не ново. Ученые капиталистического мира и раньше выдвигали подобные теории.

На совершенно иных принципах строится в этих вопросах политика тех стран, где общественным строем является социализм. Мы считаем проблему обеспечения продовольствием прежде всего проблемой социальной, и решение ее лежит на путях ликвидации колониализма, отсталого феодального землепользования и хищнической эксплуатации природных богатств в условиях капиталистического строя.

Марксизм-ленинизм учит, что возможности земли неограниченны. В условиях социалистического общества, применяя новейшие достижения науки, можно непрерывно повышать плодородие земли. Итак, одна концепция: голодная планета, исчерпавшая все свои возможности по увеличению ресурсов продовольствия — трагедия человечества. И другая — все для человека, все на благо человека.

Вместе с тем мы должны со всей определенностью сказать, что уже сегодня вполне ясно — для большого беспокойства о будущем есть основания. От споров и проектов надо переходить к делу. Электронный мозг счетных машин уже выдал решение о том, каким будет человечество через треть века. Если говорить о Советском Союзе, то их прогноз сходится на том, что к 2000 году его население возрастет примерно на 100 миллионов и достигнет 340 миллионов человек.

Надо ли говорить о том, что все мероприятия Советского правительства — строительство детских учреждений, забота о многодетных матерях, расширение сети детских лечебных учреждений, забота о быте людей и т. д. и т. п., включая и тот почет, которым окружаются многодетные матери, присвоение им звания «Мать-героиня»,— все это подчинено одной задаче: создать максимально благоприятные условия для роста численности населения СССР.

В то же время мы уже сейчас должны иметь продуманную программу того, как будут складываться продовольственные ресурсы нашей страны в 1980—2000 и последующие годы.

Современный уровень сельскохозяйственного производства в СССР обеспечил бы потребности населения Советского Союза в 1980 году по зерну всего лишь наполовину, а по продуктам животноводства — и того меньше. А если с этой же позиции заглянуть еще дальше, в 2000 год, то производство зерна должно быть увеличено примерно в два с половиной раза, а продуктов животноводства — в еще больших размерах.

Проблемы продовольствия и сырьевых ресурсов не застигнут нас врасплох, если мы уже сегодня энергично и последовательно займемся серьезными преобразованиями в сельском хозяйстве, особенно теми, которые требуют много времени.

Какими должны быть эти преобразования? Где следует искать ре-

Река рукотворная

Как будто совсем недавно жители села Любимовки с радостным волнением следили за героическим трудом строителей, «делающих возле их домов широкое синее море». А сейчас в междуречье Днепра и реки Молочной снова неумолчный гул землеройных машин. Скреперы и бульдозеры вывозят рыжую землю из глубин будущего канала. Здесь создается Каховская оросительная система. Это крупнейшее сооружение отечественных мелиораторов не только в нашей стране, но и в Европе.

Первую очередь строительства предполагается завершить к 1975 году. Воду в магистральный канал шириной более 200 метров подаст главная насосная станция, которую строят выше села Любимовки, Каховского района.

Пройдет несколько лет, и старый Днепр устремится из чаши рукотворного Каховского моря к полям, всегда страдавшим от сухих ветров. Живительная влага поступит на земли одиннадцати районов Херсонской и Запорожской областей. Если сейчас здесь получают по 18—20 центнеров зерна с гектара, то при орошении урожаи возрастут в два раза, а затраты на сооружение системы окупятся за 6—8 лет.

На стройку приехало много специалистов, много юношей и девушек. Сооружение Каховской оросительной системы объявлено комсомольской ударной стройкой.

Фото Л. Шерстенникова.

зервы для резкого подъема уровня сельскохозяйственного производства? Дополнительное освоение целинных земель? Нет, тут возможности крайне ограниченны. Речь должна идти не столько о приросте гектаров, сколько прежде всего о резком увеличении продуктивности гектара, о неуклонном повышении урожайности, об интенсификации сельскохозяйственного производства, о переводе его на промышленную основу.

Известна главная трудность, с которой мы неизменно встречаемся на этом направлении,— зависимость урожая от природных, климатических условий. Как одолеть эту трудность, нейтрализовать всякие вредные влияния на урожай — климатические, гидрогеологические, почвенные и другие? Ответ дают исследования, проведенные различными научно-исследовательскими и проектными организациями: многие десятки миллионов гектаров сельскохозяйственных угодий на обширной территории нашей страны нуждаются прежде всего в коренных гидротехнических и сельскохозяйственных мелиорациях.

Огромная роль в постановке всех этих вопросов принадлежит майскому (1966 г.) Пленуму ЦК КПСС. Именно мелиорация земель призвана сыграть важнейшую роль в перестройке сельского хозяйства — и с позиции наших текущих задач, а в еще большей мере с позиции задач ближайшего и отдаленного будущего.

Тут, отвергая известную пословицу, мы сможем убить сразу двух зайцев: получить много дополнительной сельскохозяйственной продукции и в то же время предотвратить ее недобор в засушливые годы. Речь идет о том, чтобы на мелиорированных землях, обеспечивающих высокие и устойчивые урожаи, добиться такого объема производства, который с лихвой перекрывал бы колебания валовых сборов в засушливые годы.

Пока же капризы природы доставляют земледельцам очень много неприятностей. Неурожайные годы несут за собой недобор десятков миллионов тонн зерна, что создает большую напряженность продовольственного баланса. Ударам засухи можно и нужно противопоставить стройную систему мелиорации, систему всемерного развития земледелия на орошаемых и осушенных полях. Этот вывод основывается и на глубоких теоретических исследованиях, он неоспоримо подтвержден и живой практикой наших дней. Характерен такой пример.

В Ставропольском крае есть совхоз «Изобильненский». В 1966 году, когда природа была милостива к земледельцам, здесь был получен урожай зерновых в 25,4 центнера с гектара. Общий сбор зерна по хозяйству составил 81,6 тысячи центнеров. Прошлый год был засушливым. Урожай зерна на неорошаемых землях снизился до 16,2 центнера с гектара. Но совхоз за счет ввода в действие новых площадей увеличил площадь посева зерновых культур на орошаемых землях, урожайность которых в этот засушливый год составила 30,4 центнера с гектара. В результате валовой сбор зерна в целом по совхозу в засушливом 1967 году не только не сократился, а даже увеличился против благоприятного 1966 года на 10 процентов.

Многолетние данные и расчеты показывают, что в денежном выражении продуктивность пашни на орошаемых землях примерно в 5 раз, а на осушенных в два раза выше, чем на остальных. Вот что такое мелиорация, вот какие огромные силы кроются в ней, какие резервы она сулит сельским труженикам.

Прогноз роста народонаселения, непрестанный подъем материального благосостояния советских людей определяют масштабы необходимого роста продовольственных ресурсов страны, а вместе с тем и размах мелиоративных работ. Размах этот грандиозен, и здесь, конечно, потребуется время.

Вот некоторые подсчеты. Вопрос первый и самый главный: сколько потребуется вырастить зерна на мелиорированных землях, чтобы восполнить тот урон, что наносит природа в засушливые годы? На первых порах — 30—32 миллиона тонн, рубеж, которого можно достичь к концу следующей пятилетки. Для этого потребуется еще 10—12 миллионов орошаемых и осушаемых гектаров. Но, я подчеркиваю, это только первый этап. И если заглянуть дальше — в год 1980-й, 2000-й,— то все эти цифры значительно возрастут, рост мелиорированных земель должен будет опережать текущие потребности в продовольствии.

Однако, как говорят, не хлебом единым жив человек. Надо позаботиться и о том, чтобы к 2000 году было в достатке продуктов животноводства, овощей, картофеля, фруктов, чтобы было в достатке хлопка для текстильной промышленности СССР и стран социалистического лагеря. Если учесть все это, то задачи по мелиорации земель будут выглядеть куда более внушительными — и по объему работ и по сложности их исполнения.

Приближенные расчеты показывают, что к 2000 году площадь мелиорированных земель должна достигнуть примерно 100 миллионов гектаров. Даже людям, сведущим в этой области, нелегко представить ту

поистине титаническую работу, которую надо для этого проделать в течение ближайших 15—20 лет.

Я назвал цифры, которые иным покажутся утопией. Нет, это реалистические подсчеты, в основе которых продуманные планы, подкрепленные материально-техническими средствами. И они, эти планы, уже начинают воплощаться в жизнь.

Громадное значение для сельского хозяйства страны имеет решение майского (1966 г.) Пленума ЦК КПСС о создании крупных районов по производству товарного зерна на орошаемых землях. Уже сейчас в этих районах — степная часть Украины и Молдавия, Северный Кавказ, Поволжье, северо-восточный Казахстан,— если выражаться военным языком, накапливаются большие силы для перехода в наступление на засуху. Создаются мощные производственные базы, строятся жилые дома и коммунальные учреждения, открываются проектные и научно-исследовательские институты. Уже после майского Пленума ЦК КПСС создана сеть крупных союзных строительных организаций, свыше 600 строительно-монтажных управлений, новых специализированных станций, передвижных механизированных колонн. Армия мелиораторов оснащается современными видами техники.

Однако было бы неверно сводить проблему мелиорации лишь к росту орошаемых гектаров. Далеко не полной мерой отдают людям уже орошенные земли. Примитивные способы строительства ирригационных систем в прошлом привели к засолению, заболачиванию больших площадей, к недостаточной обеспеченности их влагой. Все это весьма отрицательно сказалось на продуктивности ценных земель. Вот почему борьба за качественное улучшение уже мелиорированных земель становится задачей первостепенной.

Новый принцип закладывается в основу осушительных работ. Еще недавно основное внимание уделялось лишь процессу осушения, то есть снижению уровня грунтовых вод. Но этого мало. Надо управлять горизонтом грунтовых вод таким образом, чтобы это в наибольшей мере отвечало биологическим особенностям тех или иных возделываемых сельскохозяйственных культур. География этих работ — республики Прибалтики, Полесье Белоруссии и Украины, северо-западные районы Российской Федерации, Зауралье, Дальний Восток.

Сейчас в один ряд с крупнейшими стройками металлургии, химии, машиностроения, легкой промышленности становятся и стройки мелиоративные. Начато сооружение Каховского орошаемого массива, который станет крупнейшей оросительной системой в Европе. Строится Каршинский орошаемый массив в Узбекской ССР — здесь будут выращивать ценнейшие тонковолокнистые сорта хлопчатника. Краснодарское водохранилище сделает Кубань крупнейшим поставщиком риса. Первенец крупного ирригационного строительства на Волге — Саратовский орошаемый массив. А наши стройки-гиганты — Голодная степь в Узбекистане, Каракумский канал в Туркмении, Северо-Крымский канал на Украине — уже немало сделали для того, чтобы эти пустынные и засушливые районы стали бы оазисами высокого плодородия.

Новая техника уверенно прокладывает себе путь. Уже в недалеком будущем появится такая оросительная система, где вся транспортировка воды будет происходить по уложенным в землю трубам, на поверхности увидишь лишь стояки-гидранты. Запрограммированные на насосной станции, они будут включаться и выключаться автоматически. Команда на включение дождевальных аппаратов будет подаваться самой почвой, в зависимости от степени ее увлажнения. Это тоже не из области фантастики. Примерно такая система уже сейчас существует в селе Копанка, Молдавской ССР. В ближайшие 1—2 года еще несколько десятков таких систем вступят в строй в разных районах нашей страны.

Размах предстоящих работ огромен. Их нельзя вести кустарно. Ирригаторам нужны новая, более совершенная техника для строительства оросительных систем, машины для облицовки каналов, тысячи километров труб — железобетонных, стальных, алюминиевых, асбоцементных, керамических, из новых химических материалов. Нужна разнообразная поливная техника, мощные насосы и другие комплексы машин. Проблем таких много, в основном специальных, сугубо технических, решение которых не должно откладываться.

Об одной особо острой проблеме хотелось бы сказать подробнее. На землях, которые ирригаторы поставят на службу человеку, даже при самом высоком уровне механизации потребуются квалифицированные рабочие, люди, накрепко связавшие свою судьбу с этим наиболее прогрессивным видом сельского хозяйства. В пустынных районах, в степи, на осушенных болотах возникнут новые поселки, целые агрогорода. Нужны специалисты, которые любят и знают землю. А уж она, земля эта, прошедшая через руки мелиораторов, сторицей расплатится за труд.

И в заключение беглый взгляд в более далекие времена, за 2000 год. Конечно, водные ресурсы наших рек, используемые для орошения, не безграничны. Но огромны возможности пополнения стока прежде всего таких главных водных артерий страны, как Волга, Днепр, пополнения за счет переброски части стока северных и сибирских рек. Эта проблема с каждым годом все в большей мере обретает черты реальности. Изыскатели направляются по маршрутам будущих водных трасс, проектанты готовятся перенести на чертежные доски параметры будущих гидротехнических сооружений и каналов.

Мелиораторы-разведчики уже перешагнули за Уральский хребет, где раскинулись десятки миллионов гектаров заболоченных земель, которые после мелиорации смогут стать гигантским мясным цехом страны. Западная и Восточная Сибирь, Дальний Восток — вот районы, которые призваны сыграть важнейшую роль в решении продовольственной проблемы будущих десятилетий.

2000 год не за горами. Его заботы не чужды нам сегодня. Мы уверены: все трудности, которые нам встретятся,— а их будет немало — не застанут нас врасплох. Партия, заглядывая далеко вперед, мобилизует усилия мелиораторов и тружеников сельского хозяйства на решение больших задач, которые являются важной составной частью того, что мы называем материально-технической базой коммунизма.

Ю. КРИВОНОСОВ,
специальный корреспондент «Огонька»

Самолет идет на снижение. Внизу — словно огромные окна с бессчетными переплетами рам — рисовые поля. Кажется, что через эти окна можно заглянуть в глубь земли, туда, где прячет свои маленькие секреты хитрое это растение — рис. До его секретов человек все еще не может по-настоящему добраться. И по сей день о природе риса идут споры среди ученых и рисоводов. Зачем ему нужно так много воды, почему в одни периоды он требует ее больше, в другие меньше, и тьма всяких других проблем.

А вот несколько иной вопрос, так сказать, житейский: что же такое этот самый рис? Выражаясь языком агрономов,— травянистое растение семейства злаковых. В нашем же примитивно-потребительском понимании — рисовая каша, пудинг, или — это уж верх блаженства! — плов. А если шире, как выражается один мой знакомый, в глобальном масштабе? Тут уж рис обретает понятие хлеба насущного: более половины населения земного шара потребляет рис как хлеб. И производят его в мире больше, чем любую другую сельскохозяйственную культуру.

Но вернемся от масштаба глобального к будням одного кубанского колхоза. Рис на Кубани... История эта и древняя и новая. От дедов внукам передается рассказ о том, как кубанские казаки привезли из Персии рис и посеяли его у себя в плавнях. Только ничего из той затеи у них не вышло, потому что не семена, а рисовую крупу по ошибке прихватили. Однако мечта осталась. И только после победы революции возглавил здесь это дело герой гражданской войны Дмитрий Жлоба. Вначале двигалось оно нелегко, но год от года рис на Кубани завоевывал все более прочное место, пока наконец не получил здесь постоянную прописку. И уж совсем недавно появился он на полях колхоза «Россия».

...Кубанские станицы очень разные. Одни больше похожи на города, другие — на обыкновенные села. К последним относится и Новомышастовская — центр колхоза «Россия». Вся в зелени садов, упрятавших хаты-мазанки. А рядом с ними растут румяные, как поджаристые хлебцы, новые кирпичные дома. Нарядные, с кокетливыми кружевными узорами на трубах и водостоках. В самом центре станицы — парк с танцплощадкой, детскими качелями и каруселью. А там, где парк кончается, поднимаются два солидных здания — Дворец культуры и детский сад. Даже с первого взгляда очевидно: колхоз живет с достатком. Лишь позже узнаешь: достаток-то этот пришел к людям трудно и совсем недавно. И с кем бы ни заговорил на эту тему, каждый неизменно упомянет председателя. Его самого я в колхозе не застал — он уехал на лечение — и все, что я о нем узнал,— от людей.

Тимофея Степановича Высоцкого выбрали председателем около восьми лет назад. Был он до того секретарем райкома партии и, прямо скажем, в председатели не рвался. Привез на собрание Высоцкий рекомендованного председателя, а колхозники заявили: «Не хотим его, хотим тебя». И на своем настояли. Пришлось согласиться.

С первых же дней полюбили в колхозе нового председателя. Сразу же снискал уважение. И вроде бы не ходил он в добряках — крут, резковат, грубоват даже порой. Но за свое же, колхозное бился. А хватка была: фронтовик, войну прошел, боевые ордена на груди. Здоровье, правда, неважное, на два фронта воевал все эти годы: и за хозяйство и против недуга. И все без шума, без суматохи — вдумчиво, но напористо.

Не все складывалось так уж благостно. Хозяйство многоотраслевое, сложное, земли двадцать пять тысяч гектаров, а земли... Из всей пашни две трети засолено, половина угодий заливалась водой и заболачивалась. Какие уж тут доходы, еле сводили концы с концами. Крутой поворот начался после мартовского (1965 год) и майского (1966 год) Пленумов ЦК КПСС. С 1966 года колхоз занялся рисоводством. Рисовые поля построило государство и передало колхозу — 6 тысяч гектаров. Бросовые это были прежде земли — плавни, топи болотные. И сразу колхоз совершил мощный рывок вперед. В прошлом году продали государству более миллиона пудов риса. Годовой доход превысил девять миллионов рублей, из них пять дал рис. По рисоводству колхоз стал самым крупным в крае.

Дело это новое, опыта мало, но

В ПОЛЕСЬЕ, НА ПЕРЕДОВОЙ

А. ЩЕРБАКОВ,
собкор «Огонька»

Вообще-то осушение здешних болот началось не сегодня. Давно уже. И болота постепенно отступают. Тысячи бросовых гектаров обернулись щедрыми нивами, густотравными лугами.

Однако прежняя мелиорация не идет ни в какое сравнение с нынешней. Принципиальные отличия раскрыл в беседе со мной министр мелиорации и водного хозяйства Белорусской ССР Александр Васильевич Алексанкин.

— До майского Пленума ЦК КПСС в 1966 году сам подход к мелиорации был иным. Что тут характерно теперь? Прежде всего обоснованный научный расчет и возросшая техническая оснащенность мелиораторов — машинный парк обновляется чуть ли не полностью. Теперь мелиораторы берутся сразу за площади в десятки тысяч гектаров — это им по плечу. И вот еще что хочу подчеркнуть: никому не нужны системы, которые через три-четыре года начинают выходить из строя. На многие десятилетия — вот наш нынешний девиз!.. Поездите по Полесью, убедитесь сами...

Прежде всего едем в Пинск. Там — «Главполесьеводстрой». Созданный в 1966 году, он держит в своих руках все нити управления огромным фронтом — его передний край проходит в тридцати районах Белорусского Полесья. Попробуй управься тут! И потому начальник

тоит рис ?

и он постепенно приходит. Растут специалисты. С утра до ночи мотается по полям старший рисовод Миша Евсеенко, молодой парень, огненный весь — и от рыжей шевелюры и от какого-то необычно красного загара. Стаж у него, как и у колхозного риса,— в 1966 году окончил Кубанский сельхозинститут. И в комплексных бригадах все рисоводы начинающие: лето — на полях, а зимой — на курсах. Сейчас все рисоводческие бригады возглавляют специалисты с высшим образованием, а агрономы и мелиораторы отделений — со средним специальным.

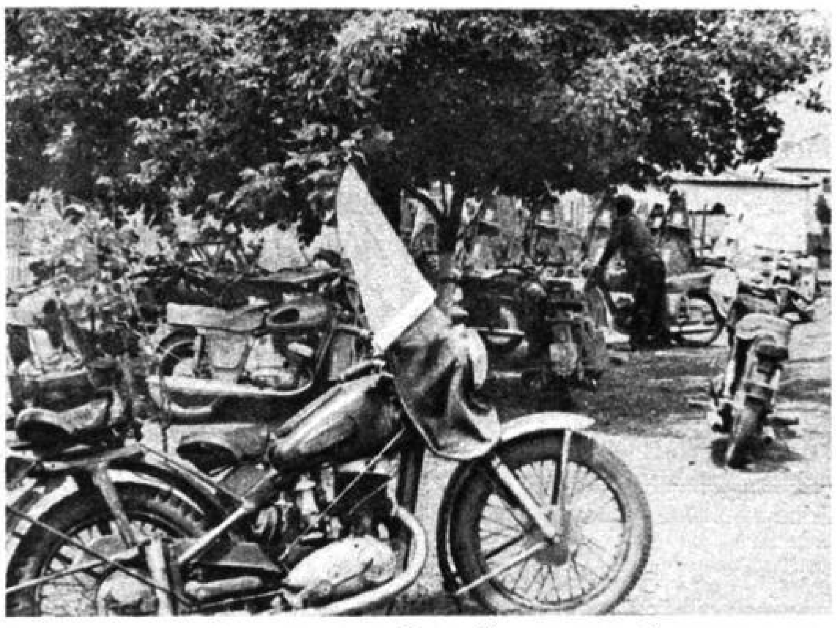
Первая рука на рисе — поливальщик. Не так это просто — точно в нужный момент дать в чеки воду, и ровно столько, сколько требуется, не так это легко уследить за чистотой междучековых валиков и обочин дорог — они, как стенки лабиринта, разгородили поля. Мы мчались по ним на мотоцикле с комсомольским секретарем Петром Мигизой, и казалось, что летим мы на катере по водной глади — вода убегала во все стороны. Людей здесь почти не видно, и я даже удивился, увидев в воде отраженное красное пятнышко девичьего платья. Петя лихо, по-казачьи, осадил своего рычащего мотором коня и представил мне девушку: «Люба Кучер. Рисовод. Работала раньше в полеводстве, переучиваться пришлось. На ее попечении тридцать шесть гектаров...» Я спросил, что она делает здесь с косой. «Валки обкашиваю, чтобы чисто было, не завелся сорняк. В чем мои обязанности? О, их много, но прежде всего за водой следить, чтоб чеки правильно заливать. Помощники у меня тоже есть,— и она глянула на небо: — Видите самолеты летают? Один на прополке — гербицидами сорняки морит, а другой подкормкой занимается, удобрения сыплет. Пробовали даже сеять рис с самолета, получается неплохо, только нужно получше летчиков выучить, сделать из них настоящих сеятелей. Аэросев — наше будущее. Жаль, что убирать самолетом нельзя.— И засмеялась звонко, рассыпчато.— Пока комбайнами убираем. Прошлый год их в нашей бригаде работало тридцать три машины да тракторов около тридцати. Сила?»

Да, сила... Выращивание риса привело к революции и в оплате труда колхозников. За свою работу поливальщики получают ежемесячно по 80 рублей. Вроде бы и не много. Но общий заработок зависит от урожая. Вот как он складывался в прошлом году у поливальщицы третьей бригады З. Черной. За ней было закреплено 30 гектаров, каждый из которых дал 64 центнера зерна вместо плановых пятидесяти двух. Арифметика в этом случае получилась такая. Гарантированная оплата — 712 рублей, за выращенное зерно — 583 рубля, дополнительная оплата — 1 484 рубля. Общий заработок — 2 779 рублей.

Да и у колхоза в целом арифметика теперь весьма приятная. У государства не в долгу, с колхозниками за труд рассчитывается сполна, да еще и резервы имеются. Вот и закупаются новые машины, строятся детские сады, ясли, школа, действует колхозный пансионат в Горячем Ключе. В станице строится много жилых домов. Свой кирпичный завод, дающий в год три миллиона штук кирпича, не поспевает за спросом. Так же, как и не поспевает торговля с продажей колхозникам малых транспортных средств — народ требует мотоциклы, их тут около четырех тысяч, а все не хватает!

Раньше люди уезжали из станицы на заработки в город, а сейчас едут обратно. И к знаниям народ потянулся. Большие суммы отпущены на обучение колхозников, на стипендии своим, колхозным студентам. Осенью и зимой в читальном зале библиотеки полным-полно. Велик спрос на техническую литературу, специальную, особенно о рисе.

Рис, он теперь здесь основа основ. Люди поняли: дело хлопотливое, но доходное. Вот и не жалеют денег на новые гектары. Остался после строителей пустырь, вода ушла, а мелиоративный отряд колхоза уж тут как тут. И десятки мощных машин при нем. Строят рисовые чеки. Моторы ревут, гусеницы лязгают. И среди всего этого грохота то тут, то там мелькает сквозь завесу дыма и пыли вконец выгоревшая шляпа Володи Кобца — главного инженера-гидротехника колхоза. Чем-то он напоминает старшего рисовода — то ли молодостью, то ли загаром, а скорей всего неуемностью и стремительностью. Вот и на этом участке скоро появятся еще пятнадцать поливных гектаров. Но это, конечно, мелочь по сравнению с тем, на что замахнулись «россияне». Секретарь парткома Николай Степанович Репьев рассказывает, что колхоз решил к семьдесят пятому году удвоить площади под рис. «Будет у нас тогда двенадцать тысяч гектаров. Деньги на это дело свои даем, государство обременять не собираемся. Окупится ли? А вот давайте считать...» И мы считаем с карандашом в руках. И Николай Степанович, подведя черту, торжествующе объявляет: «Стало быть, один урожай даст нам тринадцать с половиной миллионов. Вот вам и весь баланс...»

Главный транспорт кубанских казаков.

А я уже мысленно этот «баланс» в масштабе края представлял. В колхозе «Россия» под рисом сейчас шесть тысяч гектаров, а по всей Кубани около 90 тысяч. А особенности края таковы, что позволят в ближайшее время увеличить эти площади до четверти миллиона гектаров. И другие культуры теснить не придется: под рис пойдут или мало используемые, или совершенно непригодные земли, те же плавни. Тепла хватает, людей тоже. Не нужно строить ни новых совхозов, ни поселков, ни водоподъемников. И рис тут самый дешевый в стране получают: производится он на инженерных системах, полная механизация почти всех процессов. А скоро будут внедрены автоматика, телемеханическое управление, новейшие счетные машины, чтобы выдерживать нужный водный режим. Построят на Кубани водохранилище емкостью более трех миллиардов кубов. На эту стройку уже направляются тысячи машин, объявлена она Всесоюзной ударной комсомольской. Водохранилище это сулит краю много радостных перемен, и главная среди них — человек будет управлять Кубанью-рекой так, как ему выгодно. А пока еще трудно регулировать расход воды: и поля поить надо, и гидроузел питать, и рыбу на нерест пропускать... Водники, чтоб все это привести в согласие, ночей не спят! Уже сейчас на Кубани действуют четыре рисовых системы, и каждая из них — это тысячи сооружений, и все они должны четко, синхронно работать. И всем им воду давай.

...Пока еще половину всего потребляемого нами риса мы импортируем. Пройдет 8—9 лет, и кубанский рис поможет освободить страну от этих закупок. Что же касается больших капитальных вложений, то тут следует напомнить: затраты на рисовые системы начинают окупаться уже в ходе строительства — поля вводятся в дело постепенно, частями, а за два-три года полностью окупаются.

...А вы думаете, зря колхоз «Россия» берется удваивать площади под рис за свои собственные деньги? Деньги всегда счет любили...

главка Виктор Александрович Гвоздев, приглашая в кабинет, без всякой рисовки предупреждает:

— Извините, спешу, сегодня надо заняться со строителями... Так с чего начнем? Видимо, с характеристики главка? Всего у нас в коллективе около 12 тысяч человек. Основные усилия нацеливаем на три направления: мелиоративные работы — раз, культурно-технические мероприятия на угодьях, которые не требуют осушения,— два и, наконец, третье — создание новых совхозов. Ведь существующие хозяйства уже не в состоянии поднять те площади, которые с нашей помощью обретают плодородие. О размахе судите по цифрам: в 1966 году главку ассигновали 24 миллиона рублей капитальных вложений, а в нынешнем — уже 56 миллионов. Правда, заметно подорожал гектар. Почему? Раньше обычно все начиналось и кончалось тем, что мелиораторы сгоняли воду. Теперь же, чтоб не добиться противоположного, не заставить осушенные земли страдать от жажды, повсюду предусмотрено двойное регулирование влаги, а кроме того, система водохранилищ, насосных станций, шлюзов. Мы взяли на себя и строительство дорог в районах осушения. Вот и подорожал гектар. Однако мы уверены: при таком к нему отношении он сторицей отплатит людям в самом недалеком будущем.

Виктор Александрович встает из-за стола и говорит:

— Если хотите, поедемте со мной на строительство завода гончарных дренажных труб.

Едем. По дороге Гвоздев продолжает:

— Так вот о новых совхозах. Прежде осушались сравнительно небольшие массивы, обычно в пределах тысячи гектаров, причем, как правило, поближе к населенным пунктам. Теперь наш типичный объект — от пяти до двадцати тысяч гектаров и зачастую довольно далеко от крупных деревень. Там и заложим новые хозяйства. Пять совхозов уже создали, а всего наметили более пятидесяти.

Разговор сокращает дорогу. Незаметно приехали в Столин, рядом станция Горынь, где заложен завод. Что он даст мелиораторам, новый завод? А вот что: сейчас дренажные трубы возят из-под Витебска, Бобруйска. Издалека. 19 миллионов штук запланировано уложить в этом году. Горынский же завод под боком и рассчитан на 75 миллионов в год.

Снова отправляемся в путь. Теперь с главным инженером главка Николаем Павловичем Лазарем.

...Внушительный массив в 4 800 гектаров официально называется объект «Хвоецкое». Штаб участка в деревянном домике-времянке. Главный инженер строительно-монтажного управления Альберт Людвигович Тумилович расстилает на столе большой лист — план объекта. Вот он, современный подход к мелиорации: линии каналов, одни — для водосброса, другие — для подачи воды; пунктир дамб; усики регулировочных труб на перекрестках; кружочек — насосная станция. 72 километра дорог, из них более трети с твердым покрытием.

Николай Павлович достает блокнот, задает Тумиловичу вопросы, что-то записывает. Прислушаешься к разговору двух главных инженеров и сразу улавливаешь: техники тут получают много, но аппетит приходит во время еды — еще давай!

Из «Хвоецкого» — в колхоз «Новое Полесье». Там около четырех тысяч гектаров осушенных земель, радующих своим плодородием. Зажиточность крепкого хозяйства обнаруживается сразу же, так сказать, крупным планом: чистопородный скот, привольные рыбные пруды, каменная контора правления с веселым узором цветов в палисаднике. А уж если хотите в деталях картину разглядеть, то тут к вашим услугам главный экономист Алексей Федорович Кулага. Он сразу выдаст пулеметную очередь цифр, весьма и весьма красноречиво свидетельствующих — осушенные гектары дают отличные урожаи, и все денежные затраты с лихвой окупаются.

* * *

...Перечитываю записи в блокноте, записи разговоров с инженерами, экономистами. Большой размах нового большого дела вызывает разные проблемы.

Мелиораторы жалуются: в планах заметен разрыв между заданиями на осушение и освоение осушенных земель. Огромные площади могут не на один год оказаться неиспользованными и задержат отдачу вложенных в них средств. Не лучше ли осушать с таким расчетом, чтоб хватало ресурсов на быстрое освоение этих земель?

И еще проблема. У «Главполесьеводстроя» есть фонды материалов, есть деньги, однако Министерство сельского строительства БССР не берет подряды на необходимые главку работы. Как выйти из положения, тут уж решать министерству, Госплану республики и Союза ССР, но срывать задания пятилетки непозволительно.

Полесье не перестает требовать помощи ученых. Нужен пористый бетон! А чем одевать строящиеся дороги? В Полесье есть лишь торф да песок, нет ни щебня, ни гравия.

Настораживают и темпы сооружения водохранилищ. А сколько еще неясного в будущей судьбе полесских фауны и флоры! Словом, проблемам нет числа.

Широкий фронт мелиоративных работ развернулся ныне в республиках Средней Азии, и в частности в Узбекской ССР. О его своеобразии, выигранных сражениях, оперативных планах рассказывает секретарь ЦК Компартии Узбекистана Н. М. Матчанов в беседе с корреспондентом «Огонька» В. Костырей.

Интервью «Огонька»

Земля живая

Секретарь ЦК Компартии Узбекистана Н. М. МАТЧАНОВ

Вначале хотел бы подчеркнуть то, что порой не принимают во внимание люди, непосредственно не связанные с возделыванием земли. Почва — живое существо, оно дышит, пьет, ест, ему по вкусу одно и вредно другое. И в нашей стране за годы Советской власти сделано очень много для оздоровления плодородной земли, особенно в последнее время, после решения майского (1966 года) Пленума ЦК КПСС. Мы, хлопкоробы, восприняли это решение с таким же энтузиазмом, как наши отцы и деды в 1918 году знаменитый ленинский декрет об ассигновании 50 миллионов рублей на оросительные работы в Туркестане. Ведь сельское хозяйство нашей республики основано на орошаемом земледелии, требующем специального ухода, а значит, и немалых капиталовложений. А материальную сторону дела Пленум ЦК КПСС решил с щедростью, на которую способна только наша социалистическая экономика. И вот уже третий год у нас идет поистине беспримерная битва за сильную, здоровую, обильно плодородящую землю. Выиграны сражения, которые на протяжении веков и даже в предшествующие десятилетия казались безуспешными. Все шире становится фронт работ.

Наши противники № 1 и № 2 — нумерация меняется в зависимости от поля сражения — это маловодье и соль грунтовых вод, смертельные враги узбекистанских земель. На массивах, где ведутся мелиоративные работы, порой стоит такой гул от взрывов, рева моторов, лязга железа, что под стать фронтовому. Судите сами, в водохозяйственных организациях республики ныне в деле три тысячи экскаваторов, две с половиной тысячи бульдозеров, две тысячи скреперов, мощные землесосы, колонны автомашин и тракторов, много другой техники. Ну, а наши предприятия по изготовлению керамических труб, железобетонных оросительных лотков, строительных материалов — чем не заводы боеприпасов, которые идут в бой за освоение земель на пользу всем трудящимся?

Вопрос. Каковы особенности мелиорации в Узбекистане?

ОТВЕТ. В основе каждой мелиоративной акции лежит изучение определенного земельного массива, его рельефа и структуры. Это условие тактики. Она же осталась в принципе прежней, хотя методологически и усовершенствовалась. Но вот стратегия претерпела коренной и весьма радующий нас сдвиг. Есть у нее одна особенность для наших мест с их жарчайшим солнцем и долгим безоблачным летом,— с древних времен улучшение земли отождествлялось с ирригацией, проще говоря, орошением. Неспроста из толщи веков до наших дней дошли такие поговорки, как: «Вода — душа урожая», «Вода — это жизнь», «Земля — хранилище, вода — сокровище». В наследство мы получили богатый народный опыт строительства ирригационных систем, удивляющих простотой средств и целесообразностью. Вот любопытная выписка из одной дореволюционной книги о Туркестане, речь идет о магистральных каналах Хорезма: «При виде этих мощных потоков, несущих на многие десятки верст живительную влагу, невольно проникаешься глубоким уважением к народу, который при скудных технических познаниях, под палящими лучами туркестанского солнца ценою неимоверного труда изборороздил всю страну сетью оросительных артерий».

Но, как известно, где есть артерии, там должны быть и вены, чтобы организм был жизнеспособен. А на устройство «венозного» хозяйства у дехкан просто-напросто не хватало сил: в прежние времена техника была настолько примитивна, что о рассолении и разболачивании вышедших из строя массивов с помощью дренажно-коллекторных систем не могло быть и речи.

Теперь у нас, кроме давно и широко применяемого горизонтального дренирования, в нескольких оазисах республики эффективно действуют вертикально-дренажные насосные установки. Это новое и очень перспективное дело в мелиорации, и семьдесят процентов работ по улучшению земель таким способом ведется в Узбекистане. Кстати, об этом рассказывалось в № 14 «Огонька» за 1968 год.

Ныне мелиоративное дело стало у нас развитой отраслью сельского хозяйства. И в этом заключается тот стратегический сдвиг, о котором шла речь выше. Внедрение же механизации и индустриализации в мелиоративное строительство позволило осуществлять комплексное освоение крупных массивов, более сложных (по характеру намечаемых тут работ) новых земель.

Сейчас успешно идут дела в Центральной Фергане, Голодной степи, в низовьях Аму-Дарьи, большое будущее у Сурханшерабадской долины, у пустовавшей веками Каршинской степи.

Вопрос. А какова их отдача?

Ответ. Вот, к примеру, Центральная Фергана. Здесь освоено 95 тысяч новых гектаров. Они уже дали государству 675 тысяч тонн хлопка. Всего здесь будет освоено 173 тысячи гектаров, и урожай войдет в тот пятый миллион тонн белого золота, дорогу к которому трудящиеся республики прокладывают внедрением правильных хлопково-люцерновых севооборотов, комплексной механизацией, химизацией и, конечно же, научно разработанной системой мелиоративных мер.

Не узнать ныне Голодную степь. На 160 тысячах гектаров новых земель производят хлопок 16 крупных совхозов. В недалеком будущем отсюда будет поступать в наш пятый миллион около 400 тысяч тонн хлопка.

В низовьях Аму-Дарьи, на территории Каракалпакской АССР, создается крупный район рисосеяния. Уже в этом году тут получали более 70 тысяч тонн риса вместо 27 тысяч тонн, собранных три года назад.

Началось наступление на Каршинскую степь. Здесь свыше миллиона гектаров земли, пригодной для орошения, а климатические условия позволяют выращивать наиболее ценные, тонковолокнистые сорта хлопчатника. В первую очередь будут освоены 200 тысяч гектаров. Для этого строятся Амукаршинский канал и Талимарджанское водохранилище емкостью полтора миллиарда кубометров, организуются совхозы.

Общая же емкость водохранилищ республики — 3 миллиарда 600 миллионов кубометров. Здесь учтены воды и «узбекского моря» — Каттакурганского водохранилища, и Южно-Сурханского, и Чимкурганского, а также Куюмазарского, Ташкентского, Каркиданского, Кассансайского, Учкызылского, Пачкамарского и многих других, поменьше. Всего в республике для орошения ежегодно расходуется 32—33 миллиарда кубометров поливной воды, а протяженность оросительной сети превышает сто тысяч километров.

Вопрос. Это, так сказать, «артериальная система». А как обеспечивается «венозный» отток?

Ответ. За последние годы коллекторно-дренажная сеть значительно развилась. Ее протяженность ныне — более 37 тысяч километров. А ведь основы были заложены только после Октябрьской революции.

В результате столь грандиозного водохозяйственного строительства мелиораторы республики за годы Советской власти в буквальном смысле этого слова добыли еще один сельскохозяйственный Узбекистан: площадь поливных земель здесь удвоилась и сейчас составляет более 2 миллионов 600 тысяч гектаров.

Борьба за расширение посевных площадей, конечно, будет продолжаться. Вместе с тем эффективные мелиоративные и агротехнические меры принимаются ныне для того, чтобы интенсивно использовать староорошаемые земли, больше брать с уже действующих площадей хлопка, зерна, овощей и другой продукции сельского хозяйства.

Вопрос. Каковы были главные вехи на пути к большому узбекскому хлопку?

Ответ. Прежде всего декрет В. И. Ленина. Затем земельно-водная реформа. Особенно благоприятные условия для развития ирригационного строительства и подъема орошаемого земледелия сложились в результате коллективизации сельского хозяйства. Весной 1939 года колхозники Ферганской области своими силами в короткий срок построили 32-километровый канал Ляган, по которому начали перебрасывать воду из реки Исфайрам в Шахимарданскую оросительную систему. Успех этот явился началом своеобразной цепной реакции. Летом того же года 160 тысяч колхозников Узбекистана и 20 тысяч колхозников Таджикистана вышли на трассу строительства Большого Ферганского канала. За 45 дней была проложена 344-километровая дорога воде, а в декабре канал уже сдали в эксплуатацию. Были построены также Даргомский канал в Самаркандской области, каналы Кыз-Кеткен и Пахта-Арна в Каракалпакской АССР. А в следующем году — Южный и Северный Ферганские, Ташкентский и другие. Не приостановилось ирригационное строительство в республике и в годы Великой Отечественной войны. Назову Фархадскую ГЭС, Северный Ташкентский канал.

После войны все усилия были направлены на то, чтобы привести в порядок существующие ирригационные системы, завершить строительство начатых объектов. Уже в 1949 году уровень производства хлопка превысил довоенный. В последующие годы наряду со строительством каналов рождались крупные мелиоративные сооружения. Этим и был обеспечен постоянный рост валового урожая хлопка-сырца. Если, скажем, в 1955 году республика собрала 2 миллиона 577 тысяч тонн, в 1958 году перешла рубеж трех миллионов, то уже в последние два года государство получало от Узбекистана по 4 с лишним миллиона тонн.

Эффект мелиорации особенно нагляден на примере Хорезмской области: урожайность здесь повысилась вдвое, достигла 35 центнеров с гектара! Это — мировое первенство.

Сейчас трудящиеся Узбекистана делают все для того, чтобы решения XXIII съезда партии, мартовского (1965) и майского (1966) Пленумов ЦК КПСС были полностью претворены в жизнь. В этом одна из главных задач партийной организации республики.

Мелиорация в сочетании с комплексной механизацией и химизацией — надежный путь к тому, чтобы в 1975 году узбекские хлопкоробы достигли намеченного рубежа и дали государству пять миллионов тонн высококачественного белого золота, как можно больше другой сельскохозяйственной продукции.

Персиковый сад совхоза «Фархад» в Голодной степи. Узбекистан.

Фото М. САВИНА и Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

Когда нет воды...

Эта вода дает жизнь совхозу № 6, который возник в Голодной степи.

Солнце и вода...

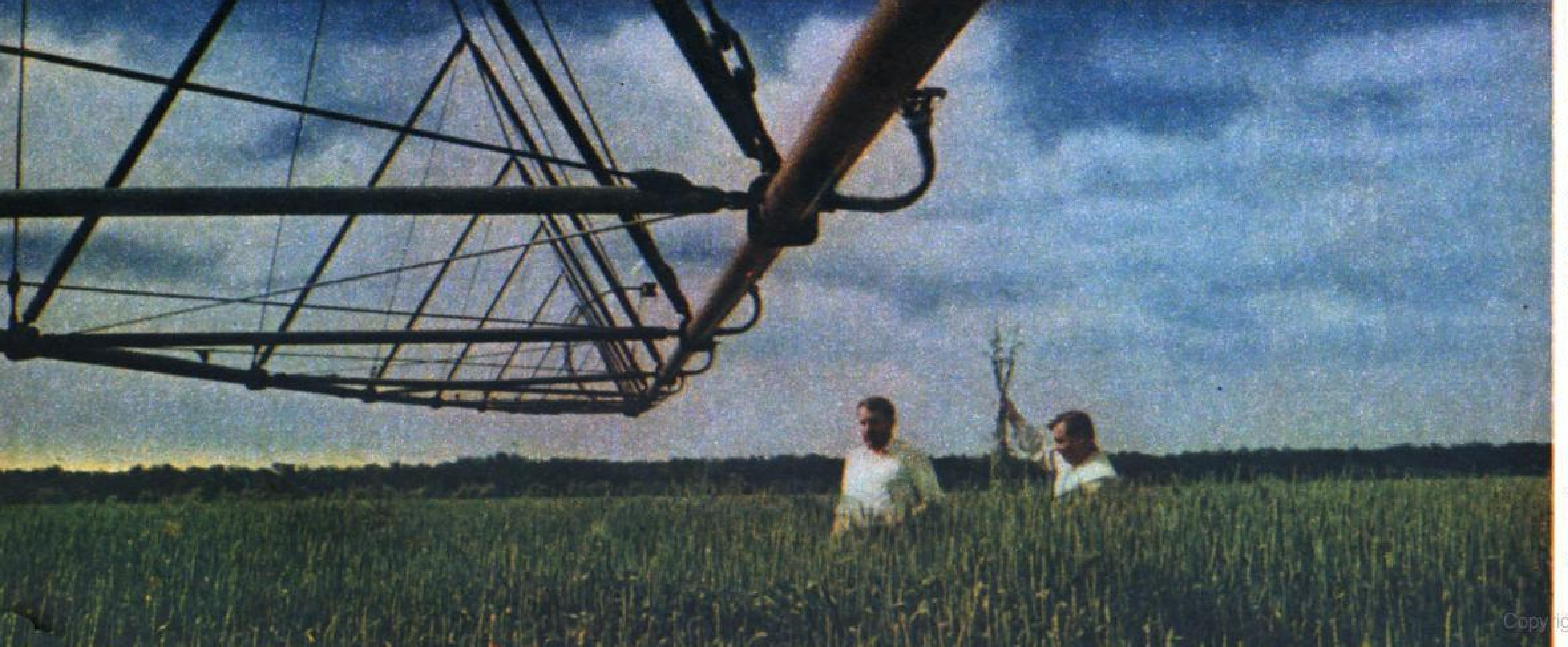
Совхоз «Энгельсский» на Саратовщине. Овощевод Нина Леонтьева.

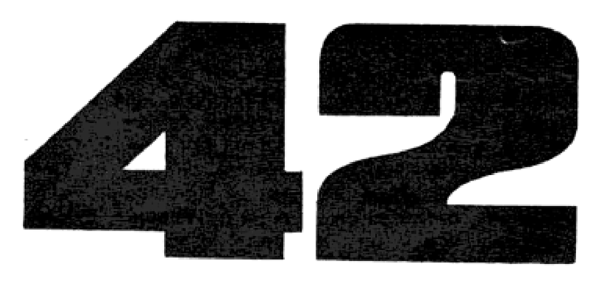
Дождь идет...

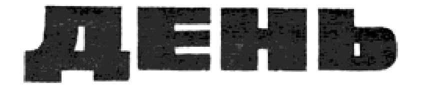
Овощеводы четвертой бригады.

Главный агроном совхоза А. В. Соболев и директор совхоза А. Ф. Суханов на поливном поле.

дождя за

Репортаж с заволжского плацдарма мелиорации

Н. БЫКОВ

Фото М. САВИНА.

Заволжье. Здесь испокон веку земля просит пить, здесь еще недавно можно было увидеть, как умирают обожженные ветром растения... Так было всегда. А рядом всегда была полноводная Волга.

Земля ждала, земля ждет. Точнее, ждут растения, те самые, которые выращивает человек.

Нынешний год нетипичен для Заволжья, по крайней мере для некоторых его районов — для тех мест, где пришлось побывать в пору цветения пшеницы. Через два дня на третий — дождь, да еще какой! Стояли мы со случайным собеседником и разговаривали на круче у Волги. Внизу — река и многоэтажное здание насосной станции. Стекла окрасил закат, река тихо плавилась, а я мысленно пробегал путь воды от родных берегов через мощные насосы, трубы, магистральный канал...

— Волга рвется в степь! — торжественно, а может, и просто погазетному подытожил наш разговор мой случайный собеседник. Но днем позже я услышал эти же слова и от директора совхоза «Энгельсский» Александра Федоровича Суханова.

— Волга рвется в степь? Не совсем так. Воду Волги в степь подают. И уже много тысяч гектаров в заволжской степи орошается. Это — только начало. Предстоит — на десятки лет вперед — огромная работа. В степи за Волгой рядом с пахарями отныне будут работать и мелиораторы — те же земледельцы, только с инженерным образованием, владеющие сложной техникой.

Бездождью — бой! Я только что вернулся с небольшого плацдарма, на котором закрепились рабочие и специалисты совхоза «Энгельсский». Да, этот год для Заволжья ненормальный, идут дожди, но проблема остается, без рукотворного дождевания теперь уже не обойтись. Хозяйство занимается поставкой овощей Саратову и его рабочим предместьям. Нужна вода — без нее нет овощей.

— Вы поливали когда-нибудь огород? — спросили меня в совхозе. Поливал и знаю, как ведра обрывают руки. Но поливать надо каждый день, много дней подряд. Овощи здесь, на левобережье, еще несколько лет назад никто и не думал выращивать. Но вот в 1959 году — в расчете на воду Волги — был создан совхоз «Энгельсский». И в город пошли машины с редисом, с луком, с ранней капустой, даже с картофелем. И пошел хлеб — пшеницы озимая и яровая. Каждый год, заметьте! Потому что орошение — это значит гарантированный урожай. И вместе с тем, конечно, сложные работы, немалые затраты, но главное — гарантированный урожай.

Дождь с ясного неба! В совхозе сейчас имеются сорок две дождевальных установки, из них тридцать две марки «ДДА-100 М». Это крылатые машины, очень красивые, легкой конструкции, из тех, что рисовали прежде на обложках книг фантастических повестей. Они медленно плывут вдоль небольшого канала, сосут неслышно волжскую воду и выбрасывают мириады росяных звезд-дождинок на пшеницу. Тихий дождь повисает над полем, и в жаркой степи далеко за Волгой пахнет рекой...

Дождь в степи — такой вот неслышный, при ясном солнышке — это очень лирично. Однако не ради этих сорока двух радуг подняли Волгу в степь. Виталий Михайлович Буркин, главный гидротехник совхоза, рассказал, что в прошлом году они продали государству зерна почти в четыре раза больше (398%), чем планировалось! А год был неровня нынешнему — одним дождеванием держались. Более двух миллионов рублей выручил совхоз в юбилейном году от реализации своей продукции — вот что значит дождь вовремя! А именно этим и ценно дождевание. Дождь по заказу растения, по заказу агронома — это решение одной из главных проблем агротехники.

— И мы, гидрослужба, обеспечиваем! — говорит Виталий Михайлович.

Полив — это строгий режим, режим прежде всего. В кабинете директора висит график полива, закон жизни совхоза на целый год! Все службы, все специалисты, механизаторы живут этим графиком. Если в мае, в июне надо растениям воды до двух с половиной кубов в секунду — надо обеспечить. Вот это и есть новое в земледелии, куда пришли инженеры, где счет идет на кубометры «дождя» и на секунды, где урожай зависит от подачи электричества, от состояния системы труб и каналов, от умения и ловкости поливальщиков, людей совершенно новой для Заволжья профессии. Поэтому стало возможно не вообще выращивать овощи, а продавать их государству больше, чем планируется.

Сейчас в совхозе орошаются 3 500 гектаров. Хозяйство у главного гидротехника В. М. Буркина огромное: более 350 километров временных оросителей, более 90 километров постоянных каналов, почти на 50 километров растянулась водосбросная сеть.

— Сколько же воды надо дать растениям?

— Смотря какой год... Нынче по графику дадим три полива на пшенице. В каждый полив по восемьсот кубов на гектар.

Я сразу представил себе ведра с водою и крутую тропинку от Волги наверх, к полям...

— Овощам,— продолжал Виталий Михайлович,— дадим за лето до пяти тысяч на гектар.

— А сколько же за день дождя проливаете вы, главный гидротехник, на поля?

— Ну, не один я... Всего за сутки мы выливаем до двухсот тысяч кубометров воды.

О рукотворные дожди! 180—200 тысяч кубов ежесуточно без грома и молнии проливаются на поля! Крылатые дождевалки, носящие строгое название — дальноструйный двухконсольный агрегат, выбрасывают (каждая!) до 80—100 литров воды в секунду. За этими инженерными расчетами стоит урожай, стоит чистая прибыль, которая в 1967 году составила здесь более 250 тысяч рублей. Выгода явная, да иначе и быть не могло. Земли Заволжья — это милость природы. Земли отличные, здесь гигантский отечественный цех по производству твердой пшеницы. Не от людей зависело, что не каждый год земля могла дать то, что она могла бы дать, не будь страшного бездождья. И теперь именно от людей — от ученых, от мелиораторов, от инженеров-гидротехников, от земледельцев и вододельцев зависят урожаи Заволжья. Это так. Игра стоит свеч: хлеб, который будет давать обводненная, продожденная земля, стоит любых затрат. Потому что вместе с хлебом мы приобретаем землю! Потому что недобор хлеба там, где его при правильно проведенных мелиоративных работах можно и нужно брать полной горстью, полным бункером комбайна, составляет несколько десятков миллионов тонн, а столько хлеба нигде не купишь...

Кстати, из чего складываются затраты на урожай с орошаемых земель? Стоит ли чего-нибудь вода Волги? Конечно, стоит, но немного — менее копейки за кубометр при подъеме и подаче воды реки на степной плацдарм активного земледелия. И эти малые расходы наше государство берет на себя. Совхозу вода ничего не стоит. Другое дело, что мелиоративные работы обходятся недешево государству — велика стоимость сооружения оросительных систем и специальной техники. Для осуществления в комплексе всего, что наметил майский Пленум ЦК КПСС, потребуются серьезные капиталовложения — уже запланированы работы на миллиарды рублей!.. Себестоимость пшеницы в совхозе «Энгельсский» составила в прошлом году более четырех рублей. Многовато, но тут экономика еще пока в поиске. Дело в том, что в этом хозяйстве наука тесно сотрудничает с производством. Все тут впервые! Не случайно, что совхоз — опытное хозяйство по орошению. Таких хозяйств в стране нашей всего несколько, и тут многое сделано еще на живую нитку, не все выверено наукой. Совхозу помогает работать Поволжский филиал Всесоюзного научно-исследовательского института экономики сельского хозяйства. Здесь же проводят работу и сотрудники Института сельского хозяйства Юго-Востока. А рядом еще один сосед — Волжский научно-исследовательский институт гидротехники и мелиорации. Производственные посевы и поливы — они же и опытные, это важно сказать, чтобы понять всю ценность первых удач и неудач совхоза. Ведь всего только за Волгой предстоит в ближайшие десять лет оросить до полумиллиона гектаров!

Мелиорация — наука агроинженерная, тут расчет играет главенствующую роль, а просчеты чреваты смертью плодородной земли. Как одолеть полегание яровой пшеницы на орошаемых полях, каков режим полива применительно к новым, перспективным сортам зерновых, какова экономическая эффективность орошения? Вопросов много. Их задают дожди, так сказать, небесные и дожди рукотворные. Их задают люди и растения. И на все надо дать ответы. Сделать это в производственных условиях не так просто, но люди ищут. Ищут директор совхоза А. Ф. Суханов и главный агроном А. В. Соболев, старший агроном отделения Ю. И. Чепенко и гидротехник В. М. Буркин, ищут экономисты и бухгалтеры, инженеры и зоотехник. Вот почему и директор, и главный агроном, и некоторые другие специалисты совхоза еще и учатся в заочной аспирантуре, работают над диссертациями.

...Как изменились полдни в степи! Знойную тишину нарушили плески воды и голоса детей. Ребятишки облюбовали магистральный канал, они часами ныряют в прохладу небыстрого течения, плещутся в волжской воде за много километров от Волги. И эти звуки жизни невольно подчеркивают задумчивый шелест мокрой пшеницы, полет неслышного дождя, пролившегося там и тогда, где и когда указано графиком. Шумит за Волгой дождь, про который не скажешь: «Прошел стороной»...

Вс. КОЧЕТОВ

Люди среди памятников

1

Ранним утром на юго-западе открылась взбугренная холмами, вся в желто-лиловой дымке древняя греческая земля. Собственно, землю Греции мы могли бы увидеть и раньше, еще ночью, после Дарданелл, когда справа и слева от теплохода в черной влажной темени Эгейского моря то возникали, то гасли тусклые и негустые огоньки островных селений. Но была ночь, и мы видели только эти огоньки. По правому борту остался так Лемнос, по левому прошли Лесбос и Хиос, большие, издревле вписанные в историю скалистые острова.

Теперь теплоход, минуя неисчислимую россыпь островов и островков более мелких и просто мельчайших, приближался по спокойной июньской воде к Пирею.

— Взгляните вон туда! — Указывая рукой на дальние возвышенности, помощник капитана передал мне увесистый морской бинокль.

Сквозь хорошо протертые окуляры разглядывалось охваченное голыми холмами обширное скопление плоских крыш большого города, который, казалось, состоял из одинакового цвета, белесых, выцветших под солнцем и, как гнезда, прилепленных один к другому строений, без единого пятна зелени между ними. Дома, как бы стекая со склонов холмов, тесно сгрудились на дне окруженной холмами долины.

Все это лишь коротко мелькнуло в стеклах бинокля и было тотчас заслонено поразительно знакомым, со школьных лет, давно, всю жизнь знакомым горделиво-величественным зданием, как бы выросшим прямо из отвесной, крутой скалы в самом центре города.

И скала та и здание, врезанное в нее фундаментом, господствовали над морем крыш, и все, что там было под ними внизу — и плоские крыши, и переплетения улиц, и провалы площадей,— исчезло, перестало существовать, а только все ярче, все отчетливее и выпуклей вычерчивалось на крутом холме прекрасное сооружение в бело-розовых колоннах; этот эффект создавался утренним солнцем: подымаясь, оно светило все сильнее, и лиловая утренняя дымка все таяла.

— Парфенон?! Не может быть! Разве к Афинам есть подход с моря?

— Когда-то, в древности, очевидно, был. Вот так, прямо по курсу, если бы в свое время море не отступило от города, мы смогли бы подойти чуть ли не под самые стены Акрополя. А теперь нам предстоит обогнуть вот тот мыс и причалить в Пирее, в полуторах десятках километров от собственно Афин.

«Аджария», сбавив ход, минует оконечности двух молов, которыми ограждена пирейская гавань, и вмешивается в пеструю корабельную толчею. Во всех направлениях, навстречу и наперерез ей, в бухту и из бухты — к ближним и дальним островам — спешат катера, моторные лодки, пароходики, теплоходы — с пассажирами и с грузом. «Ахиллес»,— читаю на их кормах,— «Рея», «Орион»... Возле одного из причалов в ряд, как тройка белых крупных коней, расположились совершенно одинаковые теплоходы «Афродита», «Эрос» и «Адонис».

Несмотря на тесноту, капитан с удивительной точностью подводит корабль к тому месту, где ему надлежит стоять, и с такой же точностью, без малейшего толчка, прислоняет его к бетону.

Акрополь с Парфеноном от причальных стенок Пирея уже не виден, но о том, что они где-то неподалеку, о том, что земля вокруг — это земля одной из древнейших цивилизаций, родина олимпийских богов,— об этом приезжему в излишестве напоминают названия каждого парохода и пароходика, каждая вывеска на припортовых строениях, каждая реклама на каждом столбе. На этой земле эксплуатируют древность, некогда бывшее и частично оставшееся, зарабатывают на мифах, на легендах, на старых камнях; но жизнь и здесь вполне современна со всеми ее жестокими современными противоречиями. Ты слышишь, как она суетлива, криклива, и вместе с тем видишь, что лица суетящихся и кричащих на берегу без улыбок, выражение глаз беспокойное, озабоченное, чего-то ожидающее, и ожидающее скорее неприятного, чем приятного. Такими глазами смотрят таможенные чиновники, такими глазами смотрят грузчики и носильщики, такие же взгляды у шоферов такси, у продавцов всякой мелочи возле выходов с территории порта.

Еще нет и двенадцати месяцев с того дня, как произошел очередной переворот в измученной этими переворотами не то что небогатой, а просто нищей стране. Король Константин летом 1965 года при помощи военных лихо расправился с неугодным ему правительством. Он сидел во дворце и еще не знал, что менее чем через год военщина учинит следующий еще более беспардонный переворот и что даже ему, монарху, придется уносить ноги от решительных молодцов-полковников, которые получат в народе наименование «черных».

Король, может быть, и не знал, но народ-то греческий всегда ожидал и ожидает от своих правителей и от тех, кому правители служат, все новых и новых неприятностей. Подсчитано, что только после войны в стране сменилось сорок четыре правительства. Почти половина из них приходила к власти в результате переворотов различной остроты. Каждый раз новые правители не скупились на обещания и на прожекты. Но что получалось практически? Ничего хорошего. Страну несколько лет назад включили в Общий рынок — в так называемое Европейское экономическое сообщество. «Сообщество» выглядит в данном случае весьма своеобразно: уровень экономического развития Греции составляет всего лишь 25 процентов уровня средней страны — участницы Общего рынка. Даже в одном из буржуазных западных журналов признавалось, что в Греции «осел и коза все еще заменяют крестьянину трактор и автомашину». Из девяти миллионов греческого населения четверть миллиона длительное время не имеет работы. Миллион человек в сельском хозяйстве занят неполный рабочий день. В итоге почти сто тысяч греков ежегодно уезжают на работу в Западную Германию или бегут еще дальше и насовсем, в Австралию. За десять лет из страны эмигрировало свыше миллиона человек.

С чего тут улыбаться, с чего делать приветливые выражения на лицах? Когда страна тяжко больна, болезнь сказывается на каждом ее гражданине.

2

После вручения нескольких долларов сухопарому старичку в небесно-голубом костюме я был присоединен к группе советских туристов, следовавших на «Аджарии» в Средиземное море. Туристов оказалось не так много, и местечко в автобусе нашлось. Старичок хорошо говорил по-русски; ему в его работе помогала сотрудница той же туристской фирмы и тоже говорящая по-русски. И у старичка и у его средних лет помощницы в глазах было, как и у всех вокруг, довольно-таки тускло и безрадостно, но оба они улыбались служебными улыбками по принципу: «На работе работай».

Автобус повез нас через Пирей, по дороге на Афины. Старичок давал те обычные объяснения и пояснения, какие гиды всех стран дают туристам: что справа, что слева, что впереди и что позади. Он был милый старичок, по-своему симпатичный, и у сколько-нибудь нормальных людей не мог не вызвать жалости. Как ни грустно это в его возрасте, он скоморошничал. К этому его приучила злая действительность. Те, жующие резинку, постоянно слетающиеся в Грецию в разгар туристского сезона богатые путешественники из-за океана в серьезных, содержательных объяснениях и рассказах не нуждаются, их бросает в сон от всего серьезного и осмысленного; они обожают анекдот, пошлую шутку, потеху. И старичок гид годами вырабатывал потребную им манеру рассказа об Афинах, об истории Греции, о современной жизни.

— Вот бухта,— указывал он вправо от петлявшей над морем дороги.— Там, как видите, стоят прекрасные яхты. Моей среди них, замечу, нет. Это яхты афинских богачей. Которая принадлежит нашему королю, сказать не смогу. Король меня на нее не приглашал.— Помолчав, он добавил: — А не приглашал, думаю, потому, что у него молодая, красивая королева. А я хотя и старый, но холостяк. Хе-хе-хе!..

Так острить по адресу короля и королевы можно сколько угодно. Такого рода вольностями, собственно говоря, и исчерпываются все нынешние «демократические свободы» в Греции, но люди, подобные старичку гиду, обыватели, полуинтеллигенты, готовы убаюкивать себя столь колоссальными правами на «свободу слова». При этом они даже хитро подмигнут: а вы, мол, советские граждане, разве можете вот так, публично высказываться о своем правительстве? Хе-хе-хе!..

Во время остановки перед очередным свето-

Из новой книги.

фором старичок продемонстрировал и еще один пример совсем уже непримиримой критики:

— Кричат о свободе... А где эта свобода в Греции, если приходится стоять перед каждым светофором, когда включают красный свет!

На островах Юра, Макронисос, Эгина, Лерос, окруженных морем, в глухих, каторжных тюрьмах среди скал и камней заключены тысячи патриотов, борцов за свободную Грецию, за не опереточные, а подлинно демократические права, а старичка вынуждают внушать приезжим людям, что народ Греции если чем и скован, то только уличными светофорами. Вот, дескать, блага щедрой западной демократии, не то что при коммунистических режимах в Восточной Европе.

Наш гид не показал нам страшную, всему миру известную афинскую тюрьму Авероф, нам удалось увидеть ее лишь издали и мельком, но по поводу женской, мимо которой неторопливо проходил автобус, он высказался:

— В Греции много женщин-преступниц. Это те, кто убивает своих неверных мужей. Вот почему я и остался старой девой.

В замкообразных, хмурых строениях за глухой стеной, надо полагать, в заточении находились не только убийцы своих неверных мужей, а главным-то образом те, кто разделил участь верных родине греческих мужей-демократов. Об этих смелых греческих женщинах совсем бы иначе можно было рассказать. Но попробуй расскажи иначе — и сам угодишь за решетку. Куда легче, куда спокойнее шутить о молодой королеве, о красном свете на перекрестках улиц — и так, из грошовых словесных вольностей, сооружать карточный домик благ буржуазной демократии.

— А вот храм Зевса. Точнее — его остатки. Прелестные колонны, не правда ли? Бородатый частенько изменял своей жене Гере. Она, конечно, тоже не сидела сложа божественные ручки.

— А это,— жест в сторону бухты, где близ берега из воды торчит одинокая голая скала,— необитаемый остров. На нем жил Робинзон. Прошу этому не верить.

Старичка, повторяю, искренне жаль, как жаль всякого старого человека, над которым издеваются. В данном случае положение еще хуже, потому что действительность принуждает его самого издеваться над собой. Это, пожалуй, самый мерзкий вид издевки.

— Обратите внимание на тот вот памятник. Перед нами президент Соединенных Штатов господин Трумэн. Он еще жив, но мы ему поставили статую при жизни. Он дал нам после войны громадный заем, который мы надеемся не возвращать.

— А это памятник единственно порядочному англичанину, который только побывал в Греции. Лорду Байрону.

— Словом, в Греции все есть, как говорил ваш Антон Павлович Чехов.

Я слушал эти остроты провинциальных эстрад и рассматривал город, по которому колесил автобус. Мы плыли в потоке автомашин. Среди них не было размалеванных ни огненно-красным, ни ядовито-зеленым, ни апельсиново-желтым, как, скажем, в Стамбуле. Сплошь серые, окрашенные сепией, такие же белесые, как весь город. И костюмы, одежды прохожих на тротуарах белые, серые, разных тонов сепии. Нигде ничего кричащего, никаких следов или ростков модерна. У народа Греции большой природный вкус, спасающий его душу от порабощения иноземной «модой»; народ в массе хотя и беден, но не падок на крикливую американскую дешевку, и совсем не он поставил памятник бывшему президенту США Гарри Трумэну, послевоенным займом в миллионы долларов, как стенобойной машиной, проломившему в Грецию дорогу военным флотам и нейлоновому ширпотребу. Один из деятелей греческой культуры, Маркос Авгерис, после антидемократического дворцового переворота в 1965 году сказал так:

— Военная хунта — это «позолоченный» штык Америки. Пустив в ход золото, Америка всюду создает свою пятую колонну, всюду у нее есть свои ставленники. Из американского золота была скована хунта в Доминиканской республике. Одним из звеньев этой «золотой» цепи является и греческая хунта.

Очень точно сказано. Вызолоченный американским золотом штык верой и правдой служит империализму. Операция переворота в 1965 году, носившая многозначительное название «Цербер», была осуществлена, как потом стало известно, по разработке американских секретных служб. Реакционные газеты вопили тогда о том, что-де в армии Греции назревал революционный заговор против короля, что главным заговорщиком был не кто иной, как сын тогдашнего премьер-министра Папандреу. На самом же деле это было надобно Соединенным Штатам, дабы решительно покончить с излишней, по их мнению, демократизацией жизни в стране, которую в какой-то мере осуществляло правительство Папандреу.

События развернулись по весьма шаблонному сценарию. К берегам Греции двинулись корабли 6-го американского военного флота, постоянно рыскающего в водах Средиземноморья, в карманы главарей хунты, на текущие счета греческих воротил потекли зеленые долларовые бумажки. Король, почуяв возможность укрепить личную власть, сместил с постов и самого Папандреу и весь его кабинет, образовал угодное ему дворцовое правительство. В стране начались волнения. Но «позолоченный» штык делал свое дело, осуществляя волю подлинных хозяев политики Греции — империалистов США.

У меня в чемодане лежали переводы тогдашних заявлений многих деятелей культуры Греции, опубликованных в специальном выпуске журнала «Эпитеориси технис».

«Примириться со свершившимся переворотом,— писал Костас Кулуфакос,— значило бы оставить всякую надежду на экономический и духовный прогресс нашей родины... Это значило бы превратить Грецию в страну наемников и лакеев, в страну, где раболепие, клевета и легко сгибающаяся спина будут лицом государства».

Герасимус Ставру заявлял: «Враги демократии — иностранные покровители реакции и дворцовой олигархии,— совершив свой противоконституционный фашистский переворот, еще раз показали, что они не только смертельно ненавидят народ, но что они недооценивают его мужество и его силу... Совершая переворот, они делали ставку на усталость народа, принесшего столько жертв, вынесшего столько битв. Но как они обманулись!.. Вместо того, чтобы посеять смятение, страх, разочарование, фашистский переворот мобилизовал весь народ, единый, верящий в свои силы, в свою правду, в свое будущее».

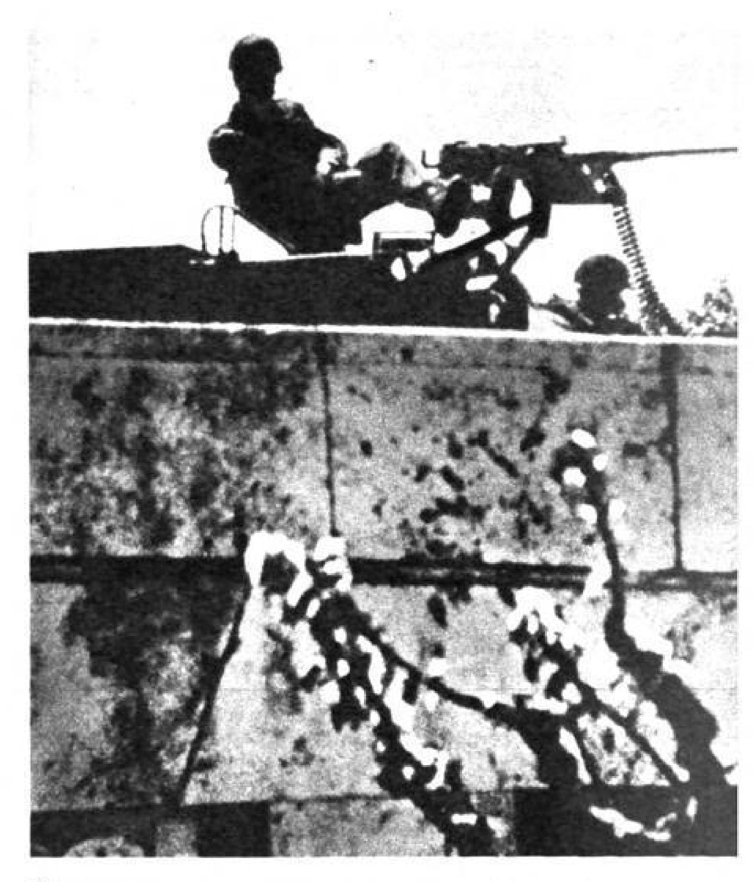
Нет, не народ, от чьего имени так мужественно выступили выразители его дум, поставил памятник Гарри Трумэну, на который почти что перекрестился наш бедняга гид, и народ не желает молиться заокеанскому богу.

3

Наш путь вел к Акрополю, к Парфенону. Все дороги в Афинах вели туда, к этой святыне Греции. Лес колонн Парфенона был виден почти со всех концов города, потому что об этом заботились издавна, и даже был издан специальный закон, по которому в Афинах запрещено строить здания выше 7—8 этажей, дабы не закрывать вид на Акрополь.

Мы с нетерпением стремились увидеть Акрополь вблизи, взойти на него. Но путь наш то и дело прерывался совершенно необходимыми остановками.

Как не взглянуть было, скажем, на излишне кудрявый по архитектуре дом, в котором на проспекте Университета жил в Афинах Генрих Шлиман, откопавший древнюю Трою и доказавший этим, что великий Гомер был не мифотворцем, не только художником слова, а еще и историком и летописцем! И как было не посетить национальный Археологический музей на улице Патисион, где в зале, называемом Микенским, собраны бесчисленные и драгоценнейшие находки, сделанные Шлиманом в Греции! Иностранца Шлимана почитают в стране, пожалуй что как многих своих, национальных, греческих знаменитостей. И, конечно же, он достоин этого, как всякий одержимый идеей поиска, идеей открытий, идеей движения — в общественной ли жизни, в науке, в технике, в искусствах. Человечество, как известно, идет вперед благодаря одержимым, а вовсе не тем, которые обществу, науке, государству отдавали во все века и отдают ныне лишь время, определяемое трудовым днем. Одержимые,

Пулемет на подступах к парламенту в Афинах. Он охраняет «демократию полковников».

то есть убежденные, прорывают броню рутины, привычного, устоявшегося, уложенного в рамки благоразумия. Долгими веками, даже тысячелетиями Троя квалифицировалась как плод творческой фантазии Гомера. Собирательный образ города-государства, троянская война как продолжение политики иными средствами, троянский конь, прекрасная Елена...— чудесные, красивые мифы, гениальное перо легендарного певца!

Но вот в мозгу — со стороны поглядеть — весьма и весьма обыкновенного, «рядового» представителя рода человеческого зажглось, все разгораясь, беспокойное, неотвратимое желание нарушить благостные каноны, потревожить устоявшееся, сложившееся, такое спокойное и привычное для толкователей, компиляторов, излагателей, версификаторов, и поискать материальные истоки могучего литературного творения.

Желание выросло в одержимость, неудачи только усиливали ее, и она в конце концов привела к триумфальному успеху: гомеровская Троя была найдена, откопана, материально явилась миру из глубин тысячелетий.

Я не стану рассказывать об Археологическом музее в Афинах. Немало на разных языках издано путеводителей по его залам: в более подробных и обстоятельных из них можно найти описание чуть ли не каждого экспоната афинского музея. Несколько слов хотелось бы сказать лишь о том, с какой удивительной наглядностью по некоторым экспонатам музея прослеживается эволюция в древнем искусстве ваяния, в частности то, как ступень за ступенью под руками мастеров Эллады оживали скульптурные изображения человека.

Первые такие изображения, относящиеся еще ко временам до «Золотого», перикллова века, были, как известно, отнюдь не из мрамора, а из дерева. Это были статичные деревянные люди, мужчины и женщины: ноги поставлены параллельно одна другой, руки вдоль туловищ, на лицах однообразное, ни о каком внутреннем мире не говорящее выражение, точнее, даже и не выражение, а просто анатомия лица, маска. И вот видишь, как спустя век, может быть, полтора-два, нога деревянного человека слегка двинулась вперед, чуть согнулась в локте рука, как дрогнули уголки рта и от этого по деревянному лицу пошло подобие улыбки. Деревяшка вдруг перестала

быть деревяшкой, она превратилась в произведение искусства. Идешь по залу и видишь, как все энергичней двигались вырезанные, вылепленные, вырубленные тела людей под руками мастеров — долго еще деревянные, затем из слоновой кости и золота и уж многие времена спустя повторяемые в мраморе.

Когда перед тобой, собранные под одной кровлей в их материализованном виде, представлены этапы этого многовекового художнического поиска, нельзя не подумать о том, насколько важно на этом пути не разрушение достигнутого, не отказ от найденного и открытого предыдущими поколениями искателей, а изучение его, обдумывание, осторожное удаление сыгравшего свою роль, сделавшего свое дело и бережное, любовное освоение нового, прорастающего сквозь старое, как сквозь удобрительный, питательный культурный слой почвы искусства.

Высшим, выстраданным достижением русской дореволюционной, да, впрочем, и мировой литературы был реализм. Расцвет советской литературы после Октября объясняется не тем, что пошла она по какой-то иной, до того неведомой дороге, а именно тем, что не отказалась от реализма, положила его в свою основу, обогатив, осветив реализм светом идей строительства социалистического общества. Такую дорогу выбрало себе большинство советских писателей, всем сердцем принявших революцию и идею служения народу. Было, конечно, возле них, вокруг них и немало крикливых «новаторов», которые жаждали рушить, ломать все «старое», насаждать только «новое»-«новое». Новым же им виделись лишь их собственные личности и все то, что в ярмарочной суете так называемого новаторства они «выдавали на-гора́». Прошло время, созданное первыми живет, не старея и сегодня, составляя золотой фонд советской литературы. Творения литературных изобретателей в лучшем случае лишь поминаются в учебниках да в специальных работах. А большинство из них давным-давно ушло в макулатуру. Прекрасны свежие, молодые побеги дерева, ярки, крупны на них листья, душисты цветы, но держатся-то они на более прочных разветвлениях ствола, а те, в свою очередь, на самом стволе, а ствол, опять же в свою очередь, уходит глубоко корнями в почву.

Танки на улицах — лицо греческой столицы после апрельского переворота 1967 года.

Вот здесь, в Археологическом музее Афин, видишь и молодые ветви древнего греческого искусства, пышно расцветшего в «золотом» веке,— все эти прославленные шедевры из мрамора, известные людям всего мира, и его корни — первые изображения человека, делающие первый шаг, освещенные первой улыбкой. Француз Роден мог придавать телам мужчины и женщины такие полные динамики, невообразимые положения лишь потому, что где-то далеко от Парижа, в Греции, некто, ныне безымянный, три или четыре тысячи лет назад согнул в колене деревянную ногу человека.

4

И вот наконец Акрополь.

Пока помощница нашего гида, собрав туристов под сенью гигантских колонн Пропилей и устремляя палец то прямо на восток, то на северо-восток, то южнее, рассказывала об ареопаге, который заседал на склоне «того вон холма, видите камни террасами?» и судил такую-то за убийство мужа, а такого-то за убийство матери, а в конце же концов вынес и смертный приговор Сократу, заточенному и ожидавшему смерти «вон там, среди той зелени, в пещере», можно было без спешки посмотреть сверху на крыши окружившей Акрополь столицы Греции. Впечатление создавалось странное: будто бы перед тобой лежал город, только что переживший жестокую бомбардировку. Казалось, что там, под обрывом Акрополя и вплоть до окрестных желто-лиловых, обожженных солнцем холмов, стоят лишь коробки зданий. Получалось это потому, должно быть, что над зданиями афинских домов нет привычных нам крыш. Присматриваешься и видишь: на плоские кровли, по сути дела, подняты, перенесены дворы. По кровлям ходят как по дворам, что-то делают, на кровлях развешано белье, под полотняными тентами раскинулись на этих крышах кафе и рестораны. Дворов меж домами, как мы их понимаем, нет; нет, следовательно, и свободной, незанятой земли, поэтому нигде не видно и зелени: ей просто негде расти. Вид города, будто бы разбитого артиллерией или авиацией, мертвого, непривычен, даже, я бы сказал, страшен по первому взгляду. Но всмотришься повнимательней и начинаешь понимать и его особую живописность. Цвета все те же — не яркие, не броские: белый, сепия, серый. Весь город как бы в одной, белесой, уже виденной с теплохода в бинокль, не бьющей по глазам окраске. Лишь кое-где с акрополийской высоты рассматриваются архитектурные уродливые диссонансы — коробки безликой, современной, космополитической архитектуры, какого-нибудь зеленого или синего цветов.

Стоя в центре Парфенона, не можешь не вспомнить о тех преданиях и мифах, которыми овеяны эти места, не подумать о судьбе того, что здесь было и бесследно исчезло. По описаниям известно, что изображение богини — покровительницы Афин, созданное Фидием, вместе с другим его, тоже из слоновой кости и золота, творением — Афиной Промахос, было в эпоху Византийской империи утащено в Константинополь и там навсегда погибло, оставшись только в этих описаниях да в памяти людской.

Сколько-нибудь фундаментальное созидание на Акрополе закончилось почти две тысячи лет назад. Фидий, породивший этот единственный в истории человечества ансамбль, сообщил ему такую совершенную гармонию, что кто бы тут ни хозяйничал в последующие века и тысячелетия, не набрался отваги перекроить что-либо коренным образом, перепланировать, всунуть меж бессмертными памятниками новое какое-либо сооружение, современное, инородное. Руки не поднимались ни у кого. А приходили сюда и персы, и римляне, и крестоносцы-паладины, и турки...

Все они лишь приспосабливали существующее для своих завоевательских нужд. Одни, например, превратили Парфенон в церковь святой Марии, другие — в церковь святой Софии, третьи переоборудовали Пропилеи в герцогский дворец, четвертые вновь взялись за Парфенон и превратили его в мечеть, в Пропилеях разместили пороховые склады, а в Эрехтейоне устроили гарем. Но все эти кощунства не изменяли главного, творились в пределах временного, поверхностного, преходящего. Люди иной психологии, иной идеологии, всего иного строя жизни, готовые, казалось бы, рушить и крушить созданное их противниками, они вместе с тем цепенели перед совершенными творениями гениев чужого народа, перед перспективой на веки вечные прослыть по меньшей мере кретинами.

Помощница гида, заговорщически оглядываясь, подбирает с земли мелкие кусочки мрамора и так же заговорщически предлагает желающим: «Можете взять на память, пока никто не видит. Такого мрамора нигде в мире больше нет».

В самом деле, если зажать здешний мраморный осколок в руке и смотреть сквозь него на солнце, он просвечивает. Но знатоки утверждают, что эти осколки отнюдь не от колонн Парфенона. По утрам, утверждают они, сюда их завозят из каменоломен на грузовиках и разбрасывают по всей территории Акрополя — специально для любителей подобного рода сувениров. Иначе здесь давно не осталось бы не только сохранившихся от взрывов колонн Парфенона — вообще бы ни пылинки. Хотя, если говорить честно, все, что можно было отсюда утащить, находчивые люди уже давно утащили.

Мне приходилось бывать в Британском музее в Лондоне. Меня поражали залы, в которых представлены произведения искусств Древней Греции. В других музеях мира какие-нибудь две-три античные амфоры — предмет особой гордости, ценность неоценимая. А в Британском музее они стоят на стеллажах сотнями, будто бы там оптовый склад гончарных изделий. Там же — гигантские, многотонные камни с рельефными изображениями людей и коней, богов и богинь. Конечно же, такое добро найдено и добыто не в земных недрах старой доброй Англии, владычицы морей, империи торгашей и пиратов. Множество их сопровождено надписями, из которых следует, что они раздобыты для музея лордом Эльджином — послом Великобритании, пребывавшим в Афинах на стыке XVIII и XIX веков, при турках.

Бродя по залам музея в Лондоне, я не предполагал тогда, что окажусь со временем и там, откуда весьма-таки хозяйственный лорд уволакивал не принадлежавшие Англии ценности. Вот восточный фронтон Парфенона с его воплощенными в скульптуре мотивами древнегреческого представления о мироздании. В углах фронтона можно видеть неплохо сохранившиеся изображения конских голов — это головы коней Гелиоса; хорошо видна и фигура молодого отдыхающего охотника.

— Прекрасно сохранились! — говорит о них кто-то.

— В Британском музее,— отвечает помощница гида.—Перед вами здесь лишь слепки с того, что увез господин Эльджин. Турки, которые не слишком-то пеклись о сохранении национальных богатств греков, охотно разрешили ему увезти несколько обломков плит с надписями и камней с фигурами. Но лорд был «верным сыном своей страны» и погрузил на корабли более полусотни плит фриза Парфенона, дюжину фигур с его фронтона и множество иных сокровищ Акрополя. Даже... взгляните вон туда, в сторону Эрехтейона... видите там портик с шестью кариатидами?.. Так вот, английский дипломат утащил даже одну из этих кариатид. Вторую слева. На ее месте стоит копия.

5

Близ Эрехтейона с его портиком, поддерживаемым шестью знаменитыми корами, возле фундаментов какого-то зданьица начинается крутая каменная лестница, уходящая куда-то вниз, в неведомые потемки. Археологами установлено, что в незапамятные века этот ход вел к пещере с источником питьевой воды. Потом здесь с ходом веков накопились горы мусора, и спасительный ход был заброшен. Проходимой, и то с трудом, была лишь та его часть, которая вела не в глубь скалы, к источнику, а к пещере Аглавры, в северном обрыве Акрополя.

Когда 27 апреля 1941 года гитлеровские войска вступили в Афины, немцы первым делом подняли над Акрополем громадный флаг со свастикой. Он был установлен, рассказывают, именно здесь, на площадке Бельведера, и, по-

добно Парфенону, был виден из всех частей города. Где бы ни был афинянин, он, оглянувшись на Акрополь, неизменно видел это чужеземное, устрашающее полотнище с фашистским пауком.

Но уже 31 мая, ранним утром, горожане с величайшей радостью убедились в том, что на их Акрополе чужой черной свастики нет. Исчезла! Спустя какое-то время стало известно, что флаг гитлеровцев был сорван молодым греческим патриотом студентом Манолисом Глезосом, вместе со своим товарищем Лакисом Сантасом ночью, с великими трудностями пробравшимися древним ходом на Акрополь к флагштоку.

Акрополь стоит по-прежнему, площадка Бельведера с широким обзором Афин существует, флагшток есть — вот он. Но гитлеровского флага на нем нет. Проходящее и преходящее, как ему и определено, миновало, тысячелетнее, принадлежащее гению греческого народа, продолжает жить, нетленно движась сквозь времена.

6

Трудно сказать, кто причинил больший ущерб Акрополю: какие-нибудь персы, или турки, или же англичане типа лорда Эльджина.

Что же касается американцев, то двух мнений нет. Древние персы в сравнении с ними — невинные малютки, этакие шалуны: пограбили, да и ушли.

Наш гид говорил возле прижизненного памятника Гарри Трумэну о том, что после войны США предоставили Греции огромнейший заем в долларах, но что Греция, дескать, надеется не возвращать эти кабальные деньги.

Так в стране думает, видимо, не он один. И напрасно. В отличие от персов американцы уступать позиции здесь не собираются. Каждый доллар должен давать проценты. Не зря же на внешнем рейде Пирея дымят боевые корабли 6-го военно-морского флота Соединенных Штатов. Заокеанские надсмотрщики с корабельных мостиков зорко присматривают в подзорные трубы за своими невольниками из НАТО. Доллары, эти зеленые бумажки, олицетворяющие собою золото, проникают во все поры тела Греции, ее экономики, всей ее жизни. Неотвратимо, последовательно, как метастазы рака.

Вот Проспект королевы Софии — бабки нынешнего короля Греции и родной сестры германского кайзера Вильгельма. На проспекте расположены два весьма примечательного вида здания. Первое — это здание посольства США; шумное, горластое великолепие: мрамор и стекло. Огромный дом. Всем своим видом он должен впечатлять, подавлять, внушать почтение и уважение к стране, которая его тут воздвигла.

Второе же здание — отель «Хилтон». Вопреки закону о том, что выше семи-восьми этажей дома в Афинах строить нельзя, дабы не заслонять вид на Акрополь, отель «Хилтон» имеет двенадцать этажей. Со многих точек города люди видят уже не Акрополь, а именно его — этот «Хилтон», занявший почти целый квартал на Проспекте королевы Софии.

Чего только нет в этом сверхсовременном пристанище для путешествующих сверхбогачей! Фирма на затраты не поскупилась. Всюду мрамор, мрамор и мрамор. Десятков цветов и рисунков. И черный, и зеленый, и розовый, и коричневый, и желтый, и лиловый... Во всевозможных сочетаниях, во всевозможных оттенках. Им — черным — выложены полы обширнейших холлов, им — зеленым и розовым — облицованы стены, из него — разных иных цветов — сложены лестницы, им обнесены бассейны с водой.

Минуя залы для заседаний и совещаний — кого с кем? — проходя мимо баров и киосков со сверхдорогими товарами, спускаемся в цоколь здания. Там расположена стилизованная таверна, в которой густо, всезаглушающе пахнет жареной рыбой. «Здесь все, как на островах»,— говорят нам, и легковерный может подумать, что на островах, тех островках в море, на которых жителей изнуряют бедность и нищета, люди ходят вот в таких живописных одеждах, как эти кельнеры и официанты, что к каждому из островитян подвозят такую вот тележку с живой рыбой и тут же на жаровне, при нем, на его глазах приготовляют любым желаемым способом.

В другой части здания — «Византийская таверна». Там тяжелая бронза «под золото» сочетается с цветным стеклом. Богато, ослепляюще. Византия! Мать-старина!

На крыше зато вы найдете пресовременнейший ночной клуб.

«Тут можно,— объясняют нам,— вести себя более безобразно, чем в других ресторанах и кофейных залах отеля».

Есть в «Хилтоне» и чайный зал. «Чай у нас предмет роскоши. Мы пьем кофе. Но богатые англичане любят в пять часов попить чаю». «Богатые и старые»,— добавляют при этом.

Видимо, для них, богатых и старых, предусмотрен в отеле некий бодрящий элемент. Кое-где в живописной разбросанности на мягких диванах перед бассейнами «с морской водой», под сенью тропических растений в холлах парочками сидят девицы и молодые дамы, с душистыми сигаретами в пальцах и в таких туалетах, при которых все обозримо: они не только декорация, эти красотки, они готовы разделить досуг с любыми хоть старыми и даже престарыми, лишь бы те были еще и богатыми.

Перед чайным залом, на одной из мраморных стен, помещен портрет (вполне реалистический, никаких абстракций) человека с лицом заурядного конторщика: мелкие черты, ничего не выражающие глазки, прилизанная прическа. На раме надпись: «Конрад Хилтон. Основатель и президент международной хилтоновской компании».

В 1960 году гостиничный «президент» специально прилетал из-за океана на открытие этого отеля по приглашению тех греков, которые приобрели право пользоваться его маркой. Как рассказывают, он был чертовски доволен сооружением. «Мрамор!» — восклицал он на каждом шагу. Хозяин одной из разветвленных мировых гостиничных компаний, богач первой руки, изумлялся тем природным богатствам, какими располагает Греция. Во множестве стран стоят гигантские отели «Хилтон», но вряд ли среди них найдется еще один такой, который вобрал бы в себя так много натурального мрамора. В тех, иных отелях тоже, конечно, мрамор, там тоже шик, блеск и дороговизна. Но... натуральная там только она, непомерная дороговизна, а мрамор и весь остальной шик синтетические.

«Хилтон» заслонил собою Акрополь. С крыш, с террас ночного клуба можно с пренебрежением взирать на Парфенон почти сверху вниз, отсюда можно видеть совсем близкое море, можно плевать на любую из афинских крыш и на голову любого афинянина. И отсюда с особой отчетливостью видно, насколько наивно было бы думать, будто бы американский заем можно не возвращать. Вот проценты на него! Они растут и будут расти, и ни один цент не окажется выброшенным на ветер. Во всяком случае, этого хотят заимодатели.

Через год, когда одной апрельской ночью двадцать офицеров со 150 танками и тремя тысячами солдат, скрупулезно осуществляя план выработанной за рубежами операции «Прометей», в течение двух часов захватят власть в стране, дабы покончить с последними остатками демократических свобод и установить предельно жестокую диктатуру фашистского толка, это станет очевидно даже и тем, кто еще сомневался в истинных целях американских долларовых подачек. Чуть ли не назавтра после апрельского переворота 1967 года государственный секретарь США Дин Раск с привычным лицемерием заявит: «Сейчас мы ждем конкретных свидетельств того, что новое греческое правительство сделает все возможное для восстановления демократических институтов, бывших неотъемлемой частью греческой жизни». А Пентагон параллельно с этим заявлением отдаст распоряжение еще новым кораблям 6-го флота войти в греческие воды возле Пирея, встать так, чтобы их было видно и с крыши отеля «Хилтон» и с Акрополя — отовсюду.

Но это будет еще через год, точнее, через одиннадцать месяцев. А пока надо было еще разок взглянуть на Афины, на этот живописный и многострадальный город, где памятникам живется несравненно лучше, чем людям, и возвращаться на наш теплоход, чтобы продолжать путь на Запад.

К семидесятилетию со дня рождения Маршала Советского Союза М. В. Захарова

ВСЕГДА В СТРОЮ

Залпы трехсот двадцати четырех орудий гремели над Москвой, салютуя победоносным войскам 2-го Украинского фронта. Весной 1944 года, несмотря на распутицу и бездорожье, они разгромили противника и, форсировав крупные реки Буг и Днестр, первыми за время Великой Отечественной войны вышли к государственной границе Советского Союза. Эта блестящая операция была разработана штабом фронта, которым руководил генерал Матвей Васильевич Захаров.

После победы над фашистской Германией генерал М. В. Захаров назначается на должность начальника штаба Забайкальского фронта. Войска этого фронта сыграли решающую роль в ликвидации более чем миллионной Квантунской армии. Они нанесли удар по самым важным стратегическим пунктам японцев — Чанчуню, Мукдену, Порт-Артуру, западному берегу Ляодунского полуострова.

В течение десяти дней, с 9 по 18 августа, войска Забайкальского фронта, уничтожив части прикрытия противника, преодолели пустынную местность и казавшийся неприступным Большой Хинган, продвинулись от 600 до 800 километров и вышли к административным и промышленным центрам Маньчжурии. Наступление проходило в обстановке упорного сопротивления врага. К этому следует добавить непогоду. Проливные дожди затопили низины, сделали местность труднопроходимой. Реки вышли из берегов, а их надо было форсировать. Но, несмотря на это, воины-забайкальцы блестяще справились со своими задачами.

Матвей Васильевич Захаров — в прошлом питерский рабочий. На заводе «Сименс и Гальске» он вступил в Красную гвардию, участвовал в штурме Зимнего дворца, сражался с казачьей конницей, рвавшейся к революционному Петрограду. Мужество девятнадцатилетнего красногвардейца явилось своего рода рекомендацией в ленинскую партию, в ряды которой заводская ячейка единодушно приняла его вскоре после первого боевого крещения.

С тех пор жизнь Матвея Васильевича была неразрывно связана с военной службой. В 1918 году он окончил артиллерийские командные курсы и отбыл на Южный фронт. Командовал батареей, потом артиллерийским дивизионом. После окончания гражданской войны опять учился. Окончил академию имени М. В. Фрунзе, а затем поступил в только что открывшуюся академию Генерального штаба.

Вспоминая о начальном периоде деятельности Академии Генерального штаба, генерал-лейтенант профессор А. И. Готовцев назвал имена многих слушателей первого набора, в том числе и М. В. Захарова, внесших большой вклад в создание теории оперативного искусства. «Они пришли в академию из высших штабов,— писал он,— где имели возможность на практике прорабатывать вопросы оперативного искусства под руководством таких опытных военачальников, как Б. М. Шапошников, М. Н. Тухачевский, И. П. Уборевич, И. Э. Якир. Эти слушатели принимали живейшее участие в работе кафедр, особенно в разработке оперативных задач и в проведении методических совещаний».

М. В. Захаров — автор ряда трудов по самым различным актуальным вопросам военного дела. Он соавтор книг по истории Великой Отечественной войны: «Ясско-Кишиневские Канны», «Будапешт — Вена — Прага», «Финал»...

За более чем полувековую службу в Вооруженных Силах Матвей Васильевич прошел славный путь от солдата до Маршала Советского Союза, начальника Генерального штаба и первого заместителя Министра обороны СССР.

Полковник И. АГИБАЛОВ

ПРЕДОСТЕРЕЖЕНИЕ ОТ... ИДЕИ!

Полемические заметки

Д. АВРОВ

С интересом взял я в руки книгу критика В. Кардина «Достоинство искусства. Раздумья о театре и кинематографе наших дней»[1], выпущенную издательством «Искусство».

На первой же странице автор сообщил нам, что «не стремится выносить безапелляционные приговоры». Он предполагает полемику, уповая «на старинную мудрость: в спорах рождается истина».

В тесных пределах первых двух страниц своей книги автор все снова и снова говорит, что она полемична, что «споры неизбежны».

— Ну что ж! Тем лучше...

Рассматривая в главе «Дети пятьдесят шестого» такое конкретное явление искусства, как творчество театра «Современник», В. Кардин, однако, уже отступает от решения: не выносить «безапелляционные приговоры». Обещание это было дано на бумаге. А что получилось на деле?..

Получилось, скажем прямо, нечто странное. Даже несуразное!..

Словно на советской земле и не было ни одного театрального коллектива до появления «Современника» — так пишет В. Кардин об этом театре, в спектаклях которого якобы «выразила себя объективная потребность времени, искусства и истосковавшихся по нему людей» (!!!).

Вот в таком «ключе», на таком «пафосе», который заставляет вспомнить музыкальные советы Ильфа и Петрова: играть громко, как только возможно, а дальше все-таки играть еще громче! — пишет В. Кардин, «играя» все «громче» от страницы к странице.

Особенно упивается В. Кардин воспоминаниями о рождении «Современника», которое, как пишет он, было вызвано «инициативой снизу». А такая инициатива будто бы «отнюдь не всегда и не сразу получает поддержку сверху...».

Формулируя творческое кредо «Современника», В. Кардин характеризует его как некую «сплачивающую силу отталкивания».

В чем же она выражалась? От чего «отталкивался» театр? А вот послушайте: «мы не хотим ставить инсценированные передовые статьи (!), пьесы, единственное достоинство которых — лауреатские значки авторов, не хотим пережевывать уже пережеванное; мы уважаем наших учителей, но не хотим их копировать, не хотим диктатуры в коллективе, поблажек одним и дискриминации других».

Позвольте, скажет читатель, не может быть, чтобы серьезное издательство опубликовало подобную чепуху!.. Тогда сами откройте весьма изящно и заботливо изданный томик на странице 18. Прочтите эти «воззвания», излагаемые В. Кардиным от имени театра. Но и от своего собственного имени он произносит более чем достаточное количество весьма спорных истин. В частности, когда указывает на главную «действительную линию» театра. И главного драматурга, А. Володина, «который помогает вести эту линию».

Это «один из тех, кто помог театру обрести тему и найти верный тон для откровенного разговора со зрителем».

Безоговорочное, лишенное чувства элементарной творческой меры восхваление одного театра заставляет В. Кардина с той же страстью сокрушать многие другие театры и, разумеется, многих других драматургов. Читая главу «По обе стороны рампы», словно слышишь лихой посвист критической дубинки, забытой уже читателем. Старательно размахивая этой дубинкой во все стороны, В. Кардин беспощадно крушит Саратовский драматический театр имени К. Маркса за спектакль М. Маклярского и Д. Холендро «Несчастный случай». Но особенно достается театру за пьесы Е. Бондаревой «Хрустальный ключ» и «Соперницы».

Пишет об этих пьесах В. Кардин уничижительно, хлестко, не стесняясь в выражениях, движимый намерением начисто уничтожить «сценическую провинцию». Причем отнюдь не только в Саратове!

«Провинциальность в искусстве — понятие не территориальное, для знакомства с ним не обязательно выезжать из Москвы!» — заявляет В. Кардин. Но на всякий случай спешит «добить» пьесы Бондаревой, где идея «умещается в газетной шапке, людские судьбы — в ординарном сюжете».

Я знаю Е. Бондареву по Владивостоку. О ней можно сказать, что это человек, несомненно, одаренный. ...Во что же превращены ее творения усилиями В. Кардина?!.

Недостатки «Хрустального ключа» критик раздувает и подчеркивает всеми способами. Не без ехидства цитирует «куплеты про Яшу», словно не замечая, что ведь и сами-то пограничники относятся к ним с улыбкой... В. Кардину важно доказать, что пьеса про «шпиёнов» написана на потребу некой саратовской обывательницы Таисии Михайловны; этот собирательный, сатирический образ волею критика должен стать символом поверхностных, неразборчивых вкусов и суждений о театре. Символом зрителя, признающего на сцене, как пишет В. Кардин, «лишь мещанский быт, мещанские выдумки».

В. Кардин забрасывает камнями все постановки саратовцев: тут и «Забытый друг» А. Салынского и «Кремлевские куранты» Н. Погодина! «Натуралистическая имитация огня и дыма» — вот оценка погодинского спектакля!..

И все это охаивание, эта размашистая «рубка сплеча» нужны В. Кардину для того, чтобы, решительно перечеркнув и уничтожив «прошлое» на сцене, рекомендовать театральному искусству некие новые ориентиры.

Рассмотрев весьма благожелательно несколько спектаклей на сцене Саратовского ТЮЗа, В. Кардин с полным удовлетворением заявляет, что коллектив в своих репертуарных поисках «рано или поздно должен был (!) прийти к А. Володину» (!). Этот «приход» рассмотрен критиком как огромное достижение: он «во благо нашему искусству», в нем «добрые веяния сегодняшнего дня».

Ну, так чего же еще желать?..

Однако В. Кардин желает многого! Все советские театры он хотел бы переключить на постановку пьес А. Володина, решительно зачеркивая во имя этого чуть ли не всю советскую драматургию как «вчерашнюю», «опровергнутую временем». В главе, которая так и называется — «Опровергнуто временем»,— упоминаются имена советских писателей Н. Погодина, А. Корнейчука, А. Штейна, В. Кочетова, А. Первенцева и другие.

Чем же недоволен В. Кардин? Что ему тут не нравится? Да все! «Видимость» характеров, «видимость» злободневности!..

В. Кардин и некоторые другие его единомышленники (например, М. Иофьев, А. Свободин) считают драматургию А. Володина тем «направлением», во имя которого и отвергаются все пьесы недавнего прошлого!

Думается, здесь налицо тот опасный перегиб, который уже привел к затормаживанию героической темы в искусстве театра и кино.

Как началось это затормаживание? Давайте вспомним.

В последнее десятилетие у нас стала очень популярна гитара. Тихая, раздумчивая, она на какое-то время не то что «сменила» медь фанфар, но внесла новую, дополнительную ноту в звучание жизни... Пожалуй, столь же закономерным было появление и негромкой драматургии А. Володина с его преувеличенным вниманием к человеку «маленькому», «неприметному».

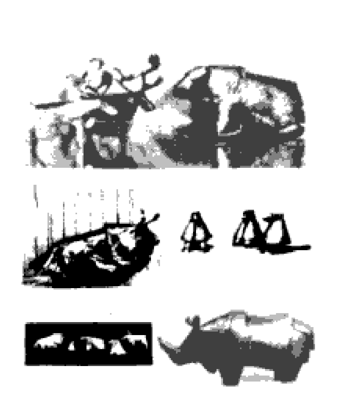
Можно было принять такие пьесы — наряду с другими и о другом? Наверное, можно.

Но вот беда, вокруг володинских пьес, да и других, похожих, началась вдруг вовсе не понятная шумиха! Послышались чрезмерные, явно преувеличенные восхваления.

Сторонники драматургии А. Володина, так же как В. Кардин, не признают пьес, написанных в иной манере, другими авторами... И в этом нет ничего удивительного! Есть же люди, которые во имя «душещипательного» гитарного перебора отвергают, скажем, симфоническую музыку.

Но не ясно ли, что большие, дей-

[1] В. Кардин «Достоинство искусства. Раздумья о театре и кинематографе наших дней». Москва. Издательство «Искусство». 1967.

НЕОБЫЧНЫЕ СКУЛЬПТУРЫ

Все возникло из листа бумаги! Из плотного ватмана художник Вадим Трофимов кроит убедительный, похожий и вместе с тем условный образ. Здесь задумчивый олень и мощный носорог, великолепный флегматичный як и потешные гамадрилы...

Почему художнику пришла мысль взять исходным материалом бумагу? Очевидно, простота техники. Бумага легко поддается обработке: ее легко резать, легко гнуть. Но бумага ограничивает возможности более богатого пластического решения. Именно поэтому художник приходит к мысли транспонировать бумажные модели в металл. Листовой металл также режется и гнется, но в процессе работы его поверхность обогащается чеканкой и другими характерными для этой техники приемами. Сам материал, техника изготовления фигурок зверей, фактура металла, его цвет подсказали художнику ту меру стилизации, которая превратила выкройки в привлекательные декоративные фигурки. В них есть убедительность при всей условности.

Художнику Трофимову чужда стилизация ради стилизации, он рисует и лепит, а теперь и вырезает, зверей с чувством вкуса, такта, часто с улыбкой, всегда с артистизмом, в основе которого лежит точное знание природы изображаемого животного, его повадок, особенности его анатомии. Зверей Трофимова легко узнать: будь то рисунки для книги, повествующей о зверях, будь то эстампные листы,— они всегда живые, но и декоративные.

Э. РИНЧИНО

ствительно нужные народу темы способна решать только драматургия крупная, масштабная.

А это как раз те самые пьесы, где говорится о том, чего не приемлет В. Кардин: о сильных чувствах, высоких идеях! Такая драматургия и находилась на главной магистрали нашего театрального искусства; к ней стремились авторы многих произведений, лихо «свергнутых» критиком, тогда как пьесы и сценарии А. Володина — всего лишь боковая тропинка на путях развития нашего театра и кино.

В. Кардин вовсе не случайно стал таким ярым пропагандистом творчества А. Володина. Их сблизили «идейные» позиции. Да и не только их двоих.

Если продраться сквозь заросли «научности», характеризующей книгу Б. Рунина «Вечный поиск», где автор рассматривает проблемы специфики искусства, литературы и их познавательную сущность, то можно понять (не без труда!), что Б. Рунин склоняется к некой бессознательной функции таланта.

Что же касается идеи художественного произведения, то автор считает, что исходный момент творчества — это реальные впечатления жизни в «СТОЛКНОВЕНИИ С ИДЕЙНОСТЬЮ художника, с его мировоззрением, со всей системой его сложившихся взглядов, со всем комплексом его убеждений».

Почему идейность «сталкивается» с реальными впечатлениями жизни художника, одному богу известно! Но, словно перекликаясь с Б. Руниным, А. Володин в «Оптимистических записках» пишет о роли идейности в познании жизни средствами искусства почти то же самое. «Я пришел к выводу, что желательно не притягиваться к колышку идей, вбитому вдали, а отталкиваться от сложившегося в пьесе положения, писать лишь то, что вытекает из этого само собой, закономерно...»

В новой своей книге В. Кардин старательно «предостерегает» драматургов от идеи, говоря, что «...когда идея, пусть самая актуальная, становится чем-то вроде шор, заслоняющих полную борений и противоречий жизнь, получается плохо...»

Но уж никак не может передовая идея стать «шорами» в творчестве художника! И напрасно В. Кардин и иже с ним пытаются принижать роль идейности, роль мировоззрения в жизни театра и кино! Эти попытки обречены на неудачу!

Конечно, В. Кардину и другим критикам подобного толка могло показаться, что время раздражающей их героики вообще миновало. Что назначением искусства теперь стало нарочито прозаическое фиксирование повседневности, «будней» жизни, «интересов» маленьких людей, их узких, крошечных волнений. Что поэтизация нашей действительности — подвигов народа в боях и труде — ушла в невозвратное прошлое...

Призывая всю современную драматургию подражать творческой практике А. Володина — с его бравадой скептицизмом, критики вроде В. Кардина, Б. Рунина, А. Свободина и других все больше упирают на некие «гражданственные поиски» в изображении действительности.

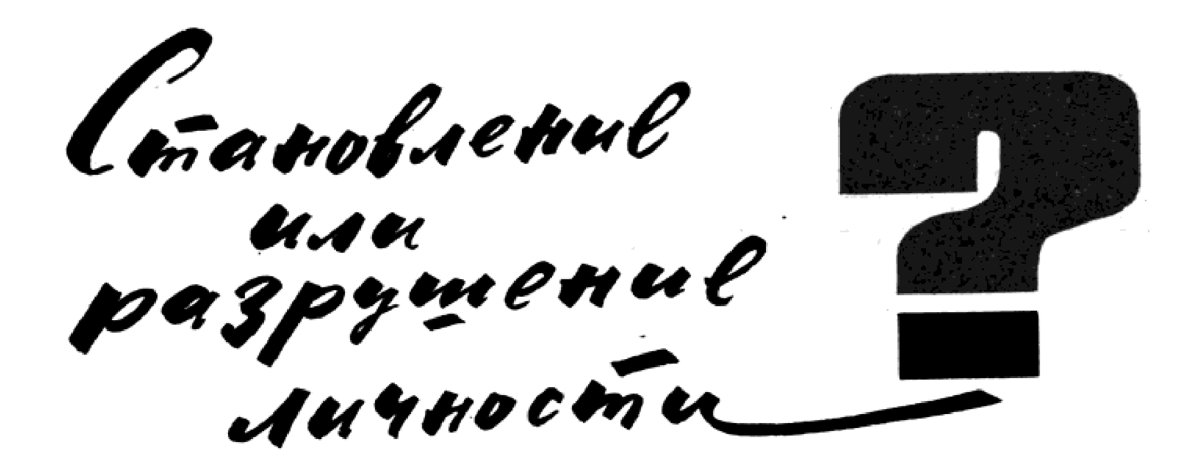
При этом они начисто забывают о трех китах, на которых зиждется советское искусство: об идейности, партийности, народности. Запамятовали они о святой обязанности художников и идеологов: заботиться о воспитании народа в духе патриотизма, коммунистической идейности. Но жизнь-то как нельзя более убедительно доказывает, что без передового мировоззрения даже свое собственное время понять нельзя! И тысячу раз прав был великий русский физиолог И. П. Павлов, замечая: когда в мыслях нет идеи — глаза не видят фактов. Разумеется, речь идет о таких фактах, как их понимал В. И. Ленин: «...в их ЦЕЛОМ и в их СВЯЗИ...»

Вообразив, что борется за «демократизм творчества», В. Кардин вместе со своими единомышленниками повторяет зады декадентщины, имевшей хождение еще в дореволюционное время и тоже не без кокетства утверждавшей, что она отвергает произведения, которые пишутся для мысли, для идеи...

С такой «театроведческой» позицией невозможно согласиться. Да и мириться тоже нельзя.

Ленинград.

Письмо в редакцию

УВАЖАЕМЫЕ ТОВАРИЩИ!

Я решила поделиться своими раздумьями о фильме «Три дня Виктора Чернышева».

Фильм вышел на экраны. Я внимательно следила за откликами. Много справедливых упреков было высказано в адрес авторов фильма и режиссера. Но все упреки, на мой взгляд, были слишком «приглажены». Окутаны этаким стыдливым сомнением в их правоте. Я же хочу сказать прямо. На мой взгляд фильм этот не что иное, как опошление нашей жизни. Удар по самому ценному. Удар по рабочему классу.

В фильме молодой рабочий Виктор Чернышев, как бы обобщенно представляющий образ молодого человека нашего времени, показан как человек без мысли, без морали, без раздумий о добре и зле. Сознание его — чистый лист бумаги. Общество не начертало на нем добрых знаков, но оставило возможность проявиться на белом листе страшным знакам зла. Разложения.

Я не боюсь обвинений, которые могут последовать в мой адрес после такого заявления! Вся моя жизнь журналиста-писателя тесно связана с жизнью рабочего класса, крестьянства. У меня сотни писем от читателей моих книг о советских тружениках. Наконец, самые герои этих книг — живые, невыдуманные люди, поддерживают меня в правильности такого утверждения.

Давайте вместе войдем в зрительный зал и посмотрим картину.

Утро... В новой квартире завтракает московская рабочая семья. Хлебают ложками из мисок. Молчат. Наконец вопрос:

— Говорят, пиво подешевеет?

Это говорит муж сестры Виктора Чернышева. Утро заканчивается. День. Современный цех. В цехе работает Виктор, низведенный до автомата, которому подкручивают гайки. К нему подходят разные люди, подгоняют: «Давай, давай! Поезжай на картошку! Плати членские взносы! Иди на похороны старого большевика!..»

Перерыв на обед. Теперь, для разнообразия, «клубничка». Похотливый смех заводских маляров. В присутствии Виктора они цинично издеваются над комсомолкой. Виктор молчит.

После работы собрание. Внеочередное, срочное. На повестке один вопрос — поведение мастера, оскорбившего девушку. Он скрутил ей руки и вымазал лицо масляной тряпкой. В ответ девушка дала пощечину.

Вопрос большой. Поступок тревожный. Но на экране все обернулось издевательством. Мастер — наглый демагог. Секретарь комсомольской организации — краснобай, он бессилен что-либо решить. Старый коммунист — видимо, секретарь партийной организации — седой человек, вызывающий лишь жалость и смех в зрительном зале... Собрание кончается ничем: мастер вновь оскорбляет девушку, и она, закрыв лицо, в слезах убегает с собрания.

Вечер. Виктор дома, вернее, на улице, с друзьями детства, а может быть, юности. Они стоят, подпирая плечом стену, тщательно подобранные персонажи, олицетворяющие порок, тупость, равнодушие. Среди них Виктор — по внешности самый человечный: в этом, видимо, заложен смысл фильма — доказать, что герой сам по себе хороший, простой парень. А вот среда, общество, которое его окружает, разрушает личность. Представляется, что именно в этом видел свою задачу молодой режиссер Марк Осепян.

Концепция эта прозвучала из уст режиссера, с которым я беседовала после просмотра фильма. Я спросила его: где все происходит? В каком обществе? В нашем, социалистическом? Но ведь даже самые заядлые идеологические враги наши не смеют отрицать, что социализм дает возможность раскрыться человеческим талантам. Как никакой другой строй, социализм возвысил нравственное значение труда!..

Так в каком же обществе живет Виктор?

Режиссер ответил:

— Моя задача — говорить языком искусства!..

Но вернемся в зрительный зал.

Рабочие парни стоят у ворот дома, оглядывают прохожих, задирают их, издеваются над старушкой, разрабатывают гнусный план оскорбления ничего не подозревающей девушки, похабничают...

Я с напряженным вниманием слежу за поступками Виктора, героя фильма. Ведь он по воле автора и режиссера олицетворяет молодого советского рабочего, воспитанного сначала пионерской организацией, затем комсомолом, школой, рабочим коллективом завода... Каков же Виктор — молодой рабочий, строящий коммунизм?

Я жду: вступится ли Виктор за честь девушки, как сделал это мой друг, экскаваторщик Борис Коваленко? Жду, что Виктор одернет распоясавшегося хулигана, станет на пути готовящейся подлости, как молоденькая осмотрщица вагонов, когда знакомые парни во время ее дежурства хотели ограбить запломбированный вагон... Встала и с риском для жизни не пропустила их!

Но Виктор молчит. Он не вмешивается. Он наблюдает.

Я жду, что Виктор остановит товарища, ложью вымогающего у своего отца крупную сумму денег. Но Виктор молчит.

Виктор молча присутствует при издевательстве своих дружков над человеком, осмелившимся в магазине сделать им замечание. Парни оскорбляют его, отнимают у него «авоську» с продуктами, затем издевательски возвращают покупку, снисходительно похлопывая по плечу онемевшего от гнева и возмущения человека:

— ...Вот так, папаша! Следующий раз будешь воспитанней...

Виктор, посмеиваясь, уходит вместе с парнями. Но когда пришедший в себя человек бежит за хулиганами, с негодованием и ужасом крича: «...Вы, вы, как фашисты!..» Виктор вместе с «товарищами» поднимает руку на старого человека!..

Затем... ночь в камере предварительного заключения милиции. Допрос Виктора. Виктор сидит на стуле, лицом к зрителю. Теперь лицо его тупо. Режиссер достиг поставленной цели: разрушение личности «героя» закончено.

Теперь режиссер приступает ко второй задаче: показать, кто виновен в этом разрушении.

Голос следователя звучит за кадром, как голос истории:

— Ты бывал в пионерском лагере, Виктор? Играл в спектаклях? Читал стихи? Книги? Ты мечтал о чем-нибудь?..

И Виктор, все так же тупо глядя в зал, начинает «работать» на заданную режиссером тему.

В пионерском лагере был, начиная со второго класса школы. Из стихов помнит только одну строчку: «...красный галстук повязать...» В спектакле «Молодая гвардия» не хотел играть Тюленина, играл румына (?). Он ничего не читает. Он не мечтает...

— Что же дальше будет с тобой, Виктор?— спрашивает голос.

— Дальше?— переспрашивает герой.— Дальше армия.

Это апофеоз фильма.

Я сидела в темном зале, чувствуя, как краска стыда заливает мое лицо! Меня не тронула огромная, во весь экран, фотография молодой красивой матери с младенцем на руках. Я понимала, что, по мысли режиссера, она должна символизировать чистоту новорожденного — до того, как он попал под влияние нашего общества!.. Меня не волновала ни великолепная колыбельная, льющаяся в зал; ни прекрасные ночные съемки Москвы... Мне было душно, мне было стыдно, мне было тяжко. Мне казалось, что я присутствую при постыдном обмане.

Разве такова наша жизнь? Разве таков облик нашего молодого современника? И кто дал право наносить такое оскорбление советской молодежи, выставлять ее в таком диком обличье перед всем миром?.. Ведь не исключено, что именно этот фильм теперь повезут за рубеж на какой-нибудь фестиваль!

На просмотре фильма «Три дня Виктора Чернышева» в Доме кино режиссера фильма Марка Осепяна в качестве дебютанта представлял режиссер Трауберг. Представлял как молодого гения, а фильм назвал «эпохальным». Отчетливо прозвучали с трибуны и слова благодарности Марка Осепяна в адрес дипломного руководителя тов. Трауберга.

Что же побудило одного из авторов «Юности Максима», художника-певца пробуждающегося рабочего класса в годы становления Советской власти, способствовать созданию картины, главная идея которой — распад личности под влиянием советского общества?

Самое страшное для художника — тенденциозный отбор фактов, выстраивание их по порочной, заранее заданной схеме. Страшно, когда художник видит мир только через мутные очки. Когда у него нет добрых идеалов, а есть только активно действующее стремление быть «карающей десницей». Для такого художника неизбежно смещаются свет и тени. Он не видит солнца сквозь пелену серого тумана.

С уважением

Елена **МИКУЛИНА**

ВОТ ОНИ, ФИНАЛИСТЫ

Сало ФЛОР,
международный гроссмейстер,
главный арбитр финального
матча претендентов

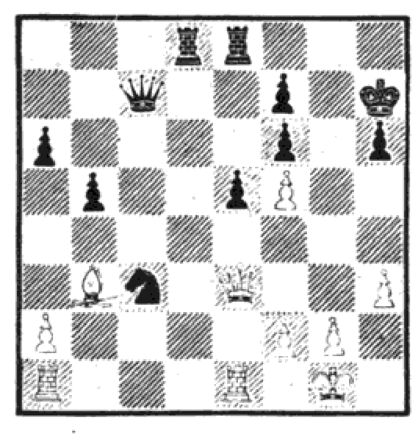
Когда М. Таль прилетел в Москву, все говорили: «Он выглядит так хорошо, как никогда». В отличной физической форме находился и В. Корчной, но за три недели они изрядно измотали друг друга.

Да, в матче Корчной — Таль шла напряженнейшая борьба с переменным успехом до самого последнего момента. И Корчной предвидел такой ход событий, хотя некоторые статистики-оптимисты ему предсказывали легкую победу, основываясь на активном счете во встречах с Талем — 9 : 1. Мало ли что было в прошлом!

Ход спортивной борьбы хорошо известен. На старте М. Таль не смог использовать два выгодных момента, затем проиграл четвертую партию (по заслугам) и вслед за ней и пятую (не по заслугам). Когда отстаешь, стремишься скорее наверстать потерянное. Таль избежал в этой встрече ничьей и... нашел проигрыш.

Случилось это так:

КОРЧНОЙ

ТАЛЬ

Из-за страха, что после 28. С : f7 Ф : f7 29. Ф : c3 партия закончится вничью, экс-чемпион мира допустил один из грубейших просчетов в своей практике. Он ошибочно сыграл:

28. Лe1 — c1?? b5—b4
29. a2—a3 e5—e4!

Этот очень сильный ход Таль совершенно не учел. Он не так уж бросается в глаза, но дело в том, что даже в варианте 29...a5 30. ab ab 31. Лa7, который считал Таль, он не прав, ибо и здесь черные выигрывают путем 31... Кe2+. Чем же объяснить то, что Таль, который способен, как счетчик, высчитывать длинные варианты, на этот раз не заметил простую вилку, шах конем? Нервы, нервы!

30. a3 : b4 Лd8—d3
31. Фe3—e1 e4—e3

Редкий случай, когда партия так быстро рассыпается.

32. Сb3 — c2 Лd3—d2
33. f2 : e3 Кc3—e2 +
34. Крg1—h1 Кe2—g3 +
35. Крh1—g1 Лd2—e2
36. Фe1—d1 Фc7—b7
37. e3—e4 Лe8 : e4

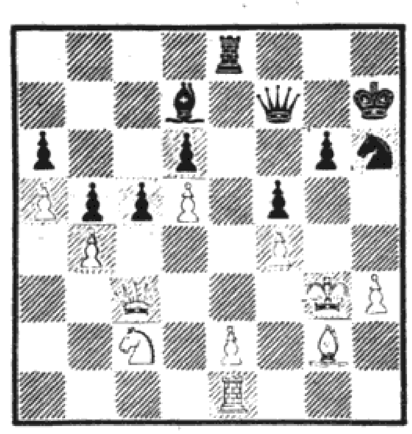
Белые сдались.

Таль считает эту партию лучшим достижением Корчного. Да, в контратаке Корчной всегда сокрушителен.

На этом спокойная жизнь для Корчного кончилась. Как раз в момент, когда казалось, что Корчной вот-вот окончательно покончит с Талем, он одним неосторожным ходом дал возможность противнику сыграть «по Талю», заварить настоящую кашу.

Разрыв всего лишь в одно очко заставил нервничать и Корчного, который понял, что Таль теперь будет играть бодрее. И действительно, в следующих партиях шел бой нервов, и все решилось в десятой партии. Корчному нужна только ничья. Но практика показывает, что даже лучшему шахматному защитнику не так-то просто делать ничью, если у противника совсем иные стремления. Позиция Корчного становилась с каждым ходом все сомнительнее и стала просто критической. Он сам после матча заявил, что за 10 ходов до откладывания считал свою позицию безнадежной. И в этот решающий момент, когда переполненному залу казалось, что придется назначить добавочное время, Таля подвели нервы. На него, вероятно, подействовали неудачи, упущенные возможности в первой и третьей партиях... Посмотрите этот эпизод:

ТАЛЬ

КОРЧНОЙ

У черных решающее позиционное преимущество. Можно играть 32... Фf8, 32...Фg7 или 32... Лc8. Но вдруг экс-чемпион мира «залепил» такой ход, который никому не пришел в голову.

32. ... g6—g5?
33. f4 : g5 Лe8—g8
34. Крg3—f2 ...

Корчной и не думает опровергать замысел противника путем 34. h4, ибо ему нужна лишь ничья, победная ничья.

34... Лg8 : g5
35. b4 : c5 d6 : c5
36. Фc3 : c5 Фf7 — h5

Черные отдали свою гордость — защищенную проходную пешку на c5, а намеченная атака запросто отбивается Корчным.

37. Фc5 — e7 + Лg5 — g7
38. Фe7 — f6 Лg7 — g6
39. Фf6 — e7 + Лg6 — g7
40. Фe7 — f6 Лg7 — f7
41. Фf6 — c3 ...

Здесь у Корчного была возможность проиграть партию в один ход, а именно путем 41. Фe5?? Кg4 +.

41... Фh5 — h4 +

Первый ход после возобновления игры. Несмотря на всю сложность позиции, чемпион мира Т. Петросян дал правильную оценку: Корчной может себя считать финалистом.

42. Фc3 — g3 Фh4 — c4
43. Фg3 — d3 Фc4 — f4 +

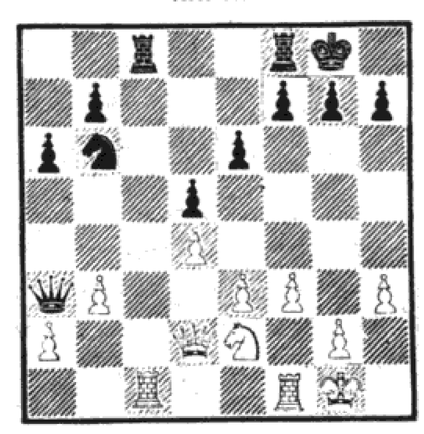
Еще 17 ходов Таль пытался запутать игру, но Корчной был начеку. На 61-м ходу Таль был вынужден согласиться на ничью, на победную для Корчного ничью.

Почти параллельно с московским матчем в Мальме игрался второй полуфинал: Б. Ларсен — Б. Спасский. Читатели «Огонька» знают, что Б. Ларсен собирался играть с открытыми картами: он, мол, победит Спасского, затем в финале Таля, после чего расправится и с Т. Петросяном. Уверенность Ларсена была настолько велика, что во время переговоров относительно места проведения матча он согласился играть финал в Москве, если Спасский даст согласие в полуфинале на Данию.

В торжественной обстановке состоялось открытие интереснейшего матча в Мальме, откуда до родного города Ларсена — Копенгагена — рукой подать. Ясно, что присутствовало много датчан. Торжественной процедуре придавало особое значение присутствие президента ФИДЕ Ф. Рогарда.

Впечатление в первой партии было такое, что премьера закончится мирно. Ларсену могло казаться, что Спасский играет на ничью. Но это было заблуждение датского гроссмейстера. Внешне совершенно безобидная позиция была не так проста, как казалась. Великолепный практик и техник, Спасский виртуозно умеет использовать незаметное простым глазом, микроскопическое преимущество. Посмотрите позицию на диаграмме:

ЛАРСЕН

СПАССКИЙ

В этой позиции открыта магистраль для размена ладей, после чего ничья кажется очевидной. Ни Ларсен, ни зрители, ни президент ФИДЕ не могли полагать, что уже через 18 ходов Ларсен получит мат! Вот как это произошло:

23. Кe2 — f4 Лc8 : c1
24. Лf1 : c1 Лf8 — c8
25. Лc1 : c8 + Кb6 : c8
26. Фd2 — c2 Кc8 — e7
27. Фc2 — c7 g7 — g6

Эту позицию Ларсен оценил неправильно. Вторжение ферзя белых весьма неприятно для черных.

28. Кf4 — d3 Кe7 — f5
29. g2 — g4 Кf5 — h6
Или 29... К : e3 30. Кe5
30. Кd3 — e5 Фa3 — b4
31. Кe5 — d7 Фb4 — e1 +

Необходимо было 31... Крg7. Ларсен успел попасть в цейтнот даже в этой простой позиции.

32. Крg1 — g2 Фe1 — e2 +
33. Крg2 — g3 Кh6 — f5 +

Попытка спастись вечным шахом не удается.

34. g4 : f5 Фe2 — e1 +
35. Крg3 — f4 Фe1 — h4 +
36. Крf4 — e5 Фh4 — g3 +
37. f3 — f4 Фg3 : e3 +
38. Крe5 — f6 ...

Король Спасского пришел в гости непосредственно к королю Ларсена — визит весьма неприятный, ибо Ларсен неизбежно получает мат.

38... Фe3 : d4 +

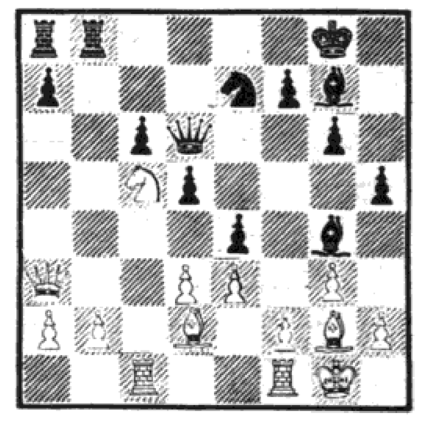
Последний, так называемый предсмертный шах.

39. Кd7 — e5. Черные сдались.

Первые, но не последние аплодисменты Спасскому. Первое, но не последнее разочарование Ларсена и его удивленных поклонников. Что случилось с Ларсеном, где же его обещание? Он сам сказал, что ничего особенного не случилось. Всякое бывает. Но случилось многое. Эта партия подтвердила известный факт, а именно: Ларсен как техник уступает Спасскому.

Сила Ларсена в тактических приемах. И вот датчанин во второй встрече спешит взять реванш. Он хочет запутать игру, но терпит новую неудачу даже в тактических осложнениях. Вот вторая часть этой партии:

СПАССКИЙ

ЛАРСЕН

Последний ход черных был 19... e4. Белые могли ответить 20. Сc3 и стояли бы неплохо. Но 20. Сc3 — слишком спокойный ход. Надо, во-первых, играть сложнее, во-вторых, отыгрываться за поражение — вот, видимо, мысли Ларсена в этот момент. И он решил запутать Спасского, сыграв:

20. b2 — b4 a7 — a5
21. d3 : e4 Сg4 — e2
22. Фa3 — b3 Сe2 — c4

Спасский не хочет брать качество, после чего у Ларсена была бы определенная компенсация.

23. Фb3 — b1 a5 : b4
24. Сd2 : b4 Сc4 : a2
25. Кc5 — d3 Сa2 : b1
26. Сb4 : d6 Сb1 : d3
27. Лf1 — d1 d5 : e4
28. Сd6 : e7 Лa8 — a2

Итак, Ларсену не удалось запутать Спасского. Наоборот, острая многоходовая перестрелка закончилась явно в пользу советского гроссмейстера. Тактика кончилась, и снова решает техника. Спасский чуть ли не шутя доводит свое преимущество до победы.

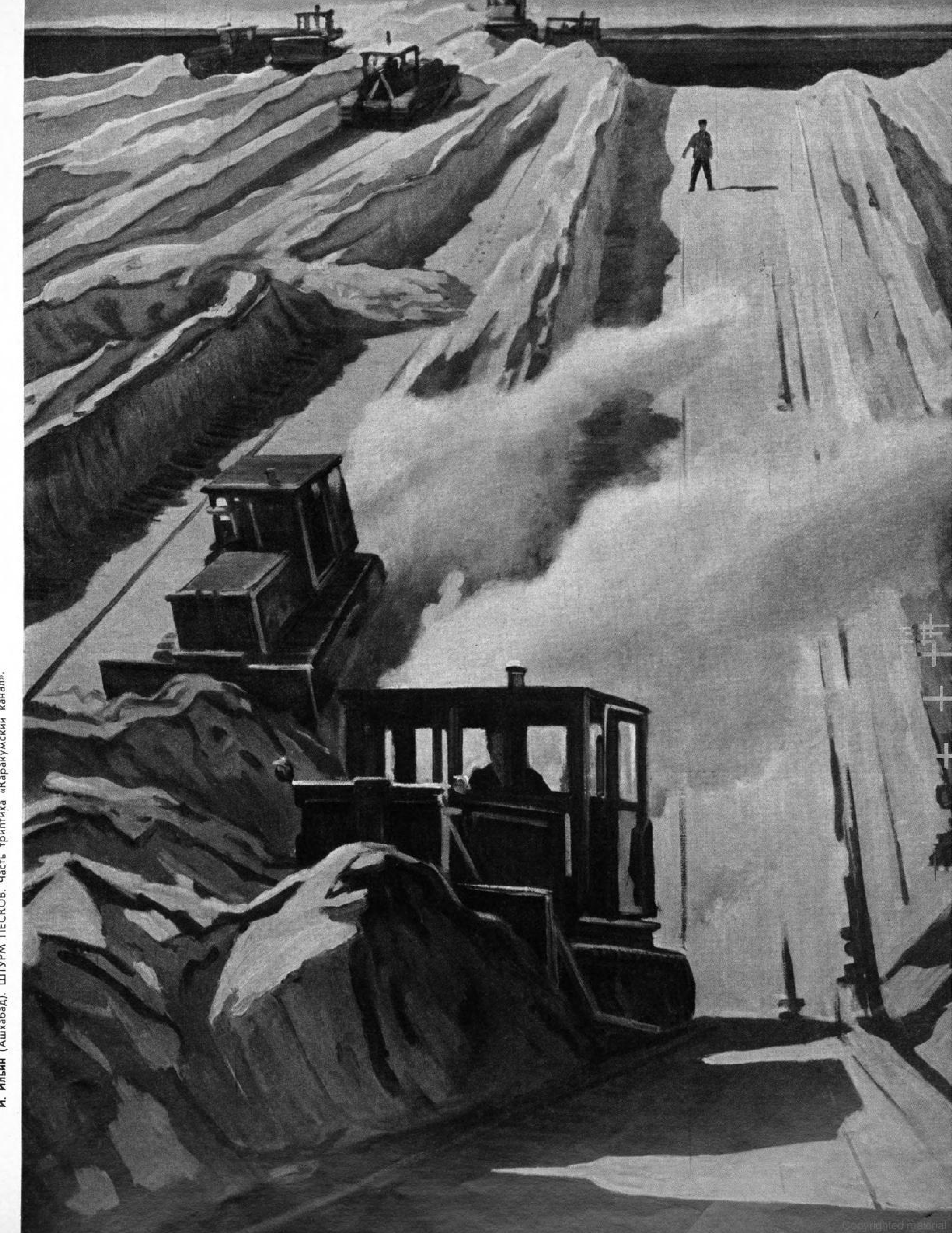
29. Сg2 — f1 Лb8 — b2
30. Сf1 : d3 e4 : d3
31. Лd1 : d3 Лb2 : f2
32. Сe7 — d6 Лf2 — g2 +
33. Крg1 — f1 Лg2 — h2
34. Крf1 — g1 Лh2 — c2
35. Лc1 : c2 Лa2 : c2
36. Сd6 — f4 Сg7 — f6
37. Лd3 — d7 Крg8 — f8
38. Крg1 — f1 Крf8 — e8
39. Лd7 — a7 Сf6 — e7
40. Крf1 — e1 Сe7 — b4 +
41. Крe1 — f1 Сb4 — e7
42. Крf1 — e1 f7 — f6
43. Крe1 — d1 Лc2 — c5
44. Крd1 — e2 g6 — g5
45. h4 : g5 f6 : g5
46. Сf4 — c7 Лc5 — b5
47. Сc7 — a5 Лb5 — b2 +
48. Крe2 — d3 Лb2 — a2

Ларсен сдался.

Счет стал 2 : 0, и после стремительно проведенной атаки в третьей партии Спасский увеличил его на 3 : 0! Такого бурного старта не ожидали даже самые большие оптимисты. 3 : 0! — такой разгром надломил даже веру и оптимизм Ларсена. Каким-то чудом датский гроссмейстер уцелел в четвертой партии. В пятой встрече Ларсен добился единственного успеха: неудобно ведь проигрывать с сухим счетом, но после седьмой партии счет стал для Ларсена катастрофическим — 5 : 2. И в восьмой партии Борис Спасский ничьей оформил свою больше чем убедительную победу 5,5 : 2,5!

Итак, М. Таль и Б. Ларсен выбыли из игры. Ничего не поделаешь. Время зарубцует их раны. Шахматный мир ждет от этих двух талантливых гроссмейстеров творческих и спортивных удач.

Борис Спасский и Виктор Корчной в финале! Увлекательный, напряженный и решающий поединок двух выдающихся советских шахматистов состоится в сентябре. Тогда-то мы и узнаем имя партнера Тиграна Петросяна.

И. Ильин (Ашхабад). ШТУРМ ПЕСКОВ. Часть триптиха «Каракумский канал».

Е. Кацман. КАЛЯЗИНСКИЕ КРУЖЕВНИЦЫ. 1928. Третьяковская галерея

ОГНЕННАЯ ДУГА

Николай АСАНОВ

Повесть

Рисунки П. ПИНКИСЕВИЧА.

Глава четвертая

ВЫСТРЕЛ ИЗ ТЕМНОТЫ

1.

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ

«На железных дорогах Франции резко увеличилось количество актов саботажа и диверсий. Французские патриоты изо дня в день наносят чувствительные удары по коммуникациям, которыми пользуются немецкие оккупанты. В районе Марселя за одну неделю пущено под откос 6 немецких поездов с военными грузами. Близ Лиона железнодорожники организовали столкновение немецкого воинского эшелона с товарным поездом. В Парижском районе только в феврале месяце выведено из строя 68 паровозов».

Совинформбюро.
20 марта 1943 года.

Неделя, о которой говорила Вита, не пропала даром. Толубеев проштудировал данные о вывозе различных руд норвежскими промышленниками и «Трафиком» за весь тысяча девятьсот сорок второй год и за первые два месяца сорок третьего. Что ни говори, а заместитель наркома, вспомнивший при прощании с Толубеевым великого русского химика, был прав. Имей Толубеев такое же гениальное прозрение, какое было у Менделеева, он бы, наверно, смог понять, что за пиво варят немцы против русской браги...

Так он думал и говорил про себя, уничижая себя от ярости, ибо не все было доступно пониманию в скупых цифрах отчетов. Но тем не менее кое-что он понял, кое-что высчитал, некоторые вещи просто угадал. К концу недели он, опираясь на процентное исчисление поставленных немцам присадочных материалов, вывел, например, формулу «сверхвязкой» стали, которую могли бы отлично варить немцы. Такая сверхвязкая сталь могла бы быть весьма опасна, если бы немцы пустили ее на броню. Восьмидесятивосьмимиллиметровый бронебойный снаряд-болванка при ударе по листу такой стали, всверливаясь в нее, начисто терял бы скорость. Но тут Толубееву представился такой танк, похожий на ежа от торчащих из него снарядных хвостов, и он просто записал поразившую его формулу: вязкая и сверхвязкая сталь могла пригодиться тоже, если не на поле войны, так в мирных условиях.

Он строил формулы стали ванадиевой, марганцевой, молибденовой, вольфрамовой, но все это были только догадки, не подкрепленные опытом лаборатории.

Однако в пятницу Толубеев, сократив формулы до предела нескольких строк, снова отправился в больницу навестить рыжего великана Ранссона. Так же, как и в прошлый раз, прихватил и сигарет и выпивки.

Ранссона он нашел в приемной. Рыбак уже переменил больничный халат на цивильное платье, только рука была еще на перевязи. На вопрос Толубеева, почему рыбак поторопился выписаться, Ранссон, криво улыбаясь, ответил, что профессиональный союз рыбаков отказался оплачивать лечение.

— Заявили, что пулевое ранение не есть трудовая травма,— пояснил он.

— Неужели немцы вмешались? — удивился Толубеев.

— В профсоюзах и своих фашистов хватает. Особенно среди бонз.

Это была новая сторона вопроса. Кажется, деятели норвежских профсоюзов должны были бы помнить судьбу своих собратьев в Германии, где фашисты начисто разгромили всю оппозицию, загнав функционеров в концлагеря...

— А кое-кто из наших бонз считает, что авторитарный фашистский профсоюз лучше множества разобщенных и всем недовольных рабочих организаций! — усмехнулся Ранссон.

От передачи он не отказался, записку Толубеева сунул в карман, сказал:

— Ко мне лучше не заходить,— старуха считает, что я ввязался в грязное дело. Правда, она думает, что я занялся контрабандой, но моим дружкам от этого не легче, готова помелом гнать. Я вам буду звонить сам каждую среду от одиннадцати до двенадцати, пароль — инспектор надзора. Почему не отремонтирована ваша лодка? Под такой грозный рык можно без опаски уговориться о свидании.

Он помахал здоровой рукой на прощание и побрел по длинной портовой улице, не оглядываясь. Толубеев, глядя в его широкую спину, невольно подумал, что этот человек товарища никогда не подведет.

Суббота прошла в тоскливом ожидании вестей от Виты. И она позвонила, но... из Берлина. Фрекен Сигне — секретарь Масона,— с неистребимым любопытством наблюдавшая за таинственным русским, опрометью вбежала в его комнатушку номер шесть, торопя:

— Вас к телефону! Берлин!

Странно далекий, милый, тоскующий голос звучал, словно из марсианской пустыни:

— Вольёдя, милый, я задерживаюсь! Но я помню, помню!

В Берлине она не осмелилась говорить по-русски, но он и так понял, что ее «помню, помню» относится не только к тому чувству, которое она и не хотела забыть и избыть, а и к тому разговору, которым он приобщил ее к своим заботам. На вопрос: «Когда ты вернешься?» — она жалобно ответила: «Не знаю, не знаю!» И он подумал, что Арвид Масон, наверно, постарается удержать ее в Германии до старости или, во всяком случае, до того, пока Толубеев не исчезнет навсегда. Толубеев даже спросил: «Но ты вернешься?» — и с чистой радостью услышал страстное: «Да! Да! Да!»

В час дня к нему поднялся Север Свенссон и пригласил к себе в усадьбу на уикэнд. Оказалось, что Вита позвонила и ему, попросила позаботиться о «госте». Толубеев спрятал свои бумаги и с радостью отдался дружескому гостеприимству Свенссонов.

Старший Свенссон, сидевший в машине, встретил его не только любезно, но и изумленно:

— О, да вы совсем поправились!

Толубеев и сам чувствовал себя совершенно здоровым. Вероятно, главным лекарством все-таки было огромное нервное напряжение, которое он испытывал все это время, многое зависело и от того, что Андреен и его жена тщательно заботились о нем, кормили до отвала, а нужная работа, как бы ни была она сложна, еще никого, говорят, до могилы не доводила. Но для Свенссонов, не видавших его с того самого памятного дня, перемены, происшедшие с ним, казались чудом.

Усадебка Свенссонов скорее была похожа на крестьянский хутор. Но Толубеев провел уикэнд прекрасно. Много ходил на лыжах, сытно ел, дружески разговаривал с людьми, которые если и не все его мысли понимали и принимали, так хоть добросовестно старались понять. В воскресенье вечером они

Продолжение. См. «Огонек №№ 30—33.

долго засиделись с этими разговорами за столом.

Он не знал, что сделал Ранссон с его записями, но надеялся, что они уже на столе у Корчмарева, а то и у заместителя наркома. А если это так, то там, в России, их уже рассматривают специалисты, а возможно, в какой-то лаборатории кто-то уже пытается сварить сталь по этим рецептам. И это в известной мере успокаивало его...

Но следующая неделя текла очень медленно и тоскливо. Снова и снова Толубеев проверял свои выводы, но ничего нового в документах больше не было. Он уже подумывал было съездить в Нарвик и в Киркенес, на самый север Норвегии, чтобы посмотреть на месте, что там добывают рудокопы, но благоразумие пока еще удерживало его от этого опрометчивого шага. Из Киркенеса можно было просто не вернуться, а он не имел права рисковать, пока не закончит операцию. Потом — пожалуйста, но сейчас его жизнь принадлежала не ему...

В среду позвонил грубый мужской голос, спросил, когда он отремонтирует свою лодку, она похожа на девку после беспутной ночи, инспекция сдерет с владельца штраф, который раз в десять превысит стоимость ремонта. Голос был незнаком Толубееву, но он обрадовался и грубому тону — все-таки о нем кто-то беспокоился... Между двумя фразами грубияна Толубеев сказал, что ждет наследства по завещанию покойного дядюшки из Берлина, а уж потом примется за ремонт. В трубке инспекторский голос проворчал:

— Смотрите не запаздывайте, а то будет поздно! Ваше первое объяснение мы переслали в главную инспекцию!

Такие грубости Толубеев был готов слушать хоть с утра до вечера. Но голос исчез. Теперь он появится только в следующую среду. Однако он успел передать, что все формулы Толубеева уже доставлены куда надо...

В субботу он уже ожидал только звонка Свенссонов: не оставят же они его изнывать в пустом городе. В половине первого телефон действительно зазвонил:

— Не соблаговолит ли господин Вольёдя разделить со мной уикэнд?

— Господи! Вита! — чуть слышным голосом — перехватило от волнения горло — прошептал он.

— Господин Вольёдя простужен? — все еще шутливо, но с отчетливым оттенком беспокойства спросила она.

— Нет, нет, Вита! — теперь уже слишком громко и радостно закричал он.

— Я жду вас у парка, господин Вольёдя,— сразу повеселев, продолжила она свою шутливую игру.— Бросьте все ваши дела, если вы еще помните меня!

Он так и сделал: пошвырял в сейф папки и бумаги — потом разберемся! — и проскочил мимо фрекен Сигне, не замечая ее изумленных глаз. До сих пор он казался ей образцом служебной выдержки, а сейчас промчался так, словно за ним гнались.

Вита открыла ему дверцу машины. Он не успел даже пожать ей руку, так резко она погнала машину.

— Как ты себя чувствуешь? Все ли у тебя в порядке? Почему ты не позвонила, что выезжаешь?

— Потом, потом! Надо выбраться из города, пока не начался час пик!

Она смотрела только на дорогу, обгоняя машины одну за другой, а он снова испытывал то самое чувство страха, которое ему уже пришлось пережить в первый раз, когда она усадила его в свою машину.

— А я думал, что отец оставит тебя в Германии до того дня, когда мы окружим Берлин...— пробормотал он, когда они вырвались наконец в голову бегущей из города колонны машин.

— А ты все еще уверен, что вы окружите Берлин? — сухо спросила она.— Разве ты не читал сводки немецкого командования о разгроме ваших войск между Северным Донцом и Днепром? Там уничтожены девять стрелковых дивизий, шесть стрелковых бригад, четыре кавалерийские дивизии, сколько-то моторизованных бригад и двадцать пять танковых...— Все это она перечислила так, будто цифры навеки врезались в память, и потом горестно воскликнула: — Вольёдя, это очень много, правда?

— На бумаге — да, много! — сказал он.— Но на деле гитлеровцы лгут. Они потеснили наши войска на харьковском направлении и в районе Курска, только и всего. У них так давно нет ощутимых побед и столько поражений, что теперь они решили воевать на бумаге. Кто же тогда разбил их под Вязьмой, под Гжатском? Жаль, что у меня нет карты, я бы показал тебе, как далеки они теперь и от Москвы и от Сталинграда...

— В усадьбе есть карта,— тихо сказала она.

И Толубеев понял, что перед ее глазами все еще стоят эти проклятые цифры, что она не только запомнила их, но и представила страшные поля сражений, где эти сухие цифры превратились для нее в такие горы трупов, каких не оставлял на своем пути даже Тамерлан.

— Пойми, Вита,— попытался он объяснить,— это их пропагандистская месть в ответ на разгром под Сталинградом. Там они потеряли целую армию, после чего им пришлось объявить траур во всей стране, а теперь, воспользовавшись маленьким частным успехом, они пытаются внушить и собственным согражданам и всему миру, будто все так же сильны, как в первые месяцы войны. Но это уже игра с краплеными картами. Конечно, они еще принесут много страданий нашему народу, они еще будут сопротивляться, а порой и одерживать мелкие победы, но тем необходимее разгромить их до конца. Но они знают, что такое вот беспардонное хвастовство пока что удерживает наших союзников от открытия второго фронта, держит на привязи их собственных обеспокоенных союзников. Это просто война нервов!

Она была безучастна, только губы страдальчески сжаты, брови нахмурены.

Оживилась она только в усадьбе. Заспешила с вещами, с обедом, с переодеванием. Стол, как и в прошлый раз, был накрыт, прислуга отпущена, и Вита с радостью принялась исполнять обязанности хозяйки. Но до того, как сесть за стол, все-таки повела Толубеева в комнату отца, где висела копия той карты, что Толубеев видел в его кабинете, правда, без флажков. И только когда Толубеев взял карандаш и прямо на карте начертил линию фронта на десятое ноября тысяча девятьсот сорок второго года и линию фронта, как он ее понимал сегодня, в марте, Вита вдруг как-то повеселела. Должно быть, ей, жительнице маленькой страны, которую можно было пересечь поперек в автомобиле за три — пять часов, а возле Нарвика — и пешком в течение одного часа, только теперь стали ясно видимы огромные масштабы территории, где шла ожесточенная борьба двух гигантских армий.

— Ты меня убедил, Вольёдя! — воскликнула она с тем прежним оттенком юмора, с каким встречала, как это она называла, «подрывную пропаганду».— О Вольёдя, ты всегда говоришь так убедительно, что в конце концов сделаешь из меня коммунистку и я пойду национализировать рудники моего отца! — Это была ее старая шутка, и он обрадовался, что то мрачное, что потрясло ее и в сводке и, наверное, в самой Германии, понемногу покидает ее.

Но он боялся расспрашивать ее и во время обеда рассказывал, как гостил у Свенссонов, как был рад ее заботе о нем, одиноком. Но после обеда, убрав со стола, она сказала сама:

— Почему ты не спрашиваешь, что я видела, когда была твоими глазами?

— Ты была моею душой! — поправил он.— Теперь расскажи, как же ты провела там эти две недели?

— О, нас принимали на уровне королевской семьи! — беспечно бросила она. И тут же поддразнила: — Там оказался племянник знаменитого Стиннеса, друга и соперника Круппов, он в первый же вечер предложил мне руку и сердце. А потом уже не отходил ни на шаг!

Толубеев поразился, как это ее маленькое хвастовство ранило его. И, конечно, Вита поняла или увидела его смятение. С той же беспечной шутливостью она сказала:

— И знаешь, он из породы немецких красавцев! Высокий, светловолосый, чистая нордическая раса!

— Твой успех у этих нордических господ я могу представить и без описания подробностей! — хмуро сказал он.

— Но я хотела обязательно показать его тебе и даже сфотографировала! — похвалилась она.— Вот, посмотри!

Она покопалась в своей сумочке и выбросила на стол снимок.

Толубеев совсем не хотел смотреть на этого племянника стального магната фашистского государства. Но что-то привлекло его внимание, а затем он схватил снимок и уже не мог оторваться. На снимке справа, почти вне фокуса, стоял какой-то молодой оболтус в мундире полковника СС, а за его спиной, очень четко очерченный, по полигону двигался Тяжелый Танк. Толубеев никак не мог оторвать от него взгляда.

Это был именно Тяжелый Танк еще не виданной Толубеевым конструкции. Скошенная лобовая броня его даже на снимке казалась особенно мощной. Почти таким же мощным был и левый борт машины. И пушка, торчавшая дулом вперед, в боевом положении, была мощнее прежнего танкового вооружения. Уж на прежние танки Толубеев достаточно нагляделся, чтобы сразу понять это.

— Как же тебе это удалось, Вита? — пораженный, спросил он.

— Ну, я же фотографировала родственника господина Стиннеса! — Она как будто даже не поняла, чем он встревожен.— А этот господин даже и не видел, что машина, которую пригласили нас смотреть, уже вышла на полигон. А потом я уже не бралась за аппарат.

— Значит, тебя все-таки предупредили, что снимать нельзя?

— Естественно! Мы же были приглашены на боевые испытания танка. Впрочем, приглашен был только отец, а я просто мило улыбнулась снятому тут господину, когда он проверял список приглашенных. Не забывай, пожалуйста, что я одна из самых богатых невест в Норвегии! Ведь отец просвещал тебя на этот счет? — поддразнила она снова.

— Что значит — боевые испытания? — спросил он, отстраняя этим вопросом ее шутливый тон.

— Ох, это было страшно! — Она даже побледнела.— Неужели ваши солдаты и на самом деле бросаются под танки с простыми гранатами?

— Бывает! — сурово сказал он.— Иногда даже просто с бутылками бензина.

— Они привезли на полигон батарею — или как это называется? — словом, три советские противотанковые пушки. Этот танк поставили метрах в восьмидесяти от пушек, экипаж вылез...

— Ага, значит, они все-таки боялись? — заметил Толубеев.

— Нет, им просто приказали! А командир танка настаивал, что пойдет прямо на батарею и раздавит все пушки!

— Что же было дальше?

— Солдаты начали стрелять из пушек советскими бронебойными снарядами. Все это мне объяснял этот болван-эсэсовец. Они сделали двадцать один выстрел, и снаряды отскакивали от танка, как будто он был заворожен...

— Просто хорошо забронирован! — хмуро сказал Толубеев.

— Потом, когда пушки увезли, нас пригласили к танку. На нем были только вмятины, и то всего две-три...

— Может быть, пушки стреляли холостыми?

— Нет, нет! Эти снаряды при ударе о танк ужасно визжали! Нас даже попросили перед стрельбой спуститься в блиндаж.

— Для чего же они это показывали?

— Но там были не мы одни! Там были два японца, турок, личный представитель болгарского царя, представитель Франко,

итальянский посол, группа промышленников, несколько офицеров вермахта...

— Так, значит, они пытаются убедить своих союзников в непобедимости нового оружия и заставить их раскошелиться на эту проигранную войну...

— Но это было действительно ужасно! — воскликнула она.

Он долго молчал, обдумывая, какой же силы удар могут нанести фашисты. И где они могут нанести его? На Москву? Но эти тяжелые танки в лесах и болотах Гжатска и Вязьмы могут оказаться беспомощными. Для действий такой армады нужны просторы, оперативные возможности. Южный фронт? Новый удар по степям на Сталинград? Удар на Курск? Если они наладили массовый выпуск этих танков два-три месяца назад,— а именно это вытекает из немецких закупок рудных материалов! — то к лету у них окажется много новых танковых корпусов численностью в несколько тысяч машин. Он-то знает, как умеют немцы организовать производство!

А Вита смотрела на него с робкой надеждой, как будто он мог сделать что-то такое, после чего все увиденное ею в Германии окажется просто кошмарным сном...

— Вам показывали заводы? — спросил он.

— Да. И даже плавку броневой стали новой марки. Да вот, посмотри сам! — Она протянула тонкую розовую руку, на безымянном пальце которой было черное кольцо.— Разве ты не заметил? — упрекнула она.— А ведь это — мое обручальное кольцо, которое подарил мне тот самый эсэсовец! Он имперский уполномоченный на этом заводе.

Толубеев без большого любопытства посмотрел на кольцо. Но опять что-то толкнуло его снять с пальца девушки этот чужой подарок. Украшением такое кольцо быть не могло, скорее памятным подарком. Но когда он взял его в руки, глаза его засверкали. Не от злобы на того, кто осмелился вручить его любимой памятный подарок, а оттого, что это было стальное кольцо!

— Вита, но как ты сумела сделать это?

— Просто попросила этого влюбленного болвана отлить мне в экспресс-лаборатории из последней пробы перед выпуском плавки этот маленький сувенир! Ну, неужели я не заслужила даже простого русского «спасибо»? — с комической грустью спросила она.

Он схватил ее на руки и закружил по комнате, крича:

— Заслужила, заслужила!

Она вырвалась из его рук, отобрала кольцо и снова надела на палец.

— Сейчас же отдай его мне!

— Вот этого я не могу сделать! — спокойно возразила она.

— Почему?

— Откуда я знаю, что светловолосый господин с пустыми очами не поручил комунибудь взглядывать ежедневно на это кольцо? И откуда я знаю, что случится с тем из моих друзей, у кого это кольцо найдут, если я его потеряю? Поэтому ты получишь его только с моей рукой! Ты ведь когда-нибудь женишься на мне, Вольдя? — шутливо, но в то же время и жалобно спросила она.

— Да, да, да! — поклялся он, целуя руку, левую, на которой темнело проклятое стальное кольцо. И попросил: — Но ты никогда не потеряешь это кольцо, теперь уже не ради светловолосого расиста, а ради меня! И в тот час, когда оно понадобится, вручишь его мне.

— Ох, Вольдя, сколько ты ставишь условий! А ведь я никогда ни о чем не просила тебя! — Она вздохнула устало и грустно, потом улыбнулась через силу, добавила: — Я ведь оберегаю только тебя!

Да, она оберегала его. Но очень может быть, что она сбережет и жизни тысяч других русских людей, если только Толубеев успеет доставить этот бесценный дар на Родину. А ведь это опять будет бегством от нее, ударом по ее смятенному сердцу, да и по своему сердцу это тоже будет ударом...

2.

ВЕЧЕРНЕЕ СООБЩЕНИЕ

«Недалеко от гор. Туль (Франция) вольные стрелки совершили нападение на немецкий отряд. В завязавшейся схватке убито и ранено 28 гитлеровцев. В Омикуре французские патриоты взорвали немецкий эшелон с военными материалами».

Совинформбюро.
28 марта 1943 года.

В среду он нетерпеливо ждал звонка из «морской инспекции».

В полдень тот же грубый голос, который он уже слышал однажды, спросил:

— Как дела с вашей лодкой?

Толубеев поспешнее, чем следовало бы, наверно, ответил:

— Лодка готова! Я хотел бы испытать ее как можно скорее!

После паузы голос мрачно сказал:

— Хорошо, я передам главному инспектору вашу просьбу и позвоню к вечеру.

Перед концом рабочего дня позвонил сам Ранссон:

— Господин Толубеев? Я жду вас на восьмом причале в порту...

Толубеев запер комнату, сдал ключ фрекен Сигне и бросился на улицу.

Таксист, чрезвычайно ловко ныряя меж машин, высадил его у шестого причала. Как ни мал был опыт Толубеева в работе разведчика, столько-то он понимал: не обязательно, чтобы таксист знал, куда он спешит. К сожалению, шестой причал был пуст, и таксист даже спросил, не подождать ли господина.

Толубеев отослал его и только после этого заторопился на восьмой. Было крайне неприятно заставлять больного Ранссона ждать.

Осло-фиорд тяжело и медленно накатывал серые волны на серый бетон причала и заградительных бон. Было холодно, резко ветрено, неуютно. Но фиорд все равно дышал удивительной свободой, хотя Толубеев знал, что не так далеко по нему бродят немецкие сторожевики, а в приграничных водах, с той же страстью к поиску, ловле и убийству, шныряют таможенные катера, перенявшие немецкую манеру стрелять без вопросов.

Ранссон сидел на холодной каменной причальной тумбе и неспешно курил сигарету. Завидев Толубеева, он встал и пошел, не оборачиваясь, и Толубеев уже один рассмотрел маленький рыболовный, а при нужде и прогулочный катерок с золотыми буквами «Сигрид». Почему, черт возьми, все эти принадлежащие грубым рыбакам и контрабандистам лодки, яхты и катера носят такие нежные женские имена? Неужели рыбак, даже и погибая, помнит о жене или дочери, в честь которой названа его опасная посудина?

Он заспешил вдогонку за Ранссоном, который все так же носил левую руку на перевязи да и двигался не очень-то уверенно, как будто у него кружилась голова. Но тут Ранссон нырнул в маленькое кафе с пестрыми индюками и фазанами, нарисованными прямо на окнах, и Толубеев, остановившись закурить и оглядеться, шагнул за ним в вертящуюся дверь.

Здесь Ранссон, видно, чувствовал себя в полной безопасности, так как поднял правую руку и приветственно помахал Толубееву.

Толубеев заказал душистого, как видно, совершенно химического рома и кофе и, когда хозяин поставил перед ними все эти блага, торопливо сказал:

— Мне нужно домой и как можно скорее!

— У вас есть здесь друзья, на которых вы можете положиться? Дело в том, что с моей покалеченной рукой один я с лодкой не справлюсь.

— Попрошу тех, что приняли меня...

— А, господа Свенссоны! Что же, это приличные люди и к тому же отличные мореходы.

Толубеев удивленно взглянул на рыбака. Тот отмахнулся:

— А, мы были обязаны знать каждый ваш шаг. Пока ошибок не было. Главной ошибкой будет, если мы попадем в лапы к нашим таможенникам или к немцам.

— А можно вооружить ваше суденышко?

— После прошлой встречи с немцами я уже подумал об этом. Можно поставить на корму крупнокалиберный пулемет «Бофорс». Дымовые шашки я уже заготовил.

— Пойдут ли на это Свенссоны?

— Они приличные люди, я уже сказал. А это значит, что они храбрые люди. Да и не обязательно попадаться всяким ищейкам.

— Когда?

— Сегодня наш радист испросит рандеву и сообщит, что это очень срочно. Завтра не отлучайтесь никуда из вашей конторы: возможно, кто-нибудь позвонит вам.

Они выпили химическое зелье, и Ранссон ушел. Толубеев посидел еще, попробовал английский, по всей видимости, контрабандный чай и отправился к дядюшке Андреену. Вот еще неожиданная задача: как исчезнуть, не обидев мастера? Он решил написать ему письмо, спрятать в чемодан. Дядюшка Андреен не пойдет в полицию искать своего исчезнувшего жильца, он сначала посмотрит, нет ли записки. И ему будет достаточно нескольких теплых слов.

Распорядившись так всем своим имуществом, Толубеев почувствовал себя спокойнее.

А на следующий день утром знакомый грубый голос произнес:

— Испытание лодки назначено на субботу. Капитан будет ждать вас в Черном фиорде в восемь часов вечера. Свенссоны доставят вас на судно и проводят до места.

Если бы Толубеев увидел этого грубоголосого человека, то, наверно, обнял бы его и поцеловал.

Но голос исчез, и все эмоции пришлось оставить при себе.

Значит, подводная лодка вышла сразу по получении сигнала. Сейчас она лежит где-то на грунте, а ночью опять всплывет и двинется дальше, мимо берегов Норвегии, мимо радаров, мимо сторожевиков и противолодочных кораблей. А ночью в субботу она вынырнет в условной точке пролива Скагеррак и примет на борт советского офицера Толубеева. Так Толубеев снова покинет эту страну, и теперь уже надолго...

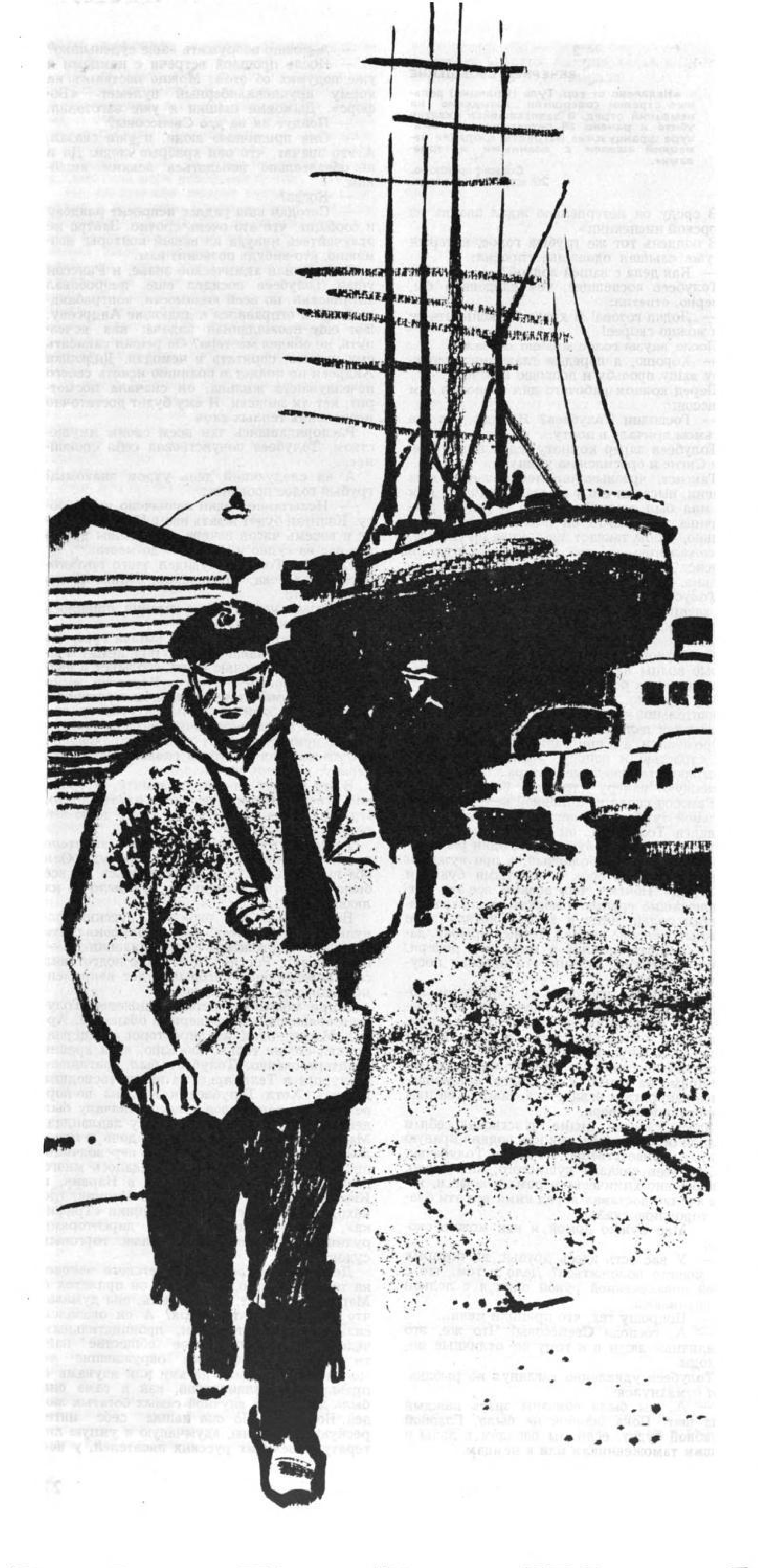
В эту минуту он вспомнил Виту, и страшное чувство жалости и горечи охватило его. При чем здесь она? Почему на ее долю выпали эти страдания?

Тогда, в тридцать восьмом, это налетело на них, как пожар, как смерч, как чудо. Они оба пытались честно сопротивляться, но все было против их рассудка, и все было за их любовь...

Вита только что окончила русский факультет университета: отец давно понял, что будущее норвежских промышленников — в торговле с Россией, и заранее подготовил себе переводчика, который будет непременно защищать его интересы.

Когда молодой советский инженер Толубеев появился в акционерном обществе, Арвид Масон, один из директоров концерна, принял его не только любезно, но и крайне заинтересованно. Толубеев был приглашен на курорт в Телемарке, на виллу господина Масона. Хотя Толубеев и говорил по-норвежски, но запас слов у него поначалу был действительно не больше, чем у лапландца. Масон представил гостю свою дочь и предложил ей взять на себя роль переводчицы при советском инженере. Ожидалось много деловых переговоров, выезды в Нарвик, в Киркенес, затем в Швецию, в Кируну, где находились самые богатые рудники «Трафика», встречи с акционерами, директорами рудников, заводов, владельцами торговых судов...

Девушка смотрела на советского человека так изумленно, как будто он прилетел с Марса. Кто знает, может быть, она думала, что ей представят дикаря? А он оказался сильным, мужественным, проницательным человеком, каких в ее обществе найти было трудно. Все окружавшие ее молодые люди были детьми или внуками и правнуками миллионеров, как и сама она была дочерью и внучкой самых богатых людей Норвегии. Но она нашла себе интересную профессию, вдумчивую и умную литературу великих русских писателей, у нее

было дело, а у окружавших ее сверстников — безделье, возведенное в принцип...

Впрочем, все это Толубеев понял значительно позже, когда вел, как выражалась Вита, «подрывную пропаганду», то есть когда они стали подлинными друзьями и могли часами разговаривать со все возрастающей нежностью и откровенностью.

В апреле сорокового года положение в стране внезапно резко изменилось. Гитлер, одним ударом заканчивая «странную войну», обрушился на малые страны. Дания и Норвегия подверглись оккупации. В эти тревожные дни Вита пришла к Толубееву.

Они тщательно охраняли свое счастье от посторонних глаз. Но Арвид Масон, никогда и ни в чем не ограничивавший свою единственную дочь, наблюдал за нею, как выяснилось позже, с пристальной тревогой. Прошлой осенью у него произошел первый разговор с Витой.

Отец настаивал, чтобы Вита уехала в Германию продолжать образование. Вита отказалась. Тогда он прямо спросил:

— Из-за русского инженера?

И Вита так же прямо ответила:

— Да.

Он не решился применить к ней суровые меры: это могло привести к полному разрыву с дочерью. И всю зиму Вита и Толубеев встречались более свободно. Но в апреле началось то самое «дело», о котором Толубеев напомнил Кристиансу. Тогда он пытался скрыть от Виты, что именно из-за нее ему приказано немедленно покинуть ее родину и вернуться домой. Но любящего человека обмануть невозможно. Она поняла все. И только внезапно нагрянувшая война помогла им пережить то оскорбительное недоверие, с каким отнеслись к их чувствам те, от кого зависело сделать их по-настоящему счастливыми.

Так почему же он опять должен нанести ей этот страшный удар?

Он несколько раз порывался позвонить Вите, но, набрав номер телефона до предпоследней цифры, одумывался и бросал трубку. В один из перерывов между этими несостоявшимися звонками телефон резко и гулко прозвонил, и послышался испуганный голос Виты:

— Свенссоны мне только что сказали...— И сдерживаемые слезы перехватили милый голос.

— Вита, если можешь, поедем в усадьбу. Все равно я больше ничего не могу делать...

— Я тоже,— призналась она.— Выходи к воротам парка, я сейчас подъеду...

Она и на этот раз оказалась мужественной, эта хрупкая голубоглазая девушка. Только щеки побледнели, только в уголках губ прорезались морщинки, только молчаливее стала она. Упрямо склонившись к рулю, она гнала машину вперед, как будто там, за крутолобыми горами, за редкоствольными березовыми рощицами, еще надеялась догнать свое счастье.

Прислуга была снова отпущена, только невидимый истопник где-то внизу, в подвале, гремел железной кочергой, разбивая шлак в паровом котле отопления. Опять обедали вдвоем, только этот обед был еще грустнее того, прощального, три года назад, когда она все спрашивала, почему он должен уехать.

Вечером внезапно нагрянули Свенссоны. А может быть, Вита заранее сговорилась с ними? И профессор и сын его, магистр изящной словесности, были встревожены: они уже поняли, что Толубеев совсем не тот, за кого себя выдавал, а задать главный вопрос они стеснялись или, может быть, просто боялись.

Только после ужина, уже за кофе, Севед Свенссон спросил:

— Куда вы хотите исчезнуть?

И Толубеев коротко ответил:

— Домой. Мне еще надо долго воевать...

Севед Свенссон сказал:

— Мне всегда казалось, что плененный человек выбывает из игры.

— Эта война совсем не похожа на игру!

Старший Свенссон хмуро сообщил:

— Я слушал сегодня немецкое радио: ваши войска оставили Белгород. Немцы хва-

стают, что это крупный город в центре России, в самых плодородных областях страны.

— Да, это большой город...

— Немцы говорят, что военное счастье снова на их стороне. По их подсчетам, получается, что советские войска потеряли в этих операциях под Харьковом и Белгородом за восемь недель сто шестьдесят дивизий и бригад...

— Бумага все стерпит!

— Как? Как? — не понял Севед Свенссон.

— Русская идиома, — объяснила Вита. — Господин Вольдя говорит, что написать или напечатать можно все, что угодно. Он не верит немецким сводкам...

Свенссоны уехали сразу после ужина. Уже на пороге, прощаясь, старший Свенссон спросил:

— Итак, в субботу вечером?

— Да.

— Хорошо, мы с сыном выполним поручение, хотя я так и не уяснил, что вам было нужно в нашей стране.

— Только немецкий вывоз стратегического сырья из Норвегии...

— О, наши промышленники продали немцам всю страну! — с горечью признал Свенссон.

— Но людей продать они не смогли! — ответил Толубеев. — И чем скорее мы разгромим немецкие армии, тем быстрее вы освободитесь от этой рабской зависимости...

— Боюсь, что эта война превратится в Тридцатилетнюю! — вымолвил Свенссон.

— Ее конец уже предрешен, и напрасно немцы похваляются своими мнимыми победами!

— Да будет так! — торжественно подхватил старший Свенссон, и Севед молча склонил голову, присоединяясь к нему.

3.

УТРЕННЕЕ СООБЩЕНИЕ

«Датские патриоты за последнее время усилили борьбу против немецких оккупантов. В первой половине марта в Копенгагене взорвано три цеха на одном крупном заводе. 26 марта произошел взрыв на другом машиностроительном заводе, выпускающем продукцию для немецкой армии. На днях группа патриотов ночью подожгла казарму, в которой находились немецкие солдаты».

Совинформбюро,
31 марта 1943 года.

В пятницу они ненадолго съездили в город. Толубеев позвонил мастеру Андреену на завод, сказал, что отправится на неделю в Киркенес по делам концерна, заехал в его домик и взял из чемодана самое необходимое, оставив в нем прощальную записку, в которой обещал встретиться «в шесть часов вечера после войны». Вита поехала за письмами отца.

Когда он сел в машину возле ворот парка, ему бросились в глаза крупные свертки в упаковке с магазинным клеймом. Дома Вита торжественно преподнесла ему один из свертков:

— Пожалуйста, надень это, я хочу посмотреть, как ты будешь выглядеть...

У него не хватило духу обижать ее отказом. Поднявшись к себе, он распаковал сверток. В нем оказался рыбацкий костюм из какой-то плотной материи, подбитый гагачьим пухом: и куртка, и брюки, и высокие сапоги с ремнями под коленом и на щиколотке, «скифские», как называли эту обувь заядлые яхтсмены, и шерстяные толстые чулки. Когда он надел все это обмундирование и подошел к зеркалу, он и сам себе показался настоящим «морским волком».

Выйдя в этом наряде в столовую, он остановился, пораженный. На Вите был точно такой же наряд, правда, более изящный, но на Вите все выглядело изящно.

— Тебе-то это зачем? — изумленно спросил он и вдруг ощутил холодок в груди. Она, кажется, решила идти в море вместе со Свенссонами!

— Я буду с тобой до последнего мгновения! — твердо сказала она.

Возражать он не мог.

Полюбовавшись в зеркало, она ушла к себе и сменила этот маскарадный костюм на обычное платье. Он тоже переоделся, но легче от этого не стало. Все думалось: долгие проводы — лишние слезы.

Весь этот вечер и весь субботний день она была необычно тиха, послушна, ухаживала за ним, как за больным. Из дома они не выходили, да Толубеев и остерегался: теперь, когда все было готово для возвращения, надо было притаиться, замереть. И Вита как будто поняла это его желание...

Он сидел в верхнем холле, перелистывал газеты, прислушивался к движениям Виты, собиравшей на стол внизу: сегодня она не пела, не звенела столовыми приборами. Но когда она пригласила его к столу, удивился: обед был необычайно пышный, праздничный. Заметив его удивление, грустно пошутила:

— У нас же не было ни помолвки, ни свадьбы! Пусть будет хоть прощание!

Долго сидели за столом, выпили бутылку белого мозельского вина, но он не почувствовал ни вкуса, ни запаха. Все его чувства и ощущения как будто перегорели, осталась зола. Во всяком случае, весь мир казался серым, как зола.

В шесть часов вечера приехали Свенссоны. Оба были в грубой рыбацкой робе. Костюм Толубеева, в который он переоделся к вечеру, похвалили, Виту попытались отговорить от поездки, но безуспешно... В туристско-рыбацком своем костюме она была холодна, как настоящий викинг. Свенссон-старший сказал наконец:

— Я еще не знавал ни одного мужчину, начиная со времен Адама, который мог бы уговорить женщину не делать глупостей, но мир как будто не пострадал от этого. Оставьте ее, молодые люди!

В машине она сидела рядом с Толубеевым такая же тихая, грустная. Он все время чувствовал ее плечо и руку, и это было похоже на прощальное объятие.

В полной темноте они спрятали машину за стеной старого хутора, где она стояла и в прошлый раз. Опять появились два человека, один — рослый и плотный, похожий на Свенссона-старшего, другой — худой, длинный. Их лодка стояла на мостках, над морем. Ее скатили на воду, рыбаки, стоя в воде, держали за борта, Свенссон-старший сгреб Толубеева и перенес по воде в лодку, Севед Свенссон взял на руки Виту и усадил рядом с Толубеевым. Потом они влезли сами, за ними — рыбаки, и лодка тихо поползла по черной воде фиорда.

Оглянувшись, Толубеев снова увидел тонкий лучик света, пробивавшийся откуда-то, как из зашторенного окна. А взглянув по направлению луча вперед, заметил лежавший в дрейфе катер. Это было судно Ранссона «Сигрид».

Пересаживались тихо, здоровались шепотом. Виту сразу провели в каютку на носу, доставившая их лодка беззвучно исчезла, Ранссон поднял косой парус, и весенний, хотя и холодный, ветер с берега толкнул суденышко. Сразу исчез направляющий луч, каменные громады фиорда словно раздвинулись, и суденышко вышло в залив. Ранссон включил мотор.

Рокот мотора тревожил, возбуждал. Казалось, что его слышно на обоих берегах залива. Поэтому Ранссон прижимал суденышко ближе к скалам.

Но едва появлялись огоньки прибрежных городков, как Ранссон уводил суденышко мористее, по-видимому, опасался нечаянной встречи. Около десяти часов вечера миновали Арендаль, распластавшийся глубоко по берегу. В это время Вита выглянула из каюты, увидела этот тающий и расплывающийся свет и что-то сказала в сторону города. Толубеев изумленно посмотрел на нее, ему показалось, что она произнесла нечто похожее на «Прощай!».

Они были на выходе в пролив Скагеррак, когда из берегового укрытия наперерез им ринулся длинный, похожий на хищную рыбу катер береговой охраны. Он был освещен топовыми огнями и сильным прожектором, установленным на носу. Катер несся, казалось, бесшумно, потому что Ранссон попытался форсировать свой мотор, едва завидел это светящееся привидение. Но скорости были несравнимы. «Сигрид» как будто стояла на месте, а таможенный катер резал темноту и пространство, как брошенный сильной рукой стальной нож.

С катера прострочила предупреждающая очередь пулемета. Ранссон крикнул:

— Дымовые шашки!

Отец и сын Свенссоны бросились на корму, где на борту были разложены дымовые шашки. Отец зажигал запальные шнуры, а сын швырял эти дымящиеся гранаты одну за другой. С катера дали вторую очередь, теперь там целились по носу «Сигрид». Толубеев заставил выскочившую на выстрелы Виту лечь между сложенными сетями, а сам кинулся к Ранссону:

— Где пулемет?

— На корме под брезентом! — буркнул тот, измеряя взглядом расстояние между «Сигрид» и таможенным катером. Оно все сокращалось.

Толубеев выдернул из ножен рыбацкий нож и бросился на корму.

Он полоснул по веревкам и брезенту и открыл тело пулемета.

Это был «Бофорс», неизвестный ему пулемет, с колесиками и рукоятками для прицеливания. Но разглядывать устройство было некогда. Толубеев развернул пулемет руками, целясь в прожектор, и дал резкую, сильную очередь. Прожектор погас, в тот же момент Ранссон выключил мотор. Катер вошел в облако дыма.

В следующий миг, под брань и крики таможенников, их катер тоже скрылся в дыму. И тогда с их палубы ударил спаренный пулемет. Толубеева толкнуло в плечо и отбросило к борту. Он еще вскочил сгоряча и тут же рухнул навзничь.

Вита вскрикнула, но Ранссон так властно прошипел: «Тихо!» — что она замолчала. Катера разошлись в дыму, брань таможенников стала еле слышна. Тогда Ранссон шепотом приказал:

— Фрекен, перевяжите русского! Бинты в аптечном ящике в каюте.

Севед Свенссон приподнял раненого, пытаясь остановить кровотечение. Подоспела Вита. Они сняли куртку с Толубеева, разорвали шерстяное белье и принялись бинтовать вялое, непослушное тело. Катер таможенников исчез где-то в темноте, и Ранссон снова включил мотор.

Как видно, Ранссон не напрасно выводил свой катер в море по ночам. Никто так и не понял, каким образом ему удалось выйти в точку рандеву. Но перед ними выплыл из темноты борт подводной лодки, послышался осторожный оклик.

— Помогите поднять раненого русского! — властно приказала Вита.

С лодки сбросили в катер штормтрап, молодой моряк спрыгнул на борт катера и помог Севеду Свенссону поднять обмякшее тело. Вслед за Толубеевым на подводную лодку поднялась Вита.

— Я ухожу с вами! — резко, отвергая все возражения, сказала она... — Все данные у меня! А жизнь вашего офицера в опасности, и я должна быть при нем. Я его жена!

Команда «Сигрид», не понимающая русского языка, с удивлением слушала страстную речь девушки. Но вот она обернулась к ним, сказала:

— Я остаюсь с господином Толубеевым. Передайте отцу, мы вернемся в день, когда наступит мир. В шесть часов вечера после войны — как любит говорить Вольдя!

Матросы вносили раненого в лодку. Так же решительно спустилась за ними и девушка. И человек, отвечавший за рандеву, молча пожал плечами.

Продолжение следует.

ПОХОЖДЕНИЯ СУХОПУТНОГО АЛЬФОНСА

П. ЕВГЕНЬЕВ

Фельетон

Камбуз не стал его стихией, а должность корабельного кока не обогащала духовно и материально. Возомнив, что он создан для искусства, выпускник Одесского профтехучилища морского флота (по специальности повар) Александр Нетепенко сошел, то бишь драпанул, на берег с борта теплохода «Курильск» Сахалинского пароходства. С собой он прихватил чистый бланк трудовой книжки.

На суше, в Южно-Сахалинске, он женился на актрисе филармонии и перебрался во Владивосток, куда перевели его супругу. Чтобы не ударить в грязь лицом перед знакомыми, он заодно с женой поступил в педагогический институт искусств. Но актера из него не вышло: подвел слабоватый голос. Поэтому он начал играть в жизни, благо доверчивых представительниц слабого пола и ротозеев из мужского сословия на его пути попадалось немало. Оказалось, что никчемные артистические данные все-таки годятся для амплуа жулика. Но справедливости ради заметим, что больше всего Нетепенко удавались роли героя-любовника.

Поначалу мешала проклятая поварская профессия. С нею он покончил довольно легко: в новенькой трудовой книжке собственной рукой заполнил несколько страниц. Каллиграфическим почерком старательно вывел, что он инженер-судоводитель, окончивший высшее Одесское мореходное училище. И хотя липа удостоверялась гербовой печатью Сахалинского пароходства, отдаленного от Одессы не на одну тысячу морских миль, на это не обращали никакого внимания те, кто сердобольно трудоустраивал новоиспеченного морского инженера на сугубо сухопутную работу. Так произошло во владивостокском СУ-5, где Нетепенко подвизался в качестве освобожденного секретаря комитета комсомола. Ничего подозрительного в его послужном списке не заметили и в редакциях газет городов Арсеньева и Лесозаводска, куда его зачисляли литературным сотрудником.

Море его не звало. Жену с ребенком он оставил, полагая, что у него появились литературные способности. Ему удалось попасть на заочное отделение Литературного института имени А. М. Горького в Москве. Правда, с первого курса он был отчислен за академическую задолженность и за аферы в Саратове и Волгограде. Суть последних сводилась к тому, что Нетепенко входил в доверие к людям, брал у них деньги, обещал возвратить и исчезал, «как дым, как утренний туман». В своих махинациях он не брезговал ничем.

В Палласовском районе, Волгоградской области, в 1964 году он работал в редакции газеты «Рассвет», жил на квартире у пенсионеров Бутыриных. Однажды сказал им, что ему нужно срочно выехать по делам в Волгоград. Занял тридцать рублей и пуд муки — и был таков. Бедным старикам пришлось жаловаться прокурору.

На некоторое время Нетепенко осел в Волгограде. Поступил матросом в районное отделение «Волготанкер», проболтался там месяц, украл бланк трудовой книжки и уволился по собственному желанию. В этой книжке он уже превратил себя в штурмана дальнего плавания, питомца того же самого высшего Одесского мореходного училища, и сделал отметку о своем назначении третьим помощником капитана теплохода «Курильск», на котором когда-то служил коком. Зачислил себя Нетепенко на иную должность и в отделении «Волготанкер», указав, что здесь он был диспетчером, а не рядовым матросом. Все страницы книжки, отведенные поощрениям, он испещрил записями о благодарностях, денежных премиях, почетных грамотах, которых отродясь не получал. Новую подделку он заверил круглой печатью Волгоградского районного отделения «Волготанкер» (до гербовой добраться не довелось). Этой же печатью скрепил запись о направлении владельца трудовой книжки на учебу в Литературный институт имени А. М. Горького Владивостокским отделением Союза советских писателей и краевым отделением ТАСС. И, как прежде, некому было разоблачить афериста.

Весной 1964 года Нетепенко вызвали в военкомат, нужно было идти в армию. Испугавшись трудностей воинской службы, он с военным билетом на руках, с владивостокской пропиской в паспорте устремился вверх по матушке по Волге, став дезертиром мирного времени.

Почти на год забрался в леса Коми АССР, где его зачислили помощником начальника лесопункта в Усть-Куломском районе. С лесорубов урвать было нечего, поэтому Нетепенко перебрался в Ижевск. Неподалеку от столицы Удмуртии он сотрудничал в редакции газеты «Знамя». Наезжал частенько в Ижевск, заводил знакомства с женщинами. Одной актрисе театра музкомедии объяснился в любви и взял у нее 335 рублей. Затем переметнулся к другой молодой особе, та охотно дала ему взаймы 125 рублей. Женщины скоро поняли, что знакомый «журналист» их просто охмурил, и обратились в милицию. А их обожаемый, почувствовав, что запахло жареным, спешно покинул Ижевск.

Всего на месяц он задержался в Саратове, устроился литсотрудником в областной комитет по радиовещанию и телевидению. Обобрал нескольких саратовских девчат и выехал в Казань, там совершил очередную мошенническую операцию и убрался в Иваново.

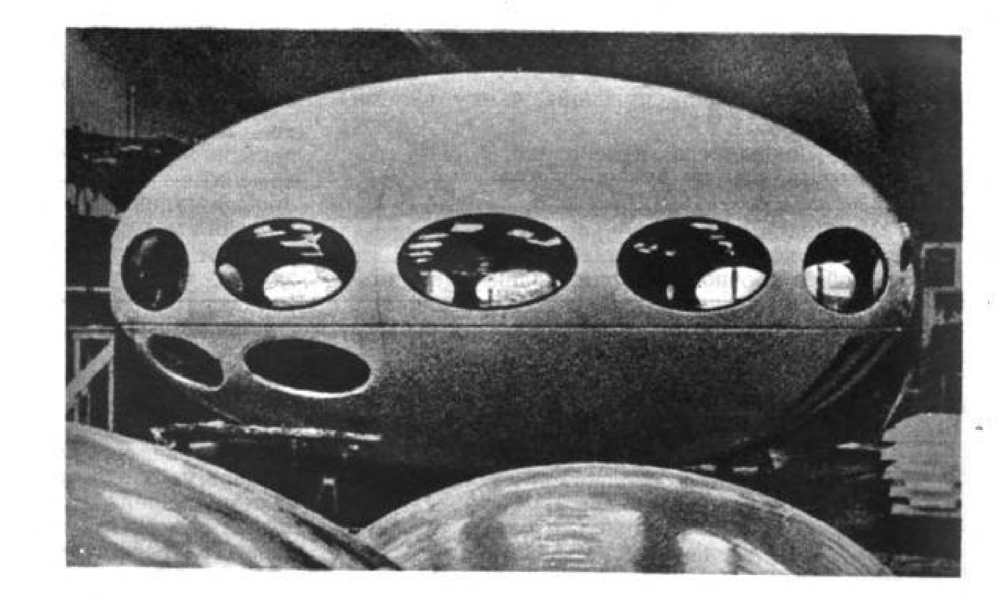
В городе текстильщиков Нетепенко прожил целых полгода. В феврале 1966 года его приняли младшим литературным сотрудником в редакцию областной газеты «Рабочий путь» — блестящие отзывы из Волгограда помогли.

В Иванове Нетепенко засел за роман из жизни лесорубов, одновременно писал рассказы о текстильщиках, не зная толком жизни ни тех, ни других. Это его не смущало, он назвал роман «Человек ищет дорогу» и направил пухлую рукопись на всесоюзный конкурс. Вскоре из Москвы пришла нелестная рецензия. Приведем из нее

УТРЕННЯЯ ПОВЕРКА

Эти пингвины лондонского зоопарка отличаются примерной дисциплиной. С раннего возраста их приучили каждое утро выстраиваться перед клеткой, а затем отправляться на завтрак под командой старшего пингвина.

небольшую выдержку. «А. Нетепенко, по-моему, взялся не за свое дело, сочиняя объемистый роман «Человек ищет дорогу»,— резюмировал рецензент В. Новиков.

Автор неудачного опуса не пал духом и затеял очередной роман с молодой вдовой, смекнув, что у той можно изрядно поживиться. Он поселился у нее на квартире, за три месяца получил от женщины 580 рублей, прибрал к рукам вещи ее покойного мужа. Среди похищенного оказались даже плавки и фаянсовый ночник.

Обстоятельства требовали перемены мест, милиция разыскивала Нетепенко, поэтому он сел в московский поезд и появился в столице. Здесь продолжал действовать теми же методами: обзаводился новыми знакомыми женщинами, выуживал деньги. Промышлять таким путем в Москве было труднее — интересовались пропиской, больших сумм никто не давал.

Летом 1967 года Нетепенко приехал в Белгород. Сначала пожил у двоюродной тетки в селе, обманул соседей, выпросив у кого пятерку, у кого десятку. Денег не хватало, и он перебрался в Белгород, поселился в гостинице. Слоняясь по городу, ловелас легко заводил знакомства с женщинами, выискивал очередную жертву. Представлялся он журналистом, для убедительности показывал вырезки из газет.

Заходил Нетепенко и в редакции местных газет, сумел даже напечататься. Одна из его зарисовок в молодежной газете «Ленинская смена» называлась «Пидманулы Галю» и была подписана: «А. Нетепенко, журналист». Удивительно, что личностью заезжего «журналиста» никто не интересовался. А мошенник наглел все больше и больше. Он отрекомендовывался корреспондентом ТАСС, работником КГБ, писателем. И на удочку проходимца клевали легкомысленные белгородки. У одной из них он вытянул 860 рублей.

Пустив женщине пыль в глаза, он отправился в Москву «проталкивать» свой роман. Предварительно заручился согласием возлюбленной на пересылку ему денежных переводов в Москву, до востребования. И переводы по нескольку сотен рублей полетели в столицу, а сухопутный альфонс кутил с московскими девицами, сорил деньгами. Как раз в этот период Нетепенко, не полагаясь на память, делает в записной книжке пометки о назначенных свиданиях. Вот как выглядит одна из таких записей: «10 декабря 1967 года, в 18 часов у Большого театра, под копытами лошадей (Тамара)».

Пожив в столице на широкую ногу, поиздержавшись, Нетепенко возвратился в Белгород, представ перед любимой в форме офицера военно-морского флота, с погонами капитана третьего ранга. «Меня перевели в военный отдел ТАСС»,— не моргнув глазом, сообщил он. «Я выполняю секретное задание»,— травит пройдоха женщине в следующий раз. Наконец, ему надоедает придумывать новые легенды, и он предпринимает такой шаг: в нарочно забытой книге оставляет написанный его рукою рапорт на вымышленное имя заместителя председателя Комитета государственной безопасности. Уловка удается, примитив срабатывает, расспросы прекращаются.

Перед Новым годом в кармане у Нетепенко осталась последняя десятка. Он упросил официантку ресторана найти ему одно место за столиком, чтобы встретить Новый год. В одиночестве просидев новогоднюю ночь, лишь утром добрался до своего номера в гостиннице. Первый день Нового года провалялся в постели.

Утром 2 января 1968 года в дверь номера постучали. «Она!» — обрадовался Нетепенко и, набросив на плечи китель, распахнул дверь.

— Старший следователь управления охраны общественного порядка Дахно,— представился высокий мужчина в штатском.

...Расследование шло несколько месяцев, требовалось проследить весь путь, по которому пять лет петлял аферист. Следствие выяснило, что мошенническим путем Нетепенко получил 3 236 рублей.

И вот в зале народного суда Белгорода звучит:

— Встать, суд идет!

Председательствующий Ю. Д. Сидоров объявляет судебное заседание открытым и сообщает, что слушается уголовное дело по обвинению А. И. Нетепенко в преступлениях, предусмотренных несколькими статьями Уголовного кодекса РСФСР.

— Подсудимый, назовите вашу правильную фамилию, год рождения,— просит судья.

С передней скамьи поднимается щуплый розовощекий молодой человек и тихо отвечает:

— Нетепенко Александр Иванович, 1941 года рождения.

— Признаете свою вину? — спрашивает председательствующий после оглашения обвинительного заключения.

— Да, признаю,— произносит подсудимый.

Два дня слушал суд показания Нетепенко. Председательствующий выясняет:

— Почему вы не захотели работать поваром?

— Эта специальность меня шокировала,— слышится в ответ.

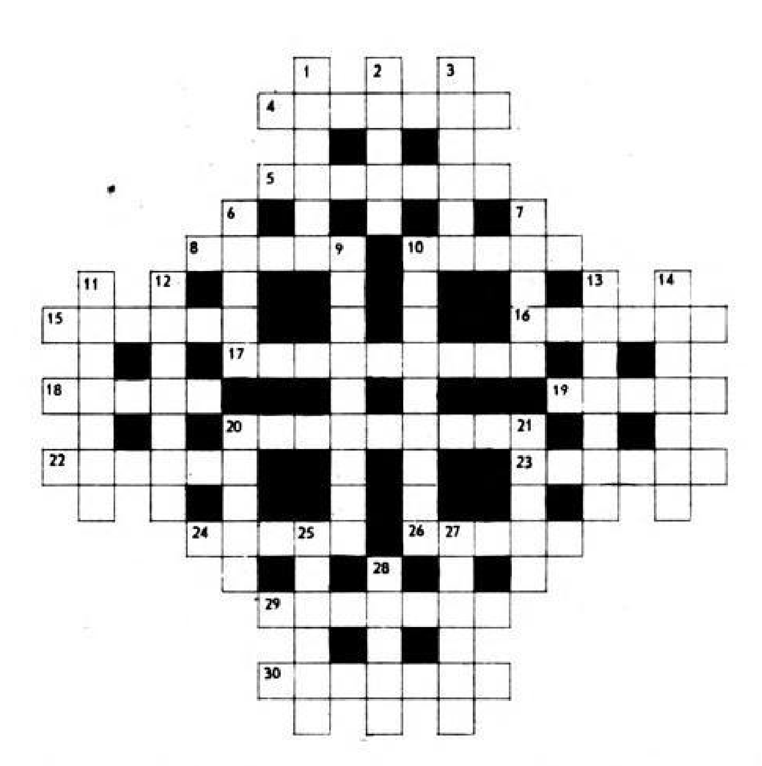
— А почему вы уклонились от воинской службы? — продолжает судья.

— Я так увлекся творческой работой над романом, что забыл о повестке в военкомат,— пытается убедить судей Нетепенко.

Многим из потерпевших было стыдно являться в суд. Под разными предлогами они предпочли не приезжать в Белгород. А все они достойны упрека за то, что так легко позволили мошеннику обмануть себя.

Финал похождений А. И. Нетепенко таков: по приговору народного суда он осужден на четыре года лишения свободы со взысканием присвоенных им сумм в пользу потерпевших.

Белгород.

КРОССВОРД

По горизонтали:

4. Украинский танец. 5. Единица количества теплоты. 8. Рыба семейства корюшковых. 10. Тропическое растение. 15. Река в Мурманской области. 16. Русский флотоводец. 17. Металлорежущий инструмент. 18. Газета железнодорожников. 19. Накладные волосы. 20. Порт на Рыбинском водохранилище. 22. Крученая пряжа разных цветов. 23. Научно-фантастический роман А. Н. Толстого. 24. Героический крейсер. 26. Разновидность фортепьяно. 29. Областной центр в РСФСР. 30. Древнегреческий философ и математик.

По вертикали:

1. Советский писатель. 2. Спортивная лодка. 3. Действующее лицо оперы Дж. Россини «Севильский цирюльник». 6. Литературный жанр. 7. Гора на Северном Кавказе. 9. Группа островов. 10. Землеройная машина. 11. Приток Хопра. 12. Съедобный гриб. 13. Итальянский живописец эпохи Возрождения. 14. Ожерелье. 20. Боевой молот, древнее оружие. 21. Большая болотная птица. 25. Государство, расположенное у восточного побережья Азии. 27. Спутник планеты Уран. 28. Драгоценный камень.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 33

По горизонтали:

4. Магнолия. 9. Антропология. 10. Чемпион. 12. Аксинья. 14. Трап. 16. Титан. 17. Асама. 18. Кашкадарья. 19. Рысак. 22. Декан. 24. Арфа. 26. Суффикс. 28. Антарес. 29. Акселерометр. 30. Тарасова.

По вертикали:

1. Швабрин. 2. Спиноза. 3. Борозда. 5. Триест. 6. Гарпун. 7. Рябина. 8. «Мальва». 11. Омшаник. 13. Кальман. 14. Такса. 15. Праща. 20. Студия. 21. Кафтан. 22. Драпри. 23. Кречет. 25. Реферат. 27. Сметана. 28. Армавир.

На первой странице обложки: Стражи неба.
Фото Г. Макарова.

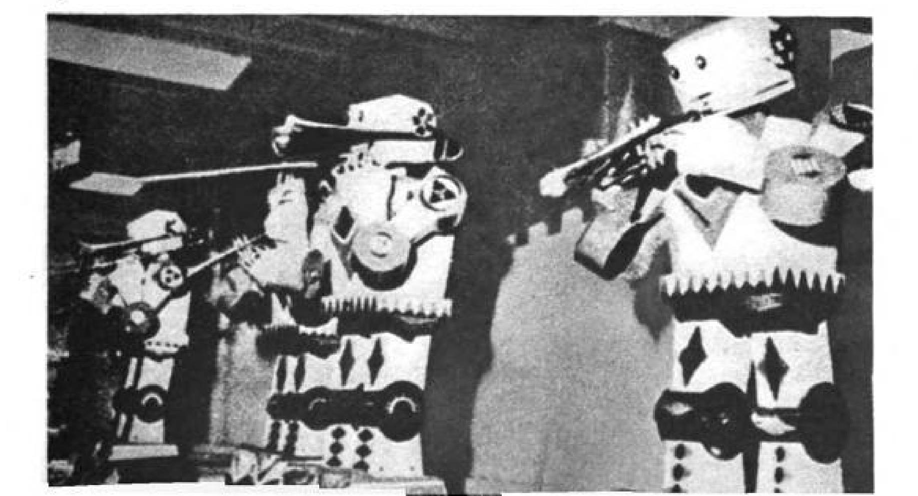
На последней странице обложки: Работы скульптора В. Трофимова—белый медведь и северные олени. Як. Обезьяны. Композиция из бумажных макетов. Носорог.
Фото Г. Зарахани.

◀ **ДОМ БУДУЩЕГО**

Так, по мнению финского архитектора Матти Сууронена, будет выглядеть летняя дача, сделанная из пластика.

МУЗЫКАНТЫ-РОБОТЫ

Японец Жиро Аизава сконструировал оркестр из роботов, играющих на различных инструментах. Недавно роботы-музыканты с огромным успехом выступали в Токио.

Главный редактор — А. В. СОФРОНОВ.
Редакционная коллегия: Д. Н. БАЛЬТЕРМАНЦ, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Н. Б. ПАСТУХОВ, И. Ф. СТАДНЮК (заместитель главного редактора), Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются.

Оформление Л. ШУМАНА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 253-31-10; Очерка — 250-15-33; Библиографии — 253-38-26; Науки и техники—250-14-70; Юмора—253-32-13; Спорта—253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-30-39.

А 00462. Сдано в набор 30/VII-68 г. Подписано к печ. 13/VIII-68 г. Формат бум. 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 2 050 000 экз. Изд. № 1418. Заказ № 2104.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Октябрята в „Октябренке“

Н. АЛЕКСЕЕВА

Фото Б. КУЗЬМИНА.

Заведующая ателье «Октябренок» Елена Алексеевна Безумова подготовила все необходимое для работы. На столиках разложила игрушки, цветные карандаши, бумагу. Для чего это? А как же: все дети любят рисовать. И еще нужно развесить образцы тканей так, чтобы они сразу привлекли внимание. Теперь осталось только положить на столик журналы с детскими моделями одежды...

Открывается дверь, и входит первая клиентка, сопровождаемая папой. Держится Наташа уверенно и независимо, она здесь не первый раз. Сегодня у нее торжественный день: готов заказ — красивое платье в синий горошек. Платье Наташе очень понравилось, и, перед тем как уйти, она садится за столик и рисует большую картину на память закройщикам. На картине солнце, звезды, месяц, дождь, снежинки и вертолет. А в вертолете сидит Иван-Царевич.

Один за другим появляются новые заказчики. Тем из них, кто пришел сюда первый раз, все здесь кажется необычным. Сначала они робеют. Но замешательство проходит очень скоро, и дети в ожидании примерки поднимают беготню. Когда надоест носиться друг за другом, начинают рассматривать картинки на стенах или садятся рисовать сами. Что и говорить: занятий тут у ребят полно. Надо и журналы полистать: выбрать фасон, как это делает мама, когда приходит в свое взрослое ателье. Надо и в примерочную заглянуть. Там тоже очень интересно: сначала надевают на девчонку какой-то балахон, потом закройщица ходит-ходит вокруг тебя, что-то непонятное делает, и вот уж стоит та девчонка как принцесса из сказки: какое на ней красивое платье!

Время летит быстро. А сколько впечатлений! Ребята долго потом будут рассказывать друзьям о своем ателье «Октябренок», где им шьют такие чудесные платья и костюмы и где они чувствуют себя вполне самостоятельными, взрослыми заказчиками.

Вот в каком ателье мы побывали в городе Перми.

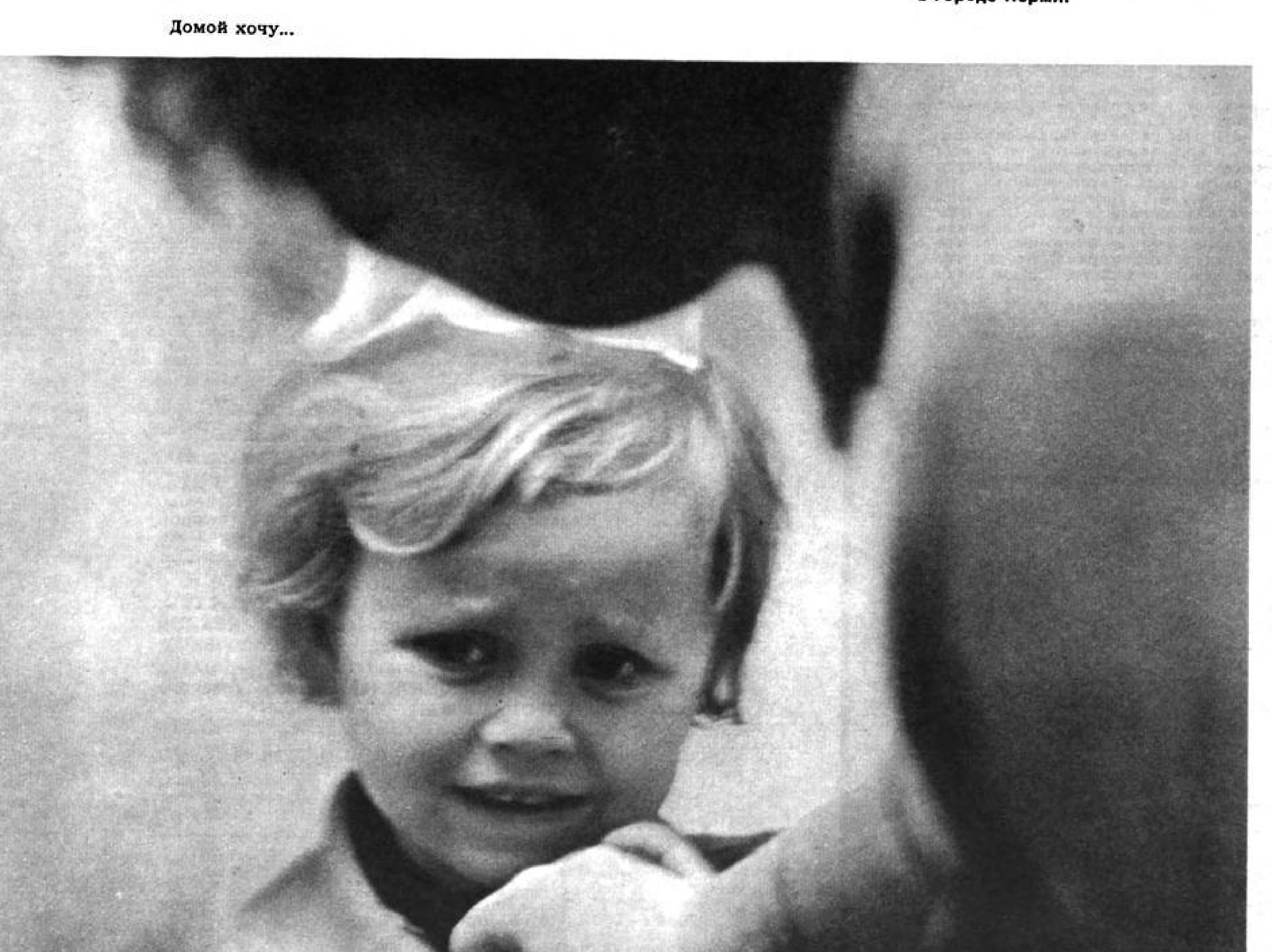

Я здесь третий раз!..

У меня новое платье!

Домой хочу...

Солнце нарисовала, а вот трава не получается...

Медведю обязательно нужна шапка.

Нынче в моде короткие юбки.

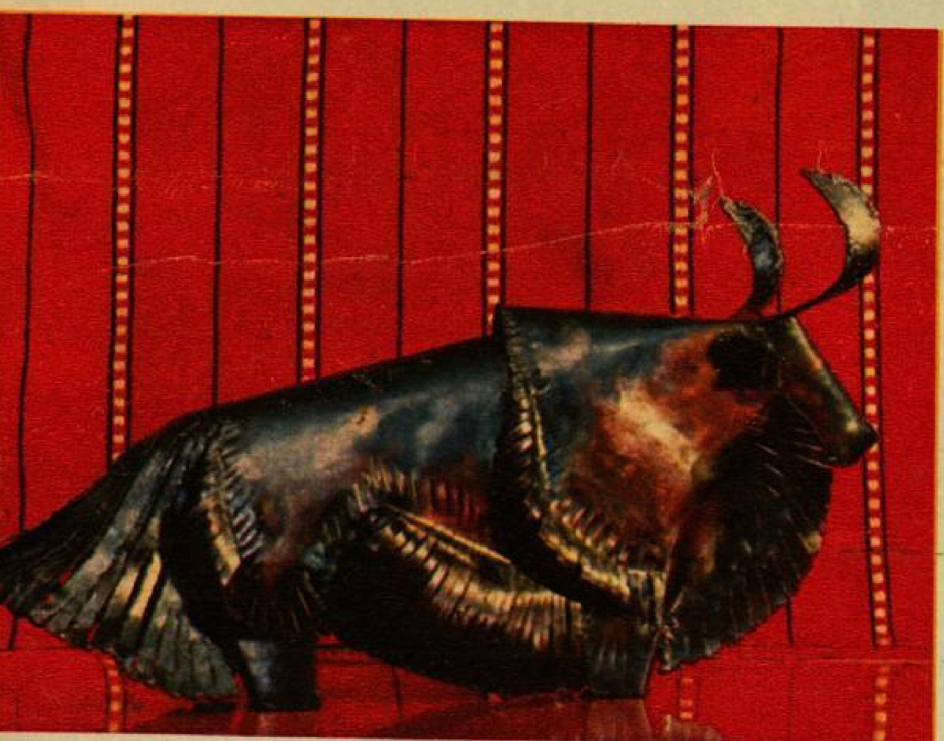
А скоро наша очередь?

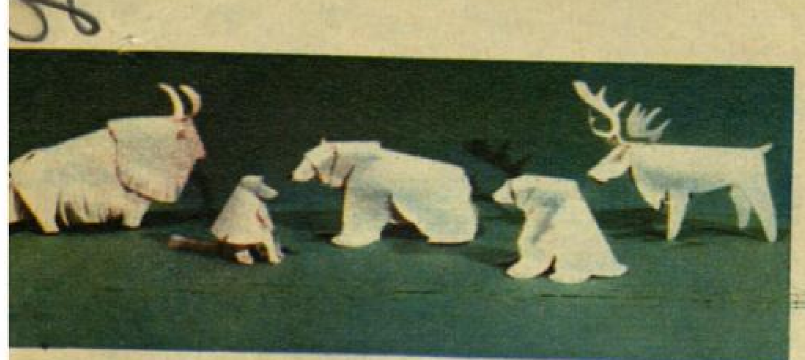
Кому водить?

Примерка. Это очень страшно?

Цена номера 30 коп.

Индекс 70663